

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

Год литературы

Юрий Осипов **Портфель Гоголя** 4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Метерлинк.
Бельгийский Шекспир** 18

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Кровавый эпилог** 24

Это интересно

Владимир Братченко **Певец прерий** 38

Лав Стори

Валерия Быкова **Больше, чем любовь** 50

Поэзия

*Екатерина Наска,
Александр Куц* **Стихи** 63

Владимир Фремо **Стихи** 124

Шедевры

Ирина Опимах **Ван Гог.
«Прогулка заключенных»** 66

Рандеву

Елена Воробьева **Владимир Скворцов:
«Все миры движимы любовью»** 78

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Мендельсон. Нежный гений** 87

Рассказ

Святослав Тараховский **Чемпионка** 98

Минувшее

Денис Логинов **Его стихов
пленительная сладость...** 107

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Сердце Бога**.....128

Кроссворд. Эрудит

188

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Актер театра и кино Владимир Скворцов (фото из личного архива)
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.
Зак. №315

Цена свободная
Номер подписан в печать: 21.01.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Уважаемые читатели!

ООО «Журнал «Смена» предлагает Вам оформить новый вид подписки — на электронную версию любимого журнала. Данный вид подписки актуален для читателей, предпочитающих наслаждаться чтением при помощи компьютера, iPad, iPhone и иных современных гаджетов.

Вы можете оформить подписку и ежемесячно получать электронную версию журнала «СМЕНА» на свой e-mail. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в отделении Банка или при помощи on-line системы любого банка по нашим реквизитам и выслать копию купона и оплаченной квитанции на эл. почту: sales@smena-online.ru

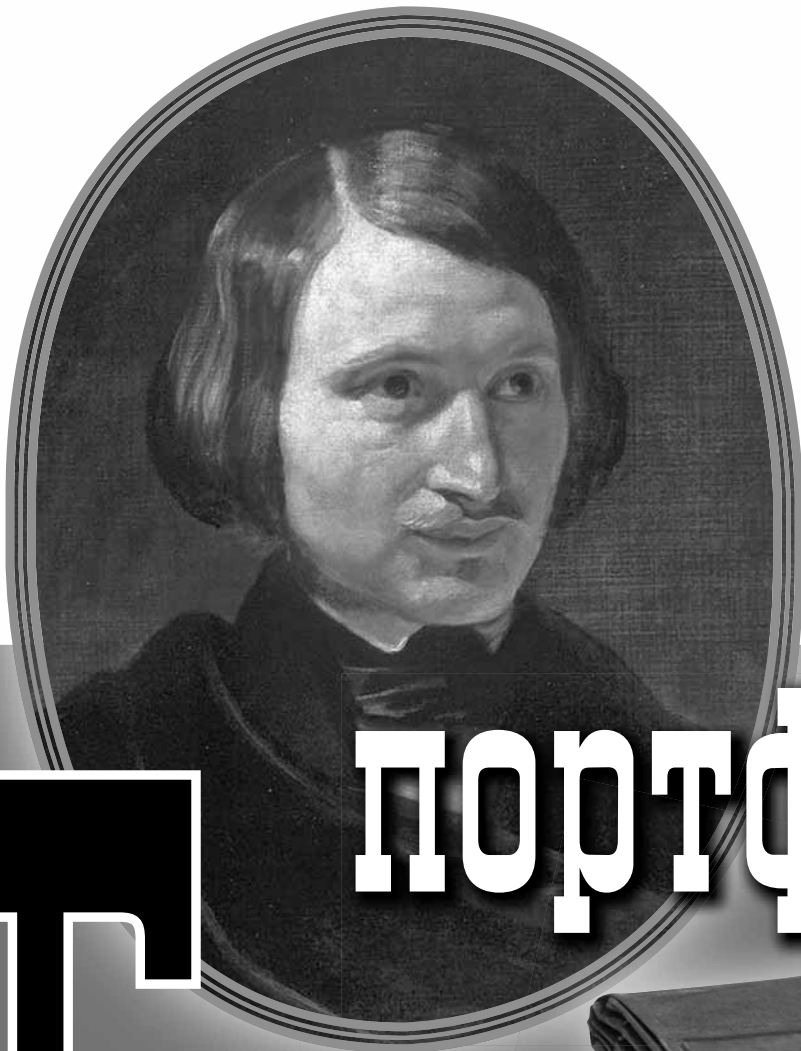
Стоимость за 3 месяца подписки	Стоимость за 6 месяцев подписки
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____ город _____
 Дата рождения _____ Эл. адрес (e-mail) _____
 Указать интересующие Вас номера _____

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет 3010181040000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
	Подпись плательщика		
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет 3010181040000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России		
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Юрий Осипов

Портфель Гоголя

...Всю дорогу от Петербурга сеялся мелкий, наводящий тоску дождь. Холодный ветер гнал впереди возка низкие хвостатые тучи. Гоголь кутался в шинель, заворачивал ноги полостью, однако ничто не помогало.

Проклиная погоду, грязь и плутовство станционных смотрителей, он, наконец, добрался до Тверской заставы. Свежий номер «Московских ведомостей» сообщал, что дворцовая контора продает на Пресненских прудах «карасей отборных». Рядом шли объявления о продаже турецких шалей, караковых жеребцов, «годных для господ офицеров». И какая-то безутешная коллежская ассессорша истошно взывала:

«Умершего мужа моего дворовый человек Алексей Журилко, 28 лет, росту... белокур, глаза серые... бежал».

Гоголь читал и усмеялся. Это были прямо-таки его герои затрапезного дня 1832 года скудеющей «столицы», когда писатель впервые приехал сюда. Он вез в Москву потертый кожаный портфель с золоченым замочком, в котором лежали начальные наброски второго тома «Мертвых душ». Она уже вызревала в его мятущейся душе, эта книга, наполненная разящим смехом, от которого почему-то щемило сердце... И давний замысел комедии, так понравившийся Пушкину, постепенно обретал ясные очертания. Даже название придумалось — «Владимир третьей степени».

Вот, правда, цензура... Комедия ведь про высшее чиновничество да про орден, дающий дворянство. В Москве же нужные люди — добрейший брат по перу Сергей Тимофеевич Аксаков, заодно служивший в цензурном ведомстве. Директор управления московских театров, знаменитый исторический романист Загоскин. Вездесущий архивист, историк, издатель и литератор, с которым считаются в верхах, Михайла Петрович Погодин. Ну, и, конечно, гордость российской сцены Щепкин, способный заступиться за друга-драматурга.

Заканчивался принесший славу петербургский период жизни Гоголя. Дальнейшие планы писателя были связаны с Первопрестольной, которую он всегда называл своей родиной. Там начиналась университетская деятельность Гоголя на кафедре всеобщей истории. Там он неизменно находил бескорыстную помощь и поддержку. Оттуда пошла его литературная известность...

Едва слышав от заставы мерный перезвон «сорока сороков», Николай Васильевич встрепенулся и, невзирая на начинающуюся простуду, велел проехать через Красную площадь. Только поклонившись кремлевским соборам и окинув взором пеструю уличную толчею, он направился в любимую пушкинскую гостиницу — в дом Обера на Тверской.

Первой его заботой было проверить портфель с рукописями, в другом же хранилось скудное белье. Истинный поэт вещей, погружавший читателя в вакханалию быта, Гоголь, будучи бездомным скитальцем, «все свое носил с собой». Собственно, и носить-то было особенно нечего. В молодости он питал простительную слабость к дорогим красивым

безделушкам — затейливым вазочкам, брелокам, ярким шейным платкам. С годами, в особенности после знакомства в Италии с аскетом и подвижником кисти Александром Ивановым, строго ограничил себя во внешнем комфорте, и лишь тонкая золотая цепочка часов поверх темного бархатного жилета оставалась как бы стыдливой данью былым увлечениям.

Иное дело — обувь. Николай Васильевич много ходил пешком, ноги у него часто опухали, и он ценил мягкие удобные сапоги, сам придирчиво выбирал для них кожу, бережно ухаживал за ними и всегда держал про запас ненюшеную пару сапог. (В них его и похоронили.)

Когда Александра Осиповна Смирнова-Россет преподнесла ему однажды изумительный портфель английской работы, Гоголь со вздохом повертел его в руках и вернул со словами: «Подарите лучше Жуковскому». Он шутил, что избавляется от собственных слабостей, надевая ими персонажей своих произведений, и как никто умел обставлять литературных героев вещами.

Едва ли не первым в отечественной литературе Гоголь понял значение обиходной вещи для острой психологической характеристики человека, тогда как, скажем, у того же Жуковского вещь, по большей части, — знак памяти.

Отмеченные мемуаристами странные пуховые шляпы Гоголя, его неопикуемый зеленый плащ, бабьи капоры, в которые он мог нарядиться,

встав с пером за конторку и на разные голоса пробуя вслух реплики разных персонажей, — все эти «причуды гения» помогали замкнутому, болезненно ранимому писателю мистифицировать не в меру любопытных и побеждать природную робость и застенчивость, обживаясь в актерских личинах придуманных героев. Сюда же относится и нарочитая демонстрация «особых» рецептов приготовления итальянских макарон и «гоголь-моголя» («Гоголь любит «гоголь-моголь», — приговаривал он при этом.) Или «бенкендорфа», то есть жженки с голубым пламенем под цвет жандармских мундиров.

Личных вещей Гоголя дошло до нас очень мало. Они сопровождали его десятилетиями, многое видели, многое помнят. На них печать его вкусов и привычек. Обкусанное перо. Карманные часы фирмы Буре с выцарапанной на задней крышке надписью: «Гоголь, 1831 г.» Вышитая домашняя шапочка. Стекланый стаканчик для лекарств с золоченым ободком. Другой, фарфоровый, в форме бочонка, в котором Гоголь держал перья и карандаши, и который он собственноручно склеил, когда тот треснул. Потертый кожаный портфель.

Сколько волнующих историй связано с ними, сколько имен и судеб!..

У Щепкиных, в гостеприимном доме у Каретного ряда, сиделись обедать поздно, и Гоголь успевал к первому блюду после своих излю-

бленных долгих прогулок по Москве. В прихожей сбрасывал крылатку, поправлял перед зеркалом взбитый кок русых волос и, прижав к груди заветный портфель с рукописью новой комедии, быстро проскальзывал в гостиную. За чаем часто читал пьесу труппе Малого театра, показывая актерам, как нужно исполнять ту или иную роль. С.Т. Аксаков, вспоминая чтение Гоголем «Женитьбы», писал: «На сцене... эта комедия не так полна, цельна и даже не так смешна, как в чтении самого автора».

конторке, бесцельно, вроде бы, передвинул на верхней доске маленький стеклянный стаканчик с пилюлями и фарфоровый бочонок. Не уверенно потянул из него остро очиненное перо с глянцевым сизым концом. Отложил. Взглянул за другое, что пожиже и покороче, и, уже сосредоточенно, обмакнул в чернильницу, откинув левой рукой обложку тетради...

Гоголь особенно дорожил этими ранними часами, когда дом еще не наполнили детские голоса, и можно

Гоголь вез в Москву потертый кожаный портфель, в котором лежали начальные наброски второго тома «Мертвых душ». Давний замысел комедии постепенно обретал ясные очертания. Даже название придумалось — «Владимир третьей степени». Вот, правда, цензура... Но в Москве у него много нужных людей, способных заступиться за друга-драматурга...

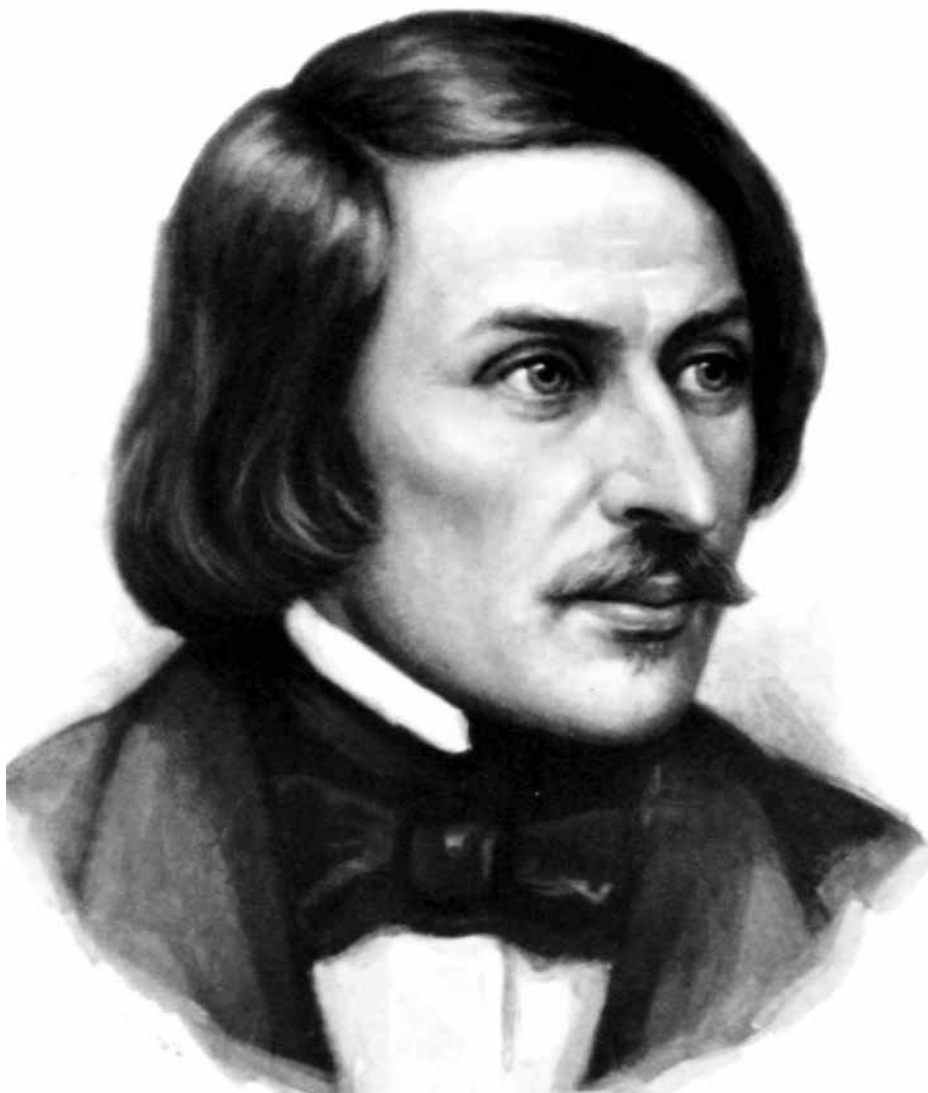

...Запахнув халат и зябко поеживаясь, Гоголь подошел к окну, нерешительно побарабанил пальцами по стеклу и неожиданно разом отворил обе фрамуги. В лицо пахнуло запахом прелой земли и жасмина. В чистом утреннем небе над Девичьим полем оголтело носились ласточки. Огромный запущенный погодинский сад искрился каплями росы.

Он присел на подоконник, потрогал отцветающую гроздь сирени и непонятно чему улыбнулся. Потом затворил окно, медленно вернулся к

в тиши и покое подготовиться к трудовому дню.

Еще в начале 1836 года Погодин приобрел настоящую городскую усадьбу, превратившуюся со временем в яркую достопримечательность культурной Москвы. «Сменялись поколения и направления: один Погодин не менялся и был в постоянном дружеском общении с людьми всех возрастов и классов». Здесь читали свои произведения Островский и Писемский, выступали с устными рассказами Щепкин, Садовский,

Горбунов, играл Рубинштейн, еще ранее бывал Пушкин, затем — Аксаковы, Хомяков, Тургенев, Тютчев, Толстой. В одном из флигелей хозяин содержал частный пансион, в котором учился Афанасий Фет. В главном же здании помещалось уникальное погодинское древлехранилище. Познакомиться с его материалами специально приезжали видные западноевропейские ученые.

В этом-то историческом доме Гоголь одно время останавливался, приезжая в Москву. Ему отводили большую комнату мезонина. А внизу,

вдоль всего фасада, тянулся кабинет хозяина — три просторных комнаты, сплошь заставленные книжными шкафами, увешанные картинами и гравюрами. Это было место традиционного вечернего моциона писателя, спускавшегося к Погодиным после работы.

Тогда он «широко распахивал двери всей анфилады передних комнат, и начиналось хождение... В крайних комнатах ставились большие графины с холодной водой. Гоголь ходил и через каждые десять минут выпивал по стакану. На отца, сидевшего

в это время в своем кабинете за летописями Нестора, это хождение не производило никакого впечатления... Изредка только, бывало, поднимет голову на Гоголя и спросит: «Ну что, не находился ли?» — «Пиши, пиши, — отвечает Гоголь, — бумага по тебе плачет». И опять то же: один пишет, а другой ходит.

Ходил же Гоголь всегда чрезвычайно быстро и как-то прерывисто, — продолжает вспоминать сын Погодина, — производя при этом такой ветер, что стеариновые свечи оплывали к немалому огорчению моей бережливой бабушки. Когда же Гоголь очень уж расходился, бабушка кричала горничной: «Груша, подай-ка теплый платок, итальянец (так она звала Гоголя) столько ветру напустил, так страсть!» «Не сердись, старая, — добродушно говорил Гоголь, — графин кончу, и basta». Действительно, покончит второй графин и уйдет наверх».

Известность утомляла его. Но ежегодно, 9-го мая, в свой день рождения, Николай Васильевич преобразался. В липовой аллее накрывали длинный праздничный стол с букетами сирени, вином от Депре, холодными закусками и сладким пирогом, начиненным цукатами, — шедевром надменного Порфирия из купеческого клуба. Расходились часов в одиннадцать вечера, облаканные вниманием именинника.

Так было и в первый знаменательный обед Гоголя на Девичьем поле 9-го мая 1840 года. С утра он успел самолично проследить за всеми

приготовлениями, вникнуть во все кулинарные подробности. Теперь же наблюдал, как погодинские дети развешивают в саду над столом разноцветные китайские фонарики и прячут в ветвях деревьев шустрый сюрприз — клетки с соловьями, которые должны были пробудиться и запеть под стук ножей и вилок обедающих гостей...

А те уже начали съезжаться. Показалась на ступеньках крыльца статная фигура Александра Тургенева. Блеснули насмешливые очки Вяземского. На веранде великосветская красавица Черткова, чей язвительный ум делал ее, как и Смирнову-Россет, опасной собеседницей, к вящему ужасу погодинских бабушек, преспокойно покуривала трубку, нарочно облачившись в нелепое старушечье платье. Под руку с милейшей супругой Екатериной Михайловной, сестрой поэта Языкова, прошествовал неотразимый поэт-философ и философ-поэт Алексей Степанович Хомяков. Прибыли Елагины, Загошкин, Дмитриев, Шевыревы. Пора было, кажется, и за стол.

Гоголь достал из жилетного кармана именные часы и ахнул — шестой час, оригинальный мясной пирог перестоится. Он собрался, было, броситься на кухню отдать необходимые распоряжения, как вдруг увидел направлявшегося к нему по дорожке невысокого армейского поручика с печальными глазами и невольно замер, узнав в нем Лермонтова.

Они обменялись парой незначащих фраз, но спустя какое-то вре-

мя надолго исчезли вдвоем из-за стола, где Лермонтов почти не при-трагивался к еде и питью, нервно катая по скатерти хлебные крошки и отвечая на обращенные к нему вопросы вежливыми недомолвками. Гости, которые разбрелись после сытного обеда по саду, нашли этих двоих на уединенной скамейке у пруда. Гоголь, достав из неразлуч-

туда его слова: «...Готовился будущий великий живописец русского быта... Но внезапная смерть вдруг его унесла от нас. Слышно страшное в судьбе наших поэтов».

...С Арбата послышалась первая сторожевая колотушка. Из свистящих жгутов метели вынырнула тумбообразная фигура фонарщика в

К

огда Александра Смирнова-Россет преподнесла ему однажды изумительный портфель английской работы, Гоголь со вздохом повертел его в руках и вернул со словами: «Подарите лучше Жуковскому». Он шутил, что избавляется от собственных слабостей, наделяя ими своих персонажей, и как никто умел обставлять их вещами

ного портфеля смятые листы, читал Лермонтову начало «Женитьбы», а тот ему — отрывки из «Мцыри». Вскоре после этого он поспешно откланялся и уехал, а Гоголь до конца вечера был молчалив и погружен в себя.

Назавтра они вновь встретились на вечере у Свербеевой. И опять, при первой удобной возможности, уединились от остальных. О чем могли говорить наедине два великих наследника Пушкина? О себе, о НЕМ? Увы, это останется тайной.

Свидеться им больше не суждено было. Лермонтова ждал Кавказ. Гоголь отправлялся в Рим. И горестной эпитафией прозвучали от-

неохватном тулупе и завозилась у крайнего столба. Сугробы пошли гуще, санный след петлял между ними, прижимаясь местами к облещенным скрипучим тротуарам.

Гоголь сидел в санях замерзший, усталый. Итак, у него отнимают последний кусок хлеба: он по уши залез в долги за границей, надеясь вернуть их после издания «Мертвых душ». И вот теперь его поэму, которой он отдал семь лет жизни, и в которой отныне заключен весь смысл его существования, запретила печатать цензура.

«Постарался» Погодин, передав рукопись, без ведома писателя, в московский цензурный комитет. Хо-

тел как лучше — и напортил. Председатель Голохвастов, только услышав название, вскричал голосом древнего римлянина: «Нет, я этого никогда не позволю! Мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия души!» А когда взял в толк, что речь идет о ревизских душах, еще пуще взбеленился: «Нет, этого и подавно нельзя допустить! Это значит против крепостного права!» Оставалась одна надежда — Белинский. Пусть попробует в Петербурге уломать через влиятельных друзей цензуру.

А отвезти Белинскому рукопись взялся Василий Петрович Боткин, даровитый литератор из москов-

ских купцов. К нему сейчас Гоголь и направлялся, прижимая к груди окоченевшими руками распухший портфель. Тот самый, неразлучный.

Велев флегматичному извозчику обождать, Николай Васильевич выбрался из возка на безлюдную в этот вечерний час Маросейку, толкнул тяжелую калитку и зашагал по двору к дальнему флигелю. Через полчаса он покинул боткинский дом. Заиндевшая извозчичья лошадка, похрапывая, спускалась под гору. Поземка лизала полозья. И долго еще мерцало позади сквозь причудливый переплет голых ветвей оконце одинокого флигеля.

Гоголь еще вернется туда и с благодарностью вручит Боткину подписанный ему на память экземпляр только что вышедшего из печати первого тома «Мертвых душ». А уж затем поедет с ним, пристроив на коленях портфель, в аксаковское Абрамцево, к Путятям в Мураново, к Смирновой в Калугу, в Бегичево, в Спасское... Он любил быть в пути и использовал для очередной поездки любой удобный повод.

Дорогой из вместительного портфеля извлекалась «подручная энциклопедия» — толстая конторская тетрадь, названная Гоголем «Всяческая всячина», куда бисерным почерком заносились названия встречаемых растений и новые подслушанные слова. Эту книгу юности, книгу надежд, начатую записями народных преданий и историческими штудиями, Николай Васильевич увез мальчиком из малороссийского имения дальнего родственника матери и не расставался с нею до смертного часа. Она хранится в рукописном фонде бывшей Ленинки (нынешней Всероссийской государственной библиотеки), являясь как бы зеркалом интересов и увлечений писателя на протяжении всей его жизни.

Однако и гулять по Москве он тоже любил, пока позволяло здоровье. И во время этих пеших прогулок становился прежним — озорным, веселым, любопытным. Таким он запомнился членам кружка Островского, которые студентами с трепетом бегали на Никитский бульвар «любоваться, как гуляет Гоголь», —

зимой в долгополой шубе, летом в испанском плаще без рукавов.

Здесь, на Никитском бульваре, так и не обзаведясь под конец собственным углом, он поселился у графа Александра Петровича Толстого в последний, трагический период жизни. Ему были предоставлены две нижние комнаты справа от входа в сумрачном двухэтажном доме №7 рядом с Арбатской площадью, во дворе которого установлен замечательный андреевский памятник Гоголю.

Обер-прокурор Святейшего синода, член Государственного совета А.П. Толстой запомнился современникам как человек крайне неприятный и реакционный. Даже консервативный Аксаков считал «решительно губительным для Гоголя знакомство с Толстым, откровенно заявившим о своей неприязни к гоголевским сочинениям и не пожелавшим принять из рук писателя законченную рукопись второго тома поэмы, которую Гоголь в ту же ночь предал огню».

Изможденный человек в вольтеровском кресле, с наброшенным на колени пледом, шевельнулся и подал слабый знак рукой. Лекарь Зайцев, навестивший в тот день больного по просьбе его лечащего врача Тарасенкова, на цыпочках приблизился и опустился рядом на стул. Гоголь перевел на него затуманенный взгляд, поправил сползающую на затылок круглую шапочку и неожиданно попросил Зайцева рассказать о себе.

Скромный лекарь растерялся. Он знал, что писатель вот уже которую неделю соблюдает обет молчания, отказывается от еды. Человек в кресле между тем ободряюще улыбнулся, и Зайцев сразу поборол волнение, признавшись, что втайне сочиняет стихи. И Гоголь, в последние дни никого не принимавший, отрекшийся от мира и творчества, предложил ему что-нибудь прочесть. Внезапная симпатия к бедному не-

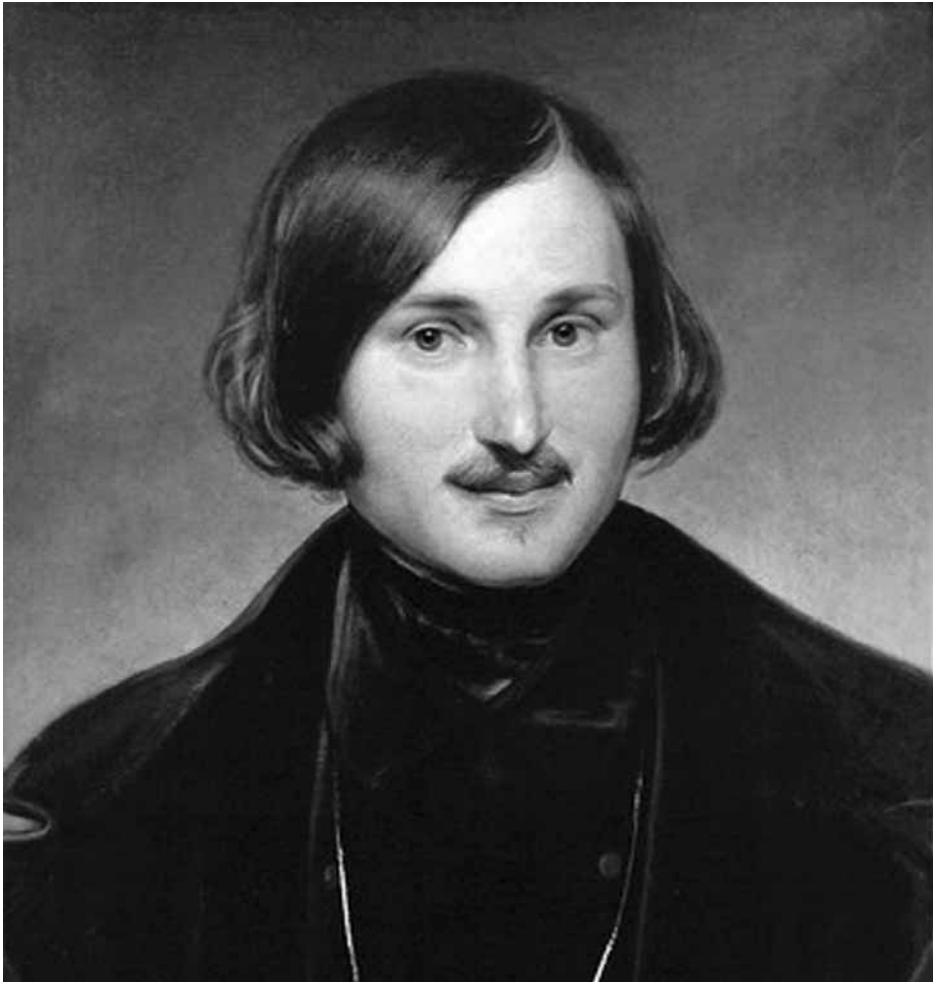
ния. Гоголь слушал внимательно и серьезно, а затем, сняв с головы шапочку, подарил ее на прощание Зайцеву. Шапочку Мастера. Должно быть, она досталась ему в Италии, и Николай Васильевич с тех пор привязался к ней, надевал за работой, поскольку всегда мерз.

Он чувствовал приближение конца и спешил. В двух типографиях готовились к изданию его книги. На круглом столике посреди комнаты

В свой день рождения, находясь в усадьбе Погодина, Гоголь вдруг увидел в окно направлявшегося к нему по дорожке невысокого армейского поручика с печальными глазами и невольно замер, узнав в нем Лермонтова. Уединившись в кабинете, Гоголь читал ему начало «Женитьбы», а Лермонтов — отрывки из «Мцыри»... Свидеться им больше было не суждено — Лермонтова ждал Кавказ, а Гоголь уезжал в Рим...

знакомцу была тому причиной, либо же он вспомнил, как самонадеянным юношей отправился завоевывать Петербург с незрелой романтической поэмой «Ганс Кюхельгартен»? (После жестокого разноса в печати начинающий Гоголь, сгорая со стыда, скупал по книжным лавкам экземпляры злосчастной поэмы.) Так или иначе, но безвестный лекарь дрожащим голосом читал в тот день гениальному художнику, готовившемуся к смерти, нескладные вирши собственного сочинения.

громоздились корректуры. Гоголь вычитывал их тщательно, снова и снова отыскивая погрешности слога, вымарывал безжалостно все неясное, случайное, поспешное. Надо было успеть до весны выдать в свет полное собрание своих произведений. И уехать на юг, в Одессу, к теплему морю. Но как уедешь, когда здесь, в доме на Никитском бульваре, прячет он в портфеле на конторке главное — «Мертвые души», второй том. Совершенно законченный и переписанный набело в синих

тетрадках, схваченных бечевкой. Прячет от себя и от людей, хотя и читал уже отрывки некоторым приятелям.

Его видели на коленях у алтаря плачущим. На паперти, торопливо раздающим милостыню нищим и кликушам и просящим у них прощения за что-то. У ворот Преображенской больницы, обители умалишенных, и в Оптиной пустыни, у старцев-отшельников...

Когда темнело, он поднимался к графине Толстой, чтобы стоять с нею вечером и класть перед образами покаянные поклоны. Ночами просиживал над Евангелием, писал «сочинение о божественной литургии»,

раздавал знакомым листки с молитвами. И все — в напрасных попытках изгнать беса сомнения.

Странно было наблюдать подобное от автора «Ревизора», «Невского проспекта» и «Мертвых душ». Ползли по Москве слухи о неизлечимой душевной болезни Гоголя. Злорадствовали враги, печально вздыхали друзья.

В январе 1852 года скончалась от тифа Елизавета Михайловна Хомякова, которой было всего тридцать пять лет, сердечный друг писателя, которой он поверял самые сокровенные мысли и чувства. Снежная, метельная выдалась в том году зима. Ледяной ветер перехватывал

дыхание. До Тверской сквозь сугробы не пробьешься. Гоголь с трудом отыскал извозчика. Ворвался к Хомяковым, весь дрожа, с криком: «Погодите! Погодите! Я вымолю ее у смерти!» Потом, забыв запахнуть шубу, погнал извозчика к Страстному монастырю, оттуда побежал по бульварам домой и в ознобе слег.

Несколько дней пролежал без сил, с температурой, под одеялами и шубами, все не мог согреться. Наконец постепенно пришел в себя, голова прояснилась, и он уже, было, перебрался с дивана к конторке, но тут появился, скрипя сапогами и потирая с мороза мясистые волосатые руки, преподобный отец Матвей в выцветшей рясе, с которым Гоголя, на беду, свел Толстой. Опять — проповеди, наставления, призывы к покаянию. Непосредственно вслед за отъездом духовника и началась у Гоголя «та духовная агония», которая повлекла за собой стремительное физическое разрушение.

Доктор Тарасенков подтверждал: «С этих пор он бросил литературную работу...стал есть весьма мало, хотя, по-видимому, жестоко страдал от лишения пищи... и сон умерял до чрезвычайности». Приближалась развязка...

Слабо потрескивая, догорала на конторке свеча. Колебался желтый свет лампадки в углу перед образом Николы Мирликийского, чудотворца. В темноте, откинувшись на спинку кресла, Гоголь слушал вой ветра за окном и царапанье сучьев по стеклу.

Мерный бой часов — три раза — заставил его очнуться. Тяжело ступая, подошел он к конторке, задержался взглядом на любимых печатках с ручкой слоновой кости, усмехнувшись про себя, что не к чему будет прикладывать их больше, и осторожно вытащил из портфеля связку тетрадок. Кликнув из соседней комнаты Семена, велел растопить печь. Напуганный спросонья мальчик, чуя неладное, плакал, умоляюще шепча: «Не надо, барин! Не надо!» — «Молчи, молчи!» — тоже шепотом отвечал Гоголь, и, приоткрыв чугунную заслонку, начал всовывать между поленьями исписанные тетради.

Отблески пламени заходили по печной гардине из зеленой тафты, по крытому зеленым сукном столу и по ширме у кровати в спальне. Ровные узорчатые строчки корчились в огне, не желая исчезать, но все же, страница за страницей, обращались в пепел. И с ними навсегда уходили от нас и наших потомков похожий на масляный блин Петр Петрович Петух, Тететников, генерал Бетрищев и неузнаваемо преобразившийся Павел Иванович Чичиков. Ах, если бы рукописи и впрямь не горели!..

Когда огонь принялся пожирать последнюю тетрадь, Гоголь вернулся в спальню и лег на кровать, повернувшись лицом к стене. Больше его ничто не трогало. Все последующие дни он упорно молчал, отводил слабой рукой пищу, лекарства и лишь едва слышно бормотал в ответ на самые докучливые приставаания: «Оставьте меня, мне хорошо».

21 февраля (4 марта по новому стилю), под утро, он проснулся и жалобно вскрикнул. Прикорнувший у кровати, не раздеваясь, мальчик Семен вскочил и, увидев, что барин его, весь в поту, мечется по постели, бросился за хозяином.

А Гоголь уже ничего не слышал. Задыхаясь, он бежал вверх по скользким ступеням к брызжущему впереди свету. Но ступени оборвались. «Лестницу! — прошептал Ни-

жено не было. Имущество же писателя составило по описи ровно сорок три рубля восемьдесят копеек.

Личные вещи Николая Васильевича увезла в Васильевку его сестра, Елена Быкова, передавая затем часть из них Москве. В том числе потертый кожаный портфель.

25 февраля 1852 года Гоголь был погребен иждивением Московского университета на кладбище Донского монастыря. Грановский предло-

Когда огонь принялся пожирать последнюю тетрадь, Гоголь вернулся в спальню и лег на кровать, повернувшись к стене. Больше его ничего не трогало. Все последующие дни он упорно молчал, отводил слабой рукой пищу, лекарства и лишь едва слышно бормотал в ответ на докучливые приставания: «Оставьте меня, мне хорошо»

колай Васильевич, пытаюсь приподняться. — Лестницу... скорее...»

Когда граф вбежал в комнату, все было кончено. Гоголь умер.

Не успели еще прах покойного перенести в маленькую университетскую церковь, как к Толстому явился квартальный. Он потребовал документы скончавшегося отставного коллежского асессора и собрался произвести официальную опись оставшегося после него имущества. К полному недоумению полиции, никаких документов — ни паспорта, ни свидетельства об отставке — в бумагах Гоголя обнару-

жил Толстому сделать похороны Гоголя общественным событием. Однако граф отказался взять погребение на свой счет, говоря: «Если так, пусть хоронит, кто хочет».

С утра припустил легкий снежок. Деревья, мостовые, крыши домов переливались и сверкали на солнце голубыми искрами. Ясная солнечная погода держалась весь день. Нескончаемая вереница людей тянулась на Манежную, к университету, проститься с национальным гением. Встревоженный московский генерал-губернатор граф Закревский, опасаясь «беспорядков», рас-

*Дом
А.И. Талызина
на Никитском
бульваре, где
последние годы
жил и работал
Гоголь. Здесь
был сожжен
второй том
«Мертвых
душ». Здесь
писатель
скончался*

порядился закрыть проезд по Моховой и Никитской, отправив туда наряды полиции и тайных агентов Третьего отделения.

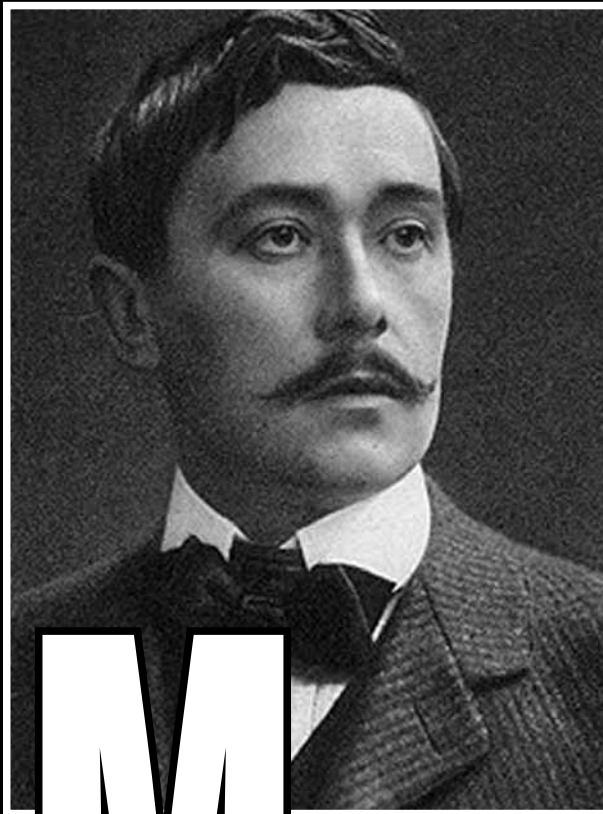
Отпевание тела, утренняя и вечерняя панихиды шли под негромкий звон колокола университетской церкви. Гоголь лежал в гробу в лавровом венке. Камелии, иммортели, лилии были рассыпаны по черному сюртуку. Народ все прибывал. Студенты, мелкие чиновники, мастеровые, модистки, дворовые люди приближались к помосту, плакали, молились, целовали желтую холодную руку и, сорвав на память листик венка или лепесток цветка, оставались на площади в ожидании погребения.

Пять профессоров Московского университета подняли гроб на руки и понесли к ожидавшей толпе. Увы, не было среди них ни Погодина, ни Шевырева, ни Константина Аксакова, ни Хомякова. Взбешенные тем, что похоронами распоряжаются ненавистные им профессора-«западники»,

они демонстративно отказались участвовать в траурной процессии.

Манежная площадь, Моховая и Никитская чернели от простого люда. И все тотчас обнажили головы при виде плывущего из дверей церкви гроба. Не дав водрузить его на погребальную колесницу, какие-то худо одетые люди бережно приняли гроб с телом великого писателя из рук почтенных профессоров и понесли до самого Данилова монастыря. И такое несметное число народа двигалось за гробом Гоголя, столько пролетов и экипажей, что какой-то проезжий мещанин остановился в изумлении и спросил одного из студентов: «Неужто все это его родственники и друзья?» «Да, — ответил студент, — а вместе с ними и вся Россия».

Уже смеркалось, когда гроб с телом Гоголя опустили в глубокую могилу рядом с могилами поэта Языкова и Екатерины Хомяковой. На могилу положили надгробный камень, на котором сделали надпись: «Горьким словом моим посмеются». □

Евгения Гордиенко

Кто он такой,
Морис Метерлинк,
или, как его называ-
ли, «бельгийский
Шекспир»?

Метерлинк

Бельгийский Шекспир

Как на занавесе МХАТа всегда летит, устремившись вперед, чеховская чайка, символ страдания и рефлексии, так на занавесе Детского Музыкального театра имени Натальи Сац изображен другой символ — символ счастья, которое всегда где-то рядом, — Синяя птица Мориса Метерлинка. И, несмотря на то, что именно мхатовская постановка «Синей птицы» когда-то прославила и автора, и театр, сделать своим символом счастье МХАТ так и не решился. Потому что счастье — категория детская, именно в детстве мы верим в него искренне, безоговорочно, не ограничивая себя теми условиями, что предлагает жизнь... Но автор «Синей птицы» был абсолютно взрослым человеком! Как же ему удавалось писать столь искренние и в то же время абсолютно сказочные истории? Кто он такой, Морис Метерлинк, или, как его называли, «бельгийский Шекспир»?

Метерлинка можно отнести к тем писателям (и как же их мало!), чью творческую судьбу несложно назвать счастливой. Он прожил до 87 лет, много писал, был читаем во всем мире, его книги переводились на другие языки, по ним ставились спектакли. А вершиной этого пути, разумеется, было высшее признание — Нобелевская премия по литературе.

Он родился в 1862 году, в небольшом бельгийском городке Генте, в семье обеспеченного юриста. Конечно, ребенок из такой семьи обязан был получить классическое образование: сначала иезуитский колледж, где Метерлинк, по его словам, провел «самое неприятное время» в своей жизни, затем — католический университет. Отец надеялся, что сын пойдет по его стопам, но мальчик проявлял мало интереса к истории и праву. Все его мысли и все его время занимали литература, философия и музыка.

Он не оставил эти увлечения даже тогда, когда, по настоянию отца, отправился продолжать юридическое образование в Сорбонне. Но разве юноша, живущий в Париже в конце 19-го века и увлеченный поэзией, способен отвлекаться на юриспруденцию? Тем более что жил он в доме знакомого семьи — известного писателя-символиста Жориса Гюисманса.

К периоду студенческой жизни в Париже относятся и первые литературные опыты Метерлинка — вольный перевод книги философа Раус-

бурка «Украшение любовного брака», самостоятельно написанная новелла «Убийство невинных», которую даже напечатали в парижском ежемесячнике «Плеяда», и сборник стихов «Теплицы», где явно видно влияние Бодлера и Малларме.

Но по окончании учебы пришлось возвращаться в Гент и начинать работать в отцовской фирме, чего Метерлинку, естественно, не хотелось. Он продолжал свои литературные поиски. Его первой пьесой стала «Принцесса Мален», которую он издал в Брюсселе на 250 франков, выпрошенных у матери. Уже в этом раннем опыте было видно, как сильно Метерлинк отличается от всех писателей и поэтов своего времени. Его волновал не столько сюжет как таковой, ему, скорее, были интересны философские искания героев. Часто его сюжеты казались надуманными, чересчур выспренними, но в то же время произведения его были понятны даже детям.

Пьеса «Принцесса Мален» не пользовалась особым успехом, тем удивительнее для Метерлинка было получить отзыв, напечатанный в парижской газете «Фигаро». Автор его, известный критик Октав Мирбо, написал следующее: «...Метерлинк подарил нам самое гениальное произведение наших дней, самое необычное и в то же время наивное, не низшее по достоинствам и — дерзну ли сказать? — высшее по красоте, чем все, что есть прекрасного у Шекспира...»

Такое признание не могло остаться без внимания. Родители Метерлинка поняли, как талантлив их сын, и более не настаивали на продолжении юридической практики. Сам же он продолжал писать пьесы одну за другой: «Непрошенная», «Слепые», «Семь принцесс», «Пелеас и Мелисанда»...

Параллельно с пьесами Метерлинка публиковал и естественно-научные труды. Его интерес к природе объясняет и особенность его произведений, герои которых видятся автору частицей Космоса, Мироздания. Он был убежден: есть Судьба или Рок, нечто невидимое, намерение которого никому неизвестно. Это «нечто» выступает в его ранних пьесах в образе Смерти.

Именно Метерлинка создал так называемый «театр молчания» — полный бессобытийности. Такой «театр» сильно отличался от привычного «театра идей», где творили Шоу и Ибсен. Он же не считал необходимым вводить в свои пьесы идеи, так как полагал, что это отвлекает зрителя от внутреннего действия, от движения душ персонажей. Ему не нужно было внешнее «выражение», чтобы раскрывать их характеры.

Сам он писал: «Как только мы выразим что-либо, мы скажем это». Как тут не вспомнить тютчевское «Мысль изреченная есть ложь»?

Созданный в эпоху символизма «театр молчания» — его истинное дитя. Ничего реального, все размыто, все в полутонах, психологиче-

ская атмосфера, подтекст, постоянное ощущение приближения опасности. Поэтому второе название театра Метерлинка — и совершенно справедливое — «театр ожидания».

Жизнь самого писателя тоже едва ли назовешь наполненной событиями. В 1895 году он женился на актрисе одного из гентских театров Ж. Леблан. И на протяжении последующих двадцати трех лет эта умная и образованная женщина наряду с работой в театре совмещала в себе обязанности секретаря и импресарио своего знаменитого супруга.

Через год после свадьбы супруги переехали из Гента в Париж. В это время Метерлинка на время оставил написание пьес, посвятив себя работе над философскими трактатами «Мудрость и судьба» и «Жизнь пчел». Последний стал особенно известным, так как именно в нем писатель в аллегорической форме рассказал историю человечества.

В 1908 году Метерлинка написал пьесу, сделавшую его знаменитым на весь мир, — «Синюю птицу». Отличавшаяся от других его произведений оптимизмом, верой в будущее, она отличалась и по стилю — это больше не «театр молчания». Количество действующих персонажей (более 70) и событийная насыщенность ставят эту пьесу особняком в творчестве Метерлинка. Здесь он выступает как бы сказочником-романтиком, дающим жизнь Духам Тьмы и Душам Часов, Хлебу, Огню и другим неодушевленным предметам. И окончание

пьесы, обращение Тильтия к зрителям с просьбой вернуть ему Синюю птицу, если они ее отыщут, не оставляет сомнений в том, что грядущее чудесно: «Она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем».

Вскоре после публикации «Синей птицы», в 1911 году, Метерлинк получает высшую награду — Нобелевскую премию по литературе — с формулировкой «за многогранную литературную деятельность... в особенности за драматические произведения, отмеченные богатством воображения и поэтической фантазией». Однако Метерлинк был бо-

лен, и приехать на вручение премии в Швецию не смог.

После начала Первой мировой войны драматург попытался записаться в бельгийскую гражданскую гвардию, однако в силу возраста его просьба была отклонена. Тогда он отправился в длительное лекционное турне по странам Европы и Америки, передавая все вырученные средства в Фонд обороны. Это турне было и своеобразным решением семейных проблем — отношения Метерлинка с женой ухудшились, и вскоре они расстались.

В 1919 году Метерлинк снова женился, и снова на актрисе — Р. Да-

*Супруга Метерлинка —
Жоржетта Леблан*

он, которая играла в одной из постановок «Синей птицы».

В России отношение к Метерлинку было восторженным. Чехов писал своей жене, Ольге Книппер-Чеховой, о ранних пьесах Метерлинка (с более поздними он познакомиться не успел): «Все это странные чудные штуки, но впечатление громадное».

Режиссеры один за другим брались за постановку пьес Метерлин-

ка, однако «театр молчания» требовал особого подхода. И тут свой значительный вклад внесли Мейерхольд, поставивший «Сестру Беатрису» с Верой Комиссаржевской в главной роли, и Станиславский, взявшийся за постановку «Синей птицы», которая оказалась невероятно удачной. Этой работе предшествовало общение режиссера с драматургом, о чем Станиславский подробно рассказал в книге «Моя жизнь в искусстве».

От станции к монастырю, где жил Метерлинка, его подвозил на автомобиле шофер, «бритый, коренастый красивый человек». Позже выяснилось, что это был сам Метерлинка. Режиссер был поражен: только входивший в моду автомобиль — и средневековый монастырь с кельями, переоборудованными в комнаты, рабочий кабинет и библиотеку драматурга.

В сценическом решении Станиславскому удалось передать атмосферу таинственности, грез, сновидений «Синей птицы», переливающихся в реальность. Спектакль имел огромный успех, стал яркой страницей в истории МХАТа. Метерлинка не смог присутствовать на премьере, но в Москву поехала его жена, а потом подробно описала мужу свои впечатления. В письме Станиславскому Метерлинка благодарил режиссера за «несравненное и гениальное чудо», в которое он превратил его «скромную поэму».

Во время Второй мировой войны Метерлинка перебрался из оккупиро-

ванной Франции в Португалию, но уже в 1940 году был вынужден покинуть Европу и уехать в Америку, где и провел все военные годы, вернувшись в свой особняк в Ницце только в 1947-м. Здесь он и скончался от сердечного приступа в 1949 году.

Одним из откликов на спектакль МХАТа была рецензия Александра Блока «О Голубой птице Метерлинка». Блок считал, что такой перевод цвета более уместен, так как эпитет «голубой» обладает боль-

шей экспрессивностью, богатством поэтических ассоциаций. Символисту Блоку, конечно, легче было понять символиста Метерлинка: «...Правда в том, что тот, кто ищет, не стыдится искать — тот найдет то, что искал».

Для этой постановки «Синей птицы» музыку написал композитор Илья Сац. А его дочь Наталья основала тот самый Детский Музыкальный театр, где на занавесе теперь «летит» Синяя птица... □

известие: восстал Кронштадт. Это казалось нереальным, поскольку балтийские моряки сделали привычным символом Октября, а Кронштадт — образом революционной Балтики. Матрос-балтиец с винтовкой в руке и пулеметной лентой через плечо уже тогда стал излюбленным плакатным героем молодой советской графики».

Что же произошло через считанные месяцы после окончания гражданской войны?

Оценивая обстановку того времени, В.И. Ленин писал:

«Весна 1921 года принесла — главным образом в силу неурожая и падежа скота — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое «натуру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был кронштадский мятеж».

Положение страны было не просто тяжелым — тяжелейшим. Трудности, впрочем, были всем понятны — народное хозяйство разрушено Гражданской войной и западной интервенцией. Но то, как большевики начали с ними бороться, возмутило большинство рабочих и крестьян, так много отдавших за мечту о социальном государстве. Вместо «партерских отношений» власть начала создавать так называемые Трудовые армии, которые стали новой формой милитаризации и закабаления (кстати, их горячим сторонником был Троцкий).

Перевод рабочих и служащих на положение мобилизованных допол-

нился использованием в экономике Красной армии, которую заставили участвовать в восстановлении транспорта, добыче топлива, погрузочно-разгрузочных работах и других мероприятиях. Политика военного коммунизма достигла кульминации в сельском хозяйстве, когда продразверстка отбила минимальную охоту у крестьянина к выращиванию урожая, который все равно отнимут полностью. Села вымирали, города пустели.

В начале 1921 года в Петрограде закрыли 93 завода по причине отсутствия сырья и топлива, на улице оказались 27 тысяч питерских рабочих. Не лучше было положение и в других крупных городах: впервые за двести лет остановилась Прохоровская мануфактура — «Трехгорка» — все из-за того же отсутствия сырья и топлива.

24 февраля 1921 года в городе начались забастовки и митинги рабочих с политическими и экономическими требованиями. Петроградский комитет РКП(б) расценил волнения на заводах и фабриках города как мятеж и ввел в городе военное положение, арестовав рабочих

активистов. Эти события послужили толчком к восстанию гарнизона Кронштадта.

Для поддержания там порядка и организации обороны крепости был создан Временный революционный комитет (ВРК) во главе с матросом Петриченко.

«Обращение населения крепости и Кронштадта:

Товарищи и граждане! Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держат нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые в последнее время происходили в Петрограде и Москве и которые достаточно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, она не считалась. Не считалась и с теми требованиями, которые предъявлялись рабочими. Она считает их происками контрреволюции. Она глубоко ошибается.

Эти волнения, эти требования — голос всего народа, всех трудящихся. Все рабочие, моряки и красноармейцы ясно в настоящий момент видят, что только общими усилиями, общей волей трудящихся можно дать стране хлеб, дрова, уголь, одеть разутых и раздетых и вывести республику из тупика. Эта воля всех трудящихся, красноармейцев и моряков определенно выполнялась на

гарнизонном митинге нашего города во вторник 1 марта. На этом митинге единогласно была принята резолюция корабельных команд 1-й и 2-й бригад. В числе принятых решений было решение произвести немедленно перевыборы в Совет.

2 марта с.г. в Доме просвещения собрались делегаты всех морских, красноармейских и рабочих организаций. На этом собрании предлагалось выработать основы новых выборов с тем, чтобы затем приступить к мирной работе по переустройству советского строя. Но, ввиду того, что имелись основания бояться репрессий, а также вследствие угрожающих речей представителей власти, собрание решило образовать Временный Революционный Комитет, которому и передать все полномочия по управлению городом и крепостью.

Временный Комитет имеет пребывание на линкоре «Петропавловск».

Товарищи и граждане! Временный Комитет озабочен, чтобы не было пролито ни единой капли крови. Им приняты чрезвычайные меры по организации в городе, крепости и на фортах революционного порядка.

Товарищи и граждане! Не прерывайте работ. Рабочие! Оставайтесь у станков, моряки и красноармейцы в своих частях и на фортах. Всем советским работникам и учреждениям продолжать свою работу. Временный Революционный Комитет призывает все рабочие организации, все мастерские, все профессиональные союзы, все военные и морские части и

отдельных граждан оказать ему всемерную поддержку и помощь. Задача Временного Революционного Комитета дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет.

Итак, товарищи, к порядку, к спокойствию, к выдержке, к новому, честному социалистическому строительству на благо всех трудящихся!

***Кронштадт, 2 марта 1921 г.
Линкор «Петропавловск».***

***Председатель Временного
Революционного Комитета
Петриченко***

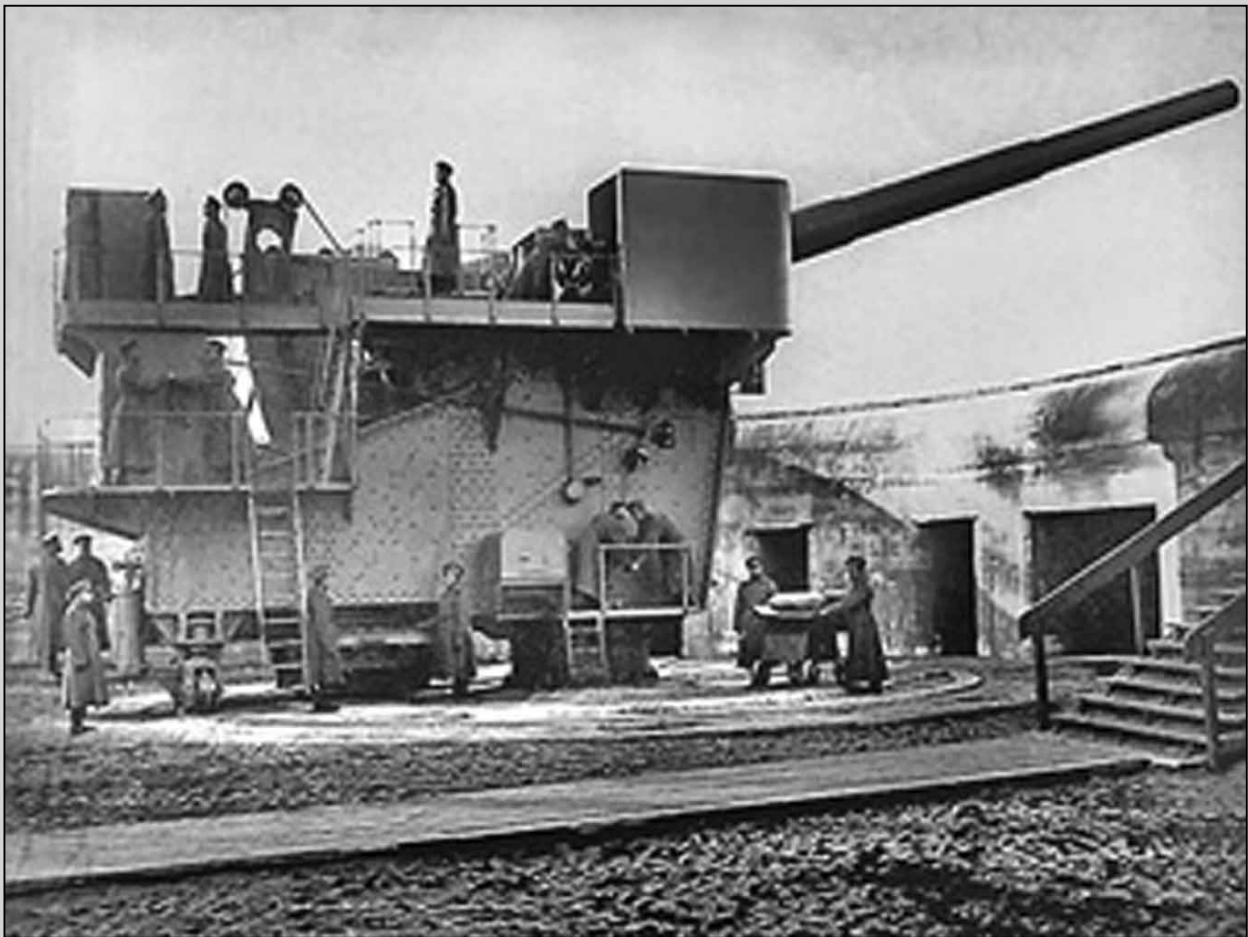
***«Известия Временного
революционного комитета...»,
8 марта 1921 г.»***

Однако ВРК дальше этого не пошел, надеясь, что поддержка «всего народа» сама по себе решит все

проблемы. Кронштадтские офицеры присоединились к восстанию и советовали немедленно атаковать Ораниенбаум и Петроград, захватить форт «Красная Горка» и район Сестрорецка. Но ни члены ревкома, ни рядовые мятежники не собирались покидать Кронштадт, где они чувствовали себя в безопасности за броней линкоров и бетоном фортов.

Известия о событиях в Кронштадте вызвали серьезную обеспокоенность у руководства страны. 1 марта 1921 года было опубликовано воззвание Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «Ко всем рабочим города Москвы и губернии, ко всем крестьянам и красноармейцам, всем честным гражданам», в котором разъяснялись причины временных хозяйственных трудностей. Документ заканчивался призывом:

*«Долой провокаторов Антанты!
Не забастовки, не демонстрация, а*

дружная работа на фабриках, мастерских и железных дорогах выведет нас из нищеты, спасет нас от голода и холода!»

28 февраля 1921 года состоялось собрание команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск», на котором была принята резолюция с требованиями провести перевыборы Советов, упразднить комиссаров, предоставить свободу деятельности социалистическим партиям, разрешить свободную торговлю.

Чем не угодили восставшим комиссары? Да тем же, чем во все времена раздражали чиновники всех мастей. Не так давно рассекречены все архивные материалы, связанные с

«делом о Кронштадском мятеже». И хотя большинство из них были собраны победившей стороной, непредвзятый исследователь легко поймет, что протестные настроения в Кронштадте обострились в немалой степени из-за откровенного барства и хамства зажавшейся партбюрократии.

Например, численность жителей Петрограда сократилась с 2 миллионов 400 тысяч человек в конце 1917 года до 500 тысяч человек к 1921 году. Количество рабочих на промышленных предприятиях за тот же период уменьшилось с 300 тысяч до 80 тысяч. Гигантский размах получило такое явление, как трудовое дезертирство. IX съезд

РКП (б) в апреле 1920 года вынужден был даже призвать к созданию из пойманных дезертиров штрафных рабочих команд, либо заключать их в концентрационные лагеря. Но эта практика только обострила социальные противоречия.

У рабочих и крестьян все чаще возникал повод для недовольства: за что боролись?! Если в 1917 году рабочий получал от «проклятого» царского режима 18 рублей в месяц, то в 1921 году — лишь 21 копейку. При этом стоимость хлеба возросла в несколько тысяч раз — до 2625 рублей за 400 граммов к 1921 году. Правда, работающие получали паек: 400 граммов хлеба в сутки для рабочего и 50 граммов — для представителя интеллигенции. Но в 1921 году резко сократилось число и таких «счастливчиков».

А рядом новая «красная бюрократия» жила сыто и весело, придумав спецпайки и спецоклады. Особо возмущало военных моряков поведение их «пролетарского» командующего Балтфлотом Федора Раскольникова (настоящая фамилия Ильин) и его жены Ларисы Рейснер, ставшей начальницей культпросвета Балтфлота. «Мы строим новое государство. Мы нужны людям, — откровенно декларировала она. — Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти».

Поэт Всеволод Рождественский вспоминал, что, когда он пришел к

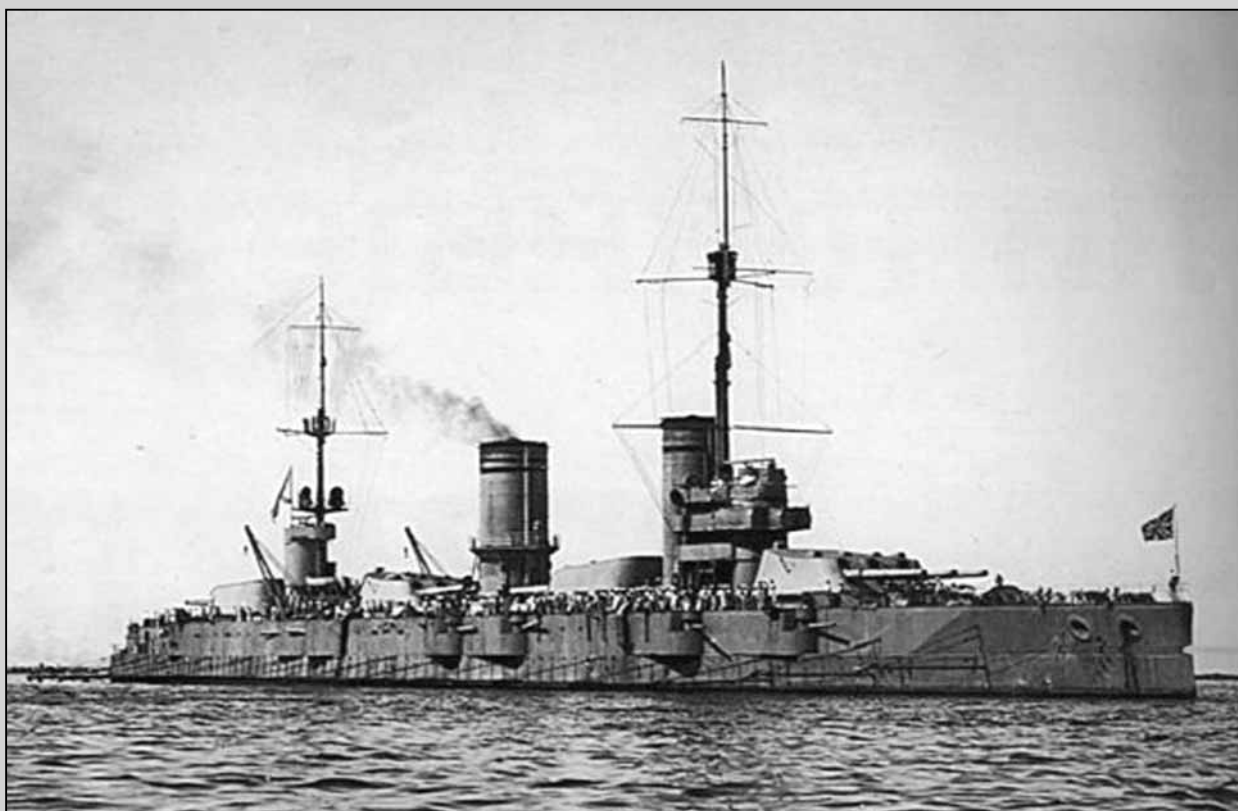
Ларисе Рейснер в квартиру бывшего морского министра Григоровича, которую она занимала, то был поражен обилием предметов и утвари — ковров, картин, экзотических тканей, бронзовых скульптур, майоликовых блюд, английских книг, флакончиков с французскими духами. И сама хозяйка была облачена в халат, прошитый тяжелыми золотыми нитками. Супруги ни в чем себе не отказывали — автомобиль из императорского гаража, гардероб из Мариинского театра, целый штат прислуги.

Это — командующий флотом. Что тогда говорить о командующих страной!

Вседозволенность власти особенно будоражила трудящихся и военнослужащих. В конце февраля 1921 года забастовали крупнейшие заводы и фабрики Петрограда. Рабочие требовали не только хлеба и дров, но и свободных выборов в Советы. Демонстрации, по приказу тогдашнего питерского вождя Зиновьева, тут же разогнали (пока относительно мирными способами), но слухи о событиях дошли до Кронштадта. Моряки отправили в Петроград делегатов, которые были поражены увиденным — фабрики и заводы были окружены войсками, активистов арестовывали.

За что боролись?!

1 марта 1921 года на Якорной площади Кронштадта состоялся 15-тысячный митинг под лозунгами «Власть Советам, а не партиям!» На митинг прибыл председатель ВЦИК

М.И. Калинин, он попытался успокоить собравшихся, но матросы сорвали его выступление. После этого он беспрепятственно покинул крепость, однако затем комиссар флота Н.Н. Кузьмин и председатель Кронштадтского совета П.Д. Васильев были арестованы.

Моряки и красноармейцы вынесли резолюцию о поддержке рабочих Петрограда и потребовали освобождения из заключения всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям. Кроме того, обеспечения свободы торговли, разрешения кустарного производства собственным трудом, разрешения крестьянам свободно пользоваться своей землей и рас-

поряжаться продуктами своего хозяйства. Экипажи потребовали вместо диктатуры коммунистов — народовластия, вместо назначенных комиссаров — судовые комитеты. Террор ЧК — прекратить. Пусть коммунисты вспомнят, кто делал революцию, кто дал им власть. Теперь пришло время вернуть власть народу.

Используя мощные радиостанции военных кораблей, ВРК немедленно передал в эфир резолюцию митинга и просьбу о помощи.

Кронштадтцы добивались открытых и гласных переговоров с властями, однако позиция последних с самого начала событий была однозначной: никаких переговоров или уступок, мятежники должны сложить оружие безо всяких условий.

Парламентеров, которые направлялись восставшими, арестовывали — делегация кронштадтцев, прибывшая в Петроград для разъяснения

ние. Брать заложников продолжали и после того, как Кронштадт пал. Арестовывали родственников руководителей ВРК и военных специали-

требований матросов, солдат и рабочих крепости, также была арестована.

И действительно, что за фокусы — бунтовать против власти рабочих и крестьян? Ведь не против «кровавого царизма» шли, понимать должны были разницу. А поскольку кронштадтцы упорно не понимали, им «объяснили» на чистом пролетарском языке.

Восставшие были объявлены «вне закона». Последовали репрессии в отношении родственников руководителей восстания. Их брали в качестве заложников. В числе первых была арестована семья бывшего генерала А.Н. Козловского. Вместе с ними были арестованы и сосланы в Архангельскую губернию все их родственники, в том числе и даль-

стов, которые ушли из Кронштадта в Финляндию.

2 марта Петроград и Петроградская губерния были объявлены на осадном положении.

3 марта в крепости был образован «штаб обороны», который возглавил бывший капитан Е.Н. Соловьянинов, в состав штаба вошли военные специалисты: командующий артиллерией крепости, бывший генерал А.Р. Козловский, контр-адмирал С.Н. Дмитриев, офицер генерального штаба царской армии Б.А. Арканников.

4 марта Комитет обороны Петрограда предъявил Кронштадту ультиматум. Восставшие должны были либо принять его, либо отклонить и сражаться. В тот же день в крепости состоялось заседание делегат-

ского собрания, на котором присутствовали 202 человека. Было решено защищаться. По предложению Петриченко состав ВРК был увеличен с 5 до 15 человек.

Гарнизон крепости Кронштадт насчитывал 26 тысяч военнослужащих, однако следует отметить, что в восстании участвовал не весь личный состав. В частности, 450 человек, отказавшиеся примкнуть к восстанию, были арестованы и заперты в трюме линкора «Петропавловск», с оружием в руках на берег в полном составе ушли партийцы и часть матросов-коммунистов, имелись и перебежчики (всего до начала штурма крепость покинули более 400 человек).

И ведь поначалу положение Петрограда было почти безнадежным. В городе не утихали волнения. Немногочисленный гарнизон был почти полностью деморализован. Штурмовать Кронштадт нечем — ни людей, ни оружия, ни опытных командиров. Только ЧК... так ведь всех не пересажаешь.

В Петроград срочно прибыли председатель Реввоенсовета Лев Троцкий и «победитель Колчака» Михаил Тухачевский. Для штурма Кронштадта немедленно восстановили 7-ю армию, разгромившую Юденича. Ее численность довели до 45 тысяч человек. Одновременно началось выдвижение к Кронштадту 27-й Омской стрелковой дивизии.

И, наконец, в полную силу начала работать давно и прекрасно отла-

женная пропагандистская машина. Сроки поджимали: вот-вот мог вскрыться Финский залив, и тогда взятие крепости становилось, мягко говоря, проблематичным. Восстание было объявлено заговором недобитых царских генералов. Главным мятежником назначен генерал Козловский — начальник артиллерии Кронштадта. Сотни родственников кронштадтцев стали заложниками ЧК. Только из семьи генерала Козловского схватили 27 человек, включая жену, пятерых детей, дальних родственников и знакомых. Почти все получили лагерные сроки.

Рабочим Петрограда срочно увеличили паек, и волнения в городе утихли. Важнейшая задача, вставшая перед большевиками — изоляция восставших, — была решена ими успешно. К моменту начала вооруженного мятежа в Кронштадте большевики уже полностью овладели положением в частях и на кораблях Петроградской морской базы. Попытки мятежных агитаторов подняться за пределами Кронштадта моряков и красноармейцев успеха не имели. Ни один крупный боевой корабль, ни одна крупная воинская часть не примкнули к мятежникам.

К 4-му марта стало ясно, что мятежный Кронштадт оказался в полной изоляции. Отныне руководители ревкома могли рассчитывать только на собственные силы или на помощь закордонной контрреволюции.

Кронштадтский мятеж по времени совпал с X съездом партии. Уже в ленинских выступлениях на съезде была дана принципиальная оценка мятежа, раскрыта внутренняя и международная подоплека кронштадтских событий. Столь пристальное внимание В.И. Ленина к событиям в Кронштадте не случайно и объясняется чрезвычайной их серьезностью.

Внешняя и внутренняя контрреволюция не могли не воспользоваться крайне напряженным экономическим и политическим положением Советской республики, чтобы еще раз попытаться повернуть ко-

лесо истории в обратную сторону. По словам В.И. Ленина, «кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было».

Когда восстание поднимают те, кто считался нерушимым оплотом революции, — тут невольно призадуматься.

И призадумались. Штурм крепости был назначен на 8 марта. Именно в этот день, после нескольких переносов, должен был открыться X съезд РКП(б) — и это было не простое совпадение, а продуманный, предпринятый с определенным политическим расчетом шаг.

7 марта, в день открытия съезда, начался артиллерийский обстрел Кронштадта, а 8 марта части Красной армии пошли на штурм. Наступающих красноармейцев в атаку гнали заградительные отряды, но и они не помогли — встретив огонь кронштадских пушек, войска повернули назад. Один батальон сразу перешел на сторону восставших. Но в районе Заводской гавани удалось прорваться небольшому отряду красных. Они дошли до Петровских ворот, но сразу же были окружены и взяты в плен. Первый кронштадский штурм провалился.

Среди верхушки большевиков началась паника. Ненависть к ним охватила всю страну. Восстание полыхало не только в Кронштадте — крестьянские и казачьи мятежи взрывали Поволжье, Сибирь, Украину, Северный Кавказ. Восставшие громили продотряды, ненавистных больше-

вистских назначенцев изгоняли или расстреливали. Рабочие бастовали даже в Москве. В это время Кронштадт превратился в негласный центр новой русской революции.

В политическом смысле выступление кронштадтцев уже принесло важные изменения. На X съезде Ленин объявил Новую Экономическую Политику — разрешение свободной торговли и мелкого частного производства, продразверстку заменили продналогом, но делиться властью большевики ни с кем не собирались.

На рассвете 8 марта 1921 года, в день открытия X съезда РКП(б), солдаты Красной армии пошли на штурм Кронштадта. Общая численность наступавших составляла около 35 тысяч человек, которым противостояли не более 18 тысяч. Но штурм был отбит, и войска с потерями отступили на исходные рубежи.

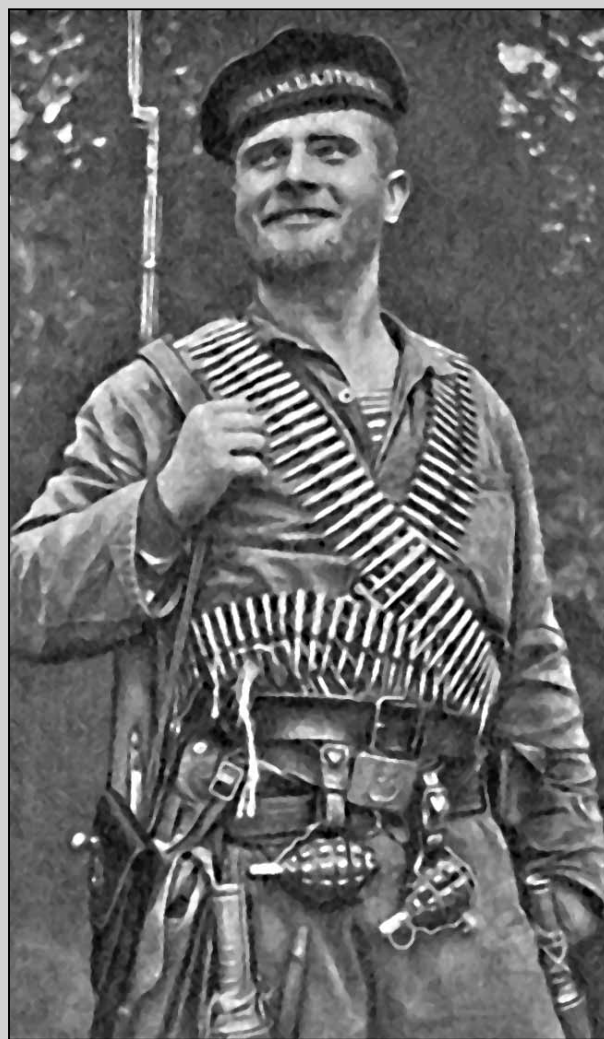

8 марта Ленин сделал закрытый доклад на съезде о неудаче в Кронштадте, назвав мятеж угрозой, во многом превосходящей действия и Юденича, и Корнилова, вместе взятых. Вождь предложил откомандировать часть делегатов непосредственно в Кронштадт. Из 1135 человек, съехавшихся на съезд в Москву, в боевом порядке на остров Котлин убыло 279 партработников во главе с К. Ворошиловым и И. Коневым. На подавление мятежа были брошены красные курсанты 16 петроградских военных вузов. Для наведения порядка особые отделы в войсках усилили петроградскими чекистами. Особые отделы Южной группы войск работали, не покладая рук — ненадежные части разоружали, сотни красноармейцев арестовывали. 14 марта 1921 года было расстреляно перед строем

для острастки других 40 красноармейцев, 15 марта — еще 33. Остальных построили и заставили кричать: «Даешь Кронштадт!»

«Нас бросала молодость на кронштадский лед...»

В середине марта по льду Финского залива уже тянулись в Кронштадт разного рода гонцы и корреспонденты да небольшие обозы с мешками муки. Но это было только начало. Весеннее солнце быстро набирало силу. Еще неделя, другая — и тогда... Тогда по чистой воде залива военные эскадры под чужими флагами не замедлили бы появиться

у фортов Кронштадта. И все понимали, чьи это будут флаги.

Небезызвестный анархист Е. Ярчук писал: «Был яркий солнечный день. Вся снежная пелена залива горела его лучами и, казалось, напоминала Кронштадту: продержись еще неделю, когда залив, взломав свои льды, унесет их в неведомую даль, то независимость могучего революционного очага была бы спасена».

Второй штурм Кронштадта начался в ночь на 16 марта 1921 года. Еще до начала боя атакующие сумели скрытно занять форт №7 (он оказался пустым), однако форт №6 оказал им ожесточенное сопротивление. Форт №5 сдался сразу после начала артиллерийского обстрела, а соседний форт №4 держался несколько часов, и в ходе штурма атакующие понесли тяжелые потери.

С тяжелыми боями войска овладели также фортами №1, №2, «Милютин» и «Павел», однако батарею «Риф» и батарею «Шанец» защитники покинули до начала штурма и по льду залива ушли в Финляндию.

В середине дня 17 марта 25 самолетов совершили налет на линкор «Петропавловск».

После захвата фортов красноармейцы ворвались в крепость, и начались ожесточенные уличные бои. Гарнизон Кронштадта отчаянно оборонялся — улицы были пересечены колючей проволокой и баррикадами. Прицельный огонь велся с чердаков, а когда цепи красноармейцев

подходили вплотную, оживали пулеметы в подвалах. Нередко мятежники переходили в контратаки. К пяти часам вечера 17 марта атакующие были выбиты из города. И тогда через лед был брошен последний резерв штурма — конница, которая изрубилась в капусту опьяненным призраком победы матросов. 18 марта восставшая крепость пала.

Красные войска вступили в Кронштадт как во вражеский город. Той же ночью, без суда, было расстреляно 400 человек, наутро начали работу ревтрибуналы. Комендантом крепости стал бывший балтийский матрос Дыбенко. За время его «правления» были расстреляны 2103 человека, а шесть с половиной тысяч — отправлены в лагеря. За это он получил свою первую боевую награду — орден Красного Знамени. А через несколько лет был расстрелян той же властью за связь с Троцким и Тухачевским.

К 5 часам утра 18 марта сопротивление кронштадтцев было сломлено. К концу дня, узнав, что вожди ушли в Финляндию, мятежники начали сдаваться.

По данным советских источников, штурмующие потеряли 527 человек убитыми и 3285 ранеными. При штурме была убита 1 тысяча мятежников, свыше 2 тысяч было ранено и захвачено в плен с оружием в руках, более 2 тысяч — сдались в плен и около 8 тысяч — ушли в Финляндию. В течение последующих лет оставшиеся в жи-

вых участники кронштадских событий неоднократно вновь репрессировались.

В 1921 году большевистское правительство объявило об окончании военного коммунизма и переходе к новой экономической политике. Разгром кронштадского мятежа как бы переворачивал последнюю страницу Гражданской войны в СССР и открывал новую главу — начало мирного социалистического строительства.

Но 18 марта 1921 года навсегда вошло черной датой в историю России. Через три с половиной года после пролетарской революции, провозгласившей главными ценностями нового государства Свободу, Труд, Равенство, Братство, большевики, с невиданной при царском режиме жестокостью, расправились с одним

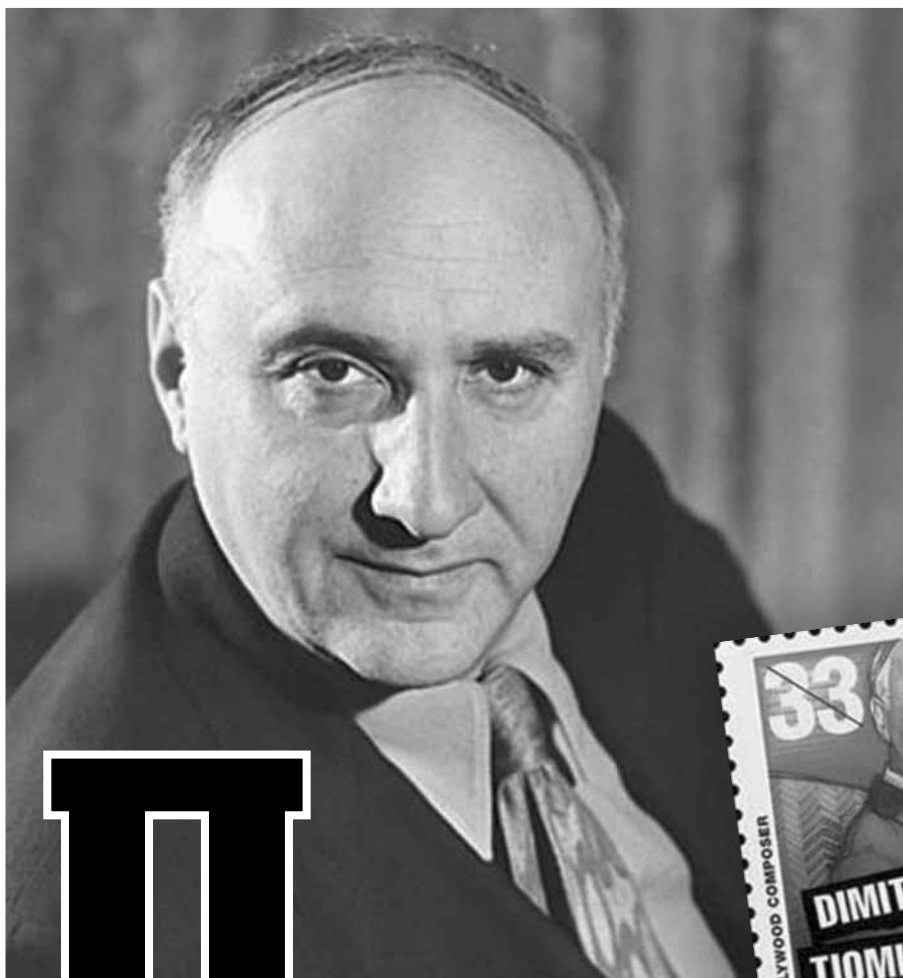
из первых выступлений трудящихся за свои социальные права.

Какое там «кровавое воскресенье», которым десятилетия попрекали царизм: Кронштадт, посмевавшийся потребовать перевыборов Советов — «ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян», — был залит кровью.

Но свою роль в истории страны восстание сыграло: военный коммунизм был заменен НЭПом, а Троцкий утратил большую часть своего влияния в руководстве. Что и позволило впоследствии прийти к власти дорогому товарищу Сталину.

P.S. В 1994 году все участники Кронштадского восстания были реабилитированы, а на Якорной площади города-крепости им установлен памятник. □

Владимир
Братченко

Певец прерий

21 сентября 1993 года Почтовая служба США выпустила в обращение памятную серию марок «Легенды американской музыки», посвященную шести выдающимся композиторам Голливуда. На одной из них изображен портрет известного во всем мире композитора и музыканта, обладателя четырех наград Американской академии киноискусства («Оскар») и номинированного на эту премию 22 раза! За свою тридцатилетнюю работу в Голливуде он написал музыку к 140 фильмам, был признан лучшим композитором фильмов Золотой эры Голливуда и стал единственным обладателем двух «Оскаров» в одном фильме: за музыку и, отдельно, за песню.

Этот удивительный человек — наш соотечественник, уроженец Российской империи, Дмитрий Зиновьевич Темкин. Родился он в еврейской семье в городе Кременчуг Полтавской губернии 10 мая 1894 года. Его отец, Зиновий Ионович, был известным врачом с обширной практикой. Мать, Мария Давыдовна (урожденная Тартаковская), занималась преподаванием игры на фортепиано. Именно она привила сыну с ранних лет любовь к музыке. Мальчик был очень одаренным, проявлял способности в математике, литературе, но под влиянием матери выбор был сделан в пользу музыки. Он был настолько подготовлен, что уже в 13 лет стал студентом Санкт-Петербургской консерватории, где в течение 6-ти лет изучал композицию, гармонию и контрапункт у Александра Глазунова, который считал Дмитрия своим лучшим и любимым учеником.

В это время молодой Темкин зарабатывал себе на жизнь частными уроками музыки в богатых семьях, подрабатывал тапером при показе «немых фильмов» в кинотеатрах Санкт-Петербурга. В свободное время он часто посещал кафе «Бродячая собака», где собирались поэты, литераторы, музыканты. Здесь он познакомился с Сергеем Прокофьевым и впервые услышал музыку нарождавшегося в то время джаза. За свою игру на фортепиано Дмитрий вознаграждался бесплатным ужином.

Он аккомпанировал всемирно известному французскому комику кино Максу Линдеру, дававшему кон-

церты в Петербурге, и знаменитой балерине Тамаре Карсавиной.

Иногда его приглашали играть в дом графа Шереметева. У графа была возлюбленная негритянка мисс Руби, гастролировавшая в России с группой музыкантов. Она познакомила Темкина с негритянскими ритмами и блюзами и, что гораздо важнее, с музыкой композитора Джорджа Гершвина, в которую он сразу влюбился.

Окончив консерваторию накануне октябрьских событий, Темкин увлекся «музыкой революции». Интересны его воспоминания об атмосфере тех лет: «Война с Германией кончилась, но в стране началась гражданская война, что было гораздо хуже. Россия и раньше знавала смутные времена, но такая напасть случилась впервые. В то же время это был период невероятного подъема искусства, новых дерзких экспериментов, новых идей и масштабного вдохновения. Казалось, что революция высвободила энергию потрясающей силы. Несмотря на голод и холод, в Петрограде небольшие труппы ставили пьесы, порой играя их в каких-то полуразвалившихся зданиях. Драматурги, поэты, музыканты искали новые формы, а артисты и танцовщики их воплощали. Большая часть всего этого происходила у меня прямо на глазах, и в некотором роде для меня это стало бесценным опытом — ни до этого, ни, тем более, после я не получал столько знаний о том, что такое искусство театра. Это производило феериче-

ское ощущение». Далее он пишет: «Интеллигенция к большевизму относилась по-разному. Начать с того, что кто-то был большевиком изначально. Большинство же являлось либералами, в основном либеральными социалистами. Некоторые примкнули к большевизму, другие остались верны своим убеждениям. Часть антикоммунистически настроенной интеллигенции покинула Россию, другая часть осталась. Из тех, кто остался, многие включились в контрреволюционную деятельность и, в конце концов, исчезли. Но основная группа интеллигенции просто пыталась взять от жизни лучшее, и большевики их особо не трогали. Если они не пытались ввязываться в неприятности с новой властью, то могли делать все, что им заблагорассудится — при условии, конечно, что они сумеют выжить в новых суровых условиях. Я полагаю, что и я, наверное, мог бы быть большевиком, но я просто об этом никогда не задумывался. У меня не было практически никаких политических взглядов[.....] как и у большинства моих знакомых.... Возможно, что мои друзья думали обо мне: «А, да он просто музыкант». Если это так, то они были правы. Меня заботили две вещи: первое — выжить, и второе — иметь возможность заниматься любимым делом, то есть игрой на фортепиано. Как ни странно, какие-то возможности для этого находились».

Темкин начал работать в Политуправлении Петроградского военного округа. Он активно занялся организацией политических музыкаль-

ных представлений. 7-го ноября 1920 года состоялась грандиозная киноинсценировка под названием «Взятие Зимнего дворца», в которой приняло участие около 1000 артистов, в том числе 500 музыкантов.

Однако неугомонный Темкин не забывал и о высоком искусстве. В Гатчине, недалеко от Петрограда, проходил очередной музыкальный фестиваль, в котором он должен был играть концерт Скрябина. Во время подготовки к выступлению Дмитрий жил у своего приятеля генерала Скирского, с которым познакомился, когда учился в консерватории. После революции генерала оставили на прежней должности, он жил в хорошем доме с прислугой. Но «счастье» длилось не долго. Однажды, когда приятели мирно беседовали, в дом ввалились с полдюжины солдат-латышей, зачитали приказ об аресте генерала и увезли его в гарнизонную тюрьму. Наутро Темкин отправился в гарнизон, чтобы как-то помочь другу. Удивительно, но часовые не потребовали пропуска и впустили его в камеру. Генерал и его товарищи по камере не знали, за что их арестовали, но понимали, что они обречены. Стало ясно, что Темкин помочь ничем не может, и он попросил солдата выпустить его. Но за то время, пока Дмитрий находился в камере, сменился караул, и солдат потребовал предъявить пропуск, по которому его впустили. Скирский пытался объяснить охранникам ситуацию, но те лишь посмеялись над генералом. «Ужас заключался в том, — вспоминает

Темкин, — что это было начало «красного террора». В Москве стреляли в Ленина и тяжело ранили. В Петрограде убили Урицкого, главу тайной полиции (ЧК)».

Вскоре солдаты пришли вновь, зачитали приказ и увели всех в соответствии со списком, в котором Темкина, естественно, не было, и он остался один в камере.

Прошло несколько дней, и как-то Дмитрий услышал пение украинской песни и речь солдата с явным украинским акцентом. После разговора с этим солдатом выяснилось, что они земляки, оба из-под Полтавы. Сол-

теля, но тот уже покинул Россию. Встретились они лишь много лет спустя в Америке.

В России шла гражданская война, заработать на жизнь музыкой было практически невозможно. Приходилось менять вещи на продукты. Здоровье Дмитрия пошатнулось, была угроза заболеть чахоткой, и мать написала письмо бывшему мужу в Берлин, чтобы он помог сыну выбраться в Германию. Отец, раньше работавший в германском консульстве в Петрограде, рекомендовал, как надо поступить, и вскоре Темкин получил визу, немно-

Окончив консерваторию накануне октябрьских событий, Темкин увлекся «музыкой революции» и активно занялся организацией политических музыкальных представлений. 7 ноября 1920 года состоялась грандиозная киноинсценировка под названием «Взятие Зимнего дворца», в которой приняло участие около 1000 артистов, в том числе 500 музыкантов

дат сочувственно отнесся к положению пленника, но выпустить отказался. Тогда Темкин попросил передать на волю записку единственному человеку, который мог бы спасти его от расстрела — А. Глазунову. Солдат согласился. Через несколько дней в камеру явились два офицера, обругали его за «преступную связь с контрреволюционерами» и зачитали приказ об освобождении. Выйдя за ворота тюрьмы, Дмитрий тут же бросился искать своего освободи-

го немецких марок и билет на паром до порта Штеттин.

Но тут возникла неожиданная проблема: оказалось, что в Европу ехать не в чем. Был один единственный костюм, заношенный до дыр. Пришлось пошить костюм из оконных штор ярко-зеленого цвета. Вот как сам Темкин, не без юмора, описывает свой внешний вид перед отплытием за границу: «Я выглядел как огородное пугало — кожа да кости, костюм на мне болтался, как тряп-

*С женой
Альбертиной
Раи*

ка, я успел еще похудеть с того момента, как мне его «построили»... Костюм «гармонировал» с ботинками — они были сделаны из старых автомобильных покрышек».

По старой русской традиции на квартире Дмитрия была устроена прощальная вечеринка. Пришли художники, музыканты, принесли водку и продукты, кто что мог. Пришла провожать и мама, которую спустя несколько лет он привез к себе в Америку.

«Я уезжал из города Петра Великого. Когда-то его называли Санкт-Петербургом, потом он стал Петроградом. Через некоторое время его называли Ленинградом...» В то время появилась шутка по этому поводу: «Где родился? — «В Санкт-Петербурге». — «Где учился?» — «В Петрограде». — «Где женился?» — «В Ленинграде». — «Где хотел бы жить?» — «В Санкт-Петербурге». Только в наши дни это желание жителей осуществилось.

Осенью 1921 года Дмитрий прибыл в Берлин, где встретился с отцом, но радости эта встреча не принесла и оказалась последней.

Началась новая жизнь. Судьба была благосклонна к Темкину. Он всегда появлялся в нужное время в нужном месте, где его уже ждали нужные люди. Он познакомился с талантливым пианистом Михаилом Харитоновым, также эмигрантом, они сняли комнату на двоих и подготовили программу для двух фортепиано. Их выступления имели большой успех. Темкин взял несколько уроков у известного композитора, пианиста и теоретика музыки Ф. Бузони и даже умудрился выступить с оркестром в Берлинской филармонии, исполнив Второй концерт Листа.

Окрыленные успехом и заработав достаточную сумму денег, пианисты отправились в Париж. Там выступления дуэта также имели успех. В Париже Темкин познакомился с

великим Федором Шаляпиным. Федор Иванович со вниманием отнесся к молодым дарованиям и стал убеждать их отправиться в Америку. По протекции Ф. Шаляпина музыканты получили приглашение от Бродвейского продюсера Мориса Гэста принять участие в водевильном турне по США с фантастической ставкой 1000 долларов в неделю!

В Соединенные Штаты дуэт прибыл в 1925 году и присоединился к балетной труппе во главе с балериной и хореографом Альбертиной Раш. В 1927 году Темкин женился на «Альбертиночке», так он ее называл. Она родилась в Вене, но семья была родом из Польши. Ее труппа, «Американский балет Альбертины Раш», гастролировала по всем крупным городам Америки. Темкин не только писал и аранжировал музыку для труппы, но и стал ее музыкальным директором. В том же году он дал концерт в знаменитом Карнеги-Холле, исполнив произведения А. Скрябина, Ф. Пуленка, М. Равеля, а также собственную композицию «Quasi-jazz».

Темкин с успехом продолжал свою концертную деятельность и в 1928 году вместе женой отправился в Париж. В Парижской Опере он блестяще исполнил «Голубую рапсодию» и «ConcertoinF» (впервые в Европе) Джорджа Гершвина в присутствии самого автора. Послушать Темкина пришли Сергей Прокофьев и Сергей Дягилев.

Когда Дмитрий вернулся в Штаты, на Америку обрушилась «Великая депрессия». Театры, концертные за-

лы и кинотеатры опустели, артисты и музыканты остались без работы.

Однако супругам Темкиным повезло. Как раз в это время начали появляться первые звуковые фильмы. Энергичная и деловая Альбертина своевременно поняла, что в кинематографе происходит настоящая революция, и предложила кинокомпании «Метро Голдвин Майер» снять короткие, озвученные музыкой балеты. «МГМ» предложение принял, и супруги в 1930 году двинулись в Голливуд. Альбертине удалось убедить руководство компании, что ее муж не только знаменитый пианист, но и немножко композитор. Прослушав его музыку, компания приобрела его ноты за приличную сумму, а супруга получила контракт на постановку балетных сцен в нескольких фильмах под музыку Темкина. Можно сказать, что Темкин оказался первым композитором, который стал писать музыку для звукового кино.

Но очень скоро интерес к этим фильмам пропал. Нужны были новые картины с использованием всех преимуществ звукового кино.

Темкин и на этот раз не упустил момент и в 1933 году написал музыку к полнометражному художественному фильму «Алиса в Стране чудес».

В 1938 году продюсер Ирвин Тальберг из «Метро Голдвин Майер» предложил ему принять участие в создаваемом фильме «Большой вальс». На главные роли были приглашены Милица Корьюс, лучшее колоратурное сопрано того времени, и Фернан Гравей. Еще одну глав-

ную роль в фильме заняла музыка Иоганна Штрауса, блестяще аранжированная Дмитрием. Фильм имел грандиозный успех во всем мире, в том числе и в Советском Союзе.

Темкин не предполагал, что когда-либо станет композитором, пока на одной из вечеринок не познакомился с известным голливудским режиссером (эмигрантом из Италии) Фрэнком Капра. В 1937 году на студии «Юниверсал» они выпустили свой первый фильм, фантастиче-

вают на ведущих телеканалах США в канун Рождества.

Во время Второй мировой войны Ф. Капра и Д. Темкин выпустили серию из 12 патриотических фильмов «Почему мы сражаемся?», за которую они получили специальную награду от военного ведомства США. Один фильм из этой серии (1943 г.) назывался «Битва за Россию».

Самый плодотворный период в творчестве композитора был между 1946 и 1964 годами. За это время

В России шла гражданская война, заработать на жизнь музыкой было практически невозможно. Приходилось менять вещи на продукты. Здоровье Дмитрия пошатнулось, была угроза заболеть чахоткой, и мать написала письмо бывшему мужу в Берлин, чтобы он помог сыну перебраться в Германию

скую сказку «Потерянный горизонт». Музыка Темкина, в которой он применил ряд новаций, необычных тембровых сочетаний, была номинирована на «Оскара». В этом же году Мистер Темкин получил американское гражданство. Через три года вышел другой их совместный фильм «Мистер Смит едет в Вашингтон», который также был номинирован на «Оскара».

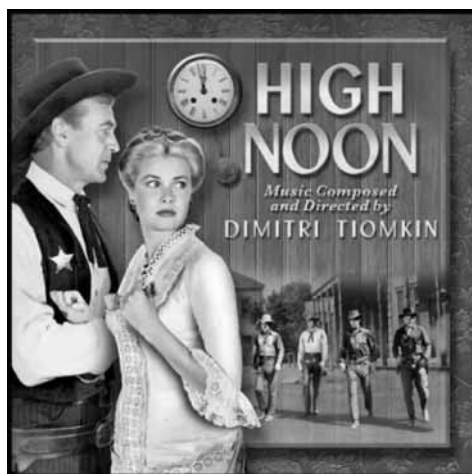
А в 1947 году они создали фильм «Эта прекрасная жизнь», который стал для американцев таким же, каким для нашего зрителя является фильм «Ирония судьбы, или с Легким паром». Его постоянно показы-

Темкин написал музыку к 80 фильмам. Он работал с великими кинорежиссерами, артистами и продюсерами своего времени.

В содружестве с продюсером Альфредом Хичкоком были созданы фильмы «Тень сомнения», «Незнакомцы в поезде», «Я исповедуюсь» и «В случае убийства набирай М».

Для Стенли Крамера Темкин написал музыку к фильмам: «Так вот какой Нью-Йорк», «Чемпион», «Дом храбреца», «Сирано де Бержерак», «Мужчины» и «Ровно в полдень».

Именно этот фильм, «Ровно в полдень», с Гарри Купером и Грейс Келли в главных ролях, вознес Темкина

Постеры фильмов, за которые Темкин получил четыре «Оскара»

на вершину славы. Он стал непревзойденным эталоном, визитной карточкой нового киножанра, который получил название «вестерн». За этот фильм Американская академия киноискусства наградила Дмитрия Темкина сразу двумя статуэтками «Оскара»: одну — за музыку к фильму, а вторую, отдельно, за песню «Не покидай меня, моя дорогая!», которую распевала вся Америка. По версии академии, музыка к этому фильму вошла в список десяти величайших музыкальных тем в истории кино.

Прошло всего два года, и Темкин получил еще одного «Оскара» — за музыку к фильму «Великий и могучий».

Невероятно, но факт: спустя еще четыре года он вновь получает «Оскара», на этот раз последнего, за музыку к фильму «Старик и Море» со Спенсером Трэси в главной роли по одноименной повести Э. Хемингуэя. Идея фильма родилась во время поездок на рыбалку с близким другом Ф. Капра.

Далее, как из рога изобилия, последовал ряд песен, номинированных на «Оскара». Они вошли в репертуары таких исполнителей, как Фрэнк Синатра, Барбра Стрейзанд, Пэт Бун, Нина Симон, Дэвид Боуи, Энди Видьямс и многих других, а также в программы многих мировых симфонических, джазовых и симфоджазовых оркестров.

В 1969 году Темкин выступил в необычной для себя роли продюсера (совместно с Карлом Форманом) в фильме «Золото Маккенны». В главных ролях были заняты Грегори Пек и Омар Шариф. Фильм с успехом прошел на экранах Советского Союза.

Музыковед, профессор Бостонского университета Харла Робинсон дал такую характеристику музыке Темкина: «Его композиции к фильмам очень просты. Это обычно вариации на тему одной мелодии, которая становится то эпической, то веселой, то любовной, то трагической. Особенно удивительно, до ка-

кой степени «по-американски» звучат эти его мелодии. Смешно, что знаменитый дух американского Запада создал в американском кино российский композитор. А именно, Дмитрий Темкин... Он влюбился в Дикий Запад, в сам этот феномен. Может быть, он напоминал ему Россию?» В Америке Темкину часто задавали вопрос: «Как он, выходец из России, может так тонко чувствовать поэтику американ-

ских прерий?» На что он отвечал: «Степь — она и есть степь. Жизнь ковбоя и жизнь казака очень похожи. Оба любят природу и животных, оба одинаково смелы и одинаково философски относятся к жизни. Русские степи — почти то же самое, что и американские прерии».

В Голливуде Темкин завоевал непререкаемый авторитет. Друзья и соратники любовно звали его «Дими». У него сложились дружеские отношения с композиторами Джорджем Гершвиным, Джеромом Керном, Ричардом Роджерсом.

Но эта «Фабрика грез» имеет свои весьма жесткие нравы и не упустит случая, чтобы «укусить» кого-либо из своих коллег. На одном банкете юморист Джордж Джессел так

*Вручение
«Оскара»*

минания о петербургской молодости, о его консерваторских учителях. Он в первый и последний раз, с 1921 года, побывал в Москве.

В 1972 году Темкин женился на очаровательной англичанке Оливии Пэтч, дочери члена английской Палаты лордов, и поселился в тихом районе Лондона, где провел остаток жизни, занимаясь своим любимым делом — игрой на фортепиано. Ни одного музыкального произведения он больше не написал.

Оливия Пэтч в 2002 году приехала в Москву для участия в записи на «Мосфильме» саундтрека к фильму «Красная река» в исполнении Московского симфонического оркестра под управлением Уильяма Стромберга.

Кроме «Оскаров» за свою долгую творческую жизнь Темкин по-

лучил множество других престижных наград в области музыки и кино. «Ассоциация иностранной прессы Голливуда» 8 раз присуждала ему приз «Золотой глобус», американский «Институт изящных искусств» присвоил ему звание пожизненного члена, а в 1999 году (уже посмертно) он стал Почетным Гражданином штата Техас. Помимо этого, Дмитрий Зиновьевич дважды награждался французским орденом Почетного легиона (как кавалер и как офицер), а также испанским Крестом кавалера ордена Изабеллы Католической.

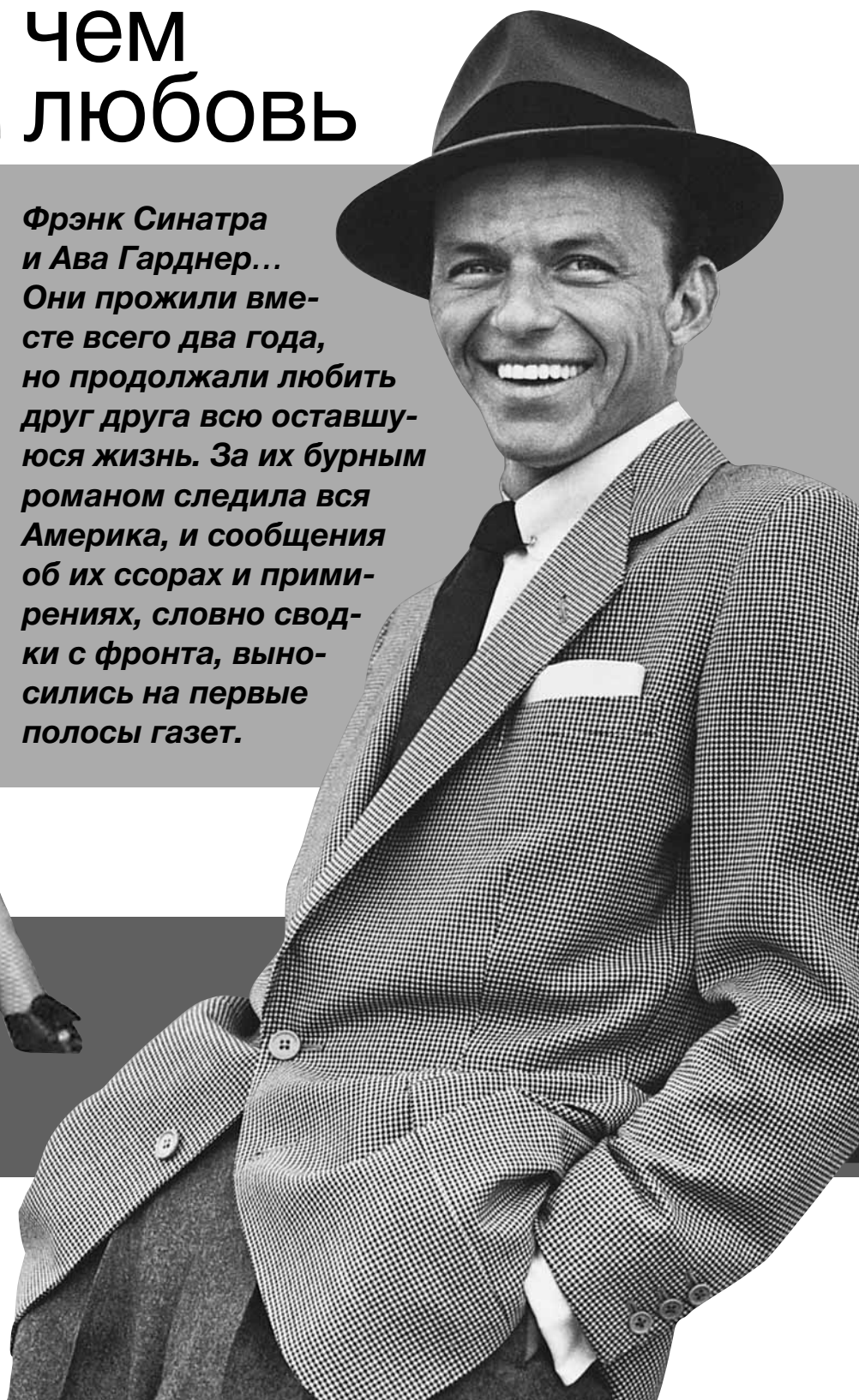
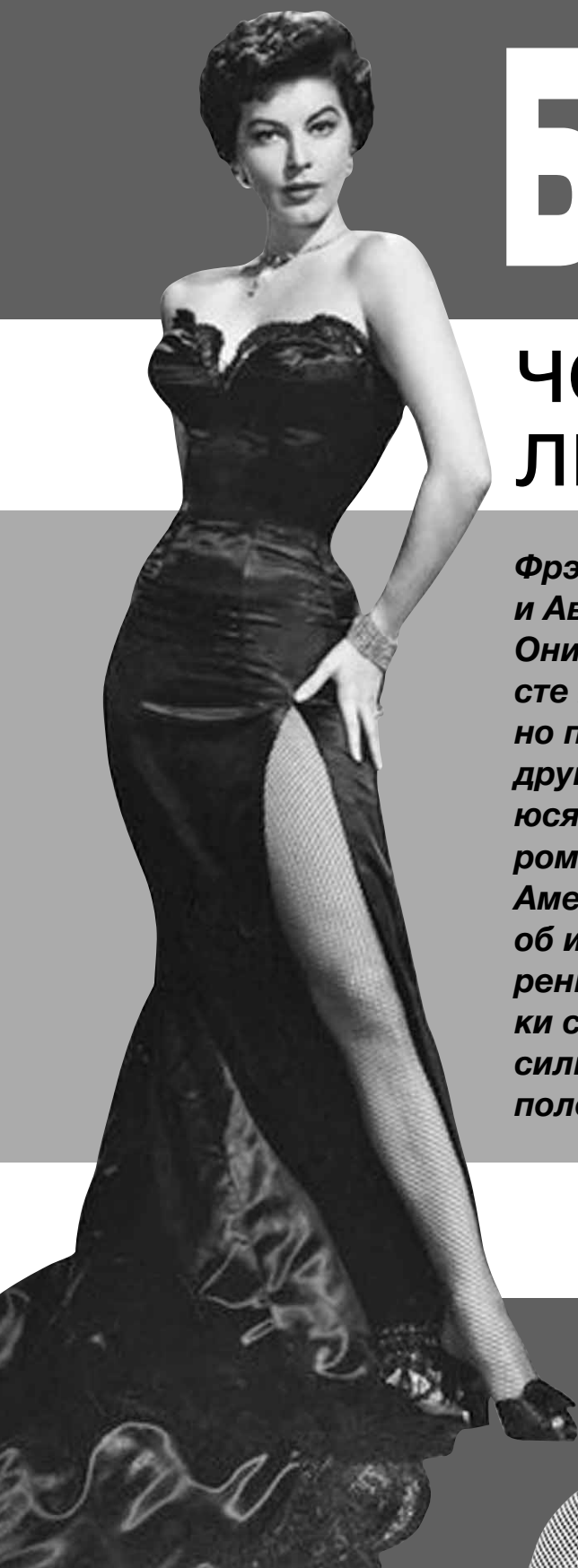
Скончался Темкин в Лондоне, 11 ноября 1979 года, но похоронили его в городе Глендейл, Калифорния, в стране американских прерий, которые так похожи на русские степи... □

Валерия Быкова

БОЛЬШЕ,

ЧЕМ ЛЮБОВЬ

*Фрэнк Синатра
и Ава Гарднер...
Они прожили вме-
сте всего два года,
но продолжали любить
друг друга всю оставшу-
юся жизнь. За их бурным
романом следила вся
Америка, и сообщения
об их ссорах и прими-
рениях, словно свод-
ки с фронта, выно-
сились на первые
полосы газет.*

Никто не может точно сказать, когда именно Фрэнк и Ава впервые увидели друг друга. Известно лишь, что в конце сороковых они довольно часто встречались на студии Метро-Голдвин-Майер. Никакой симпатии или взаимного интереса они при этом друг к другу не испытывали. За спиной Гарднер, дочери бедного фермера из Северной Каролины, приехавшей искать счастья в Голливуд, были два коротких, как летние ливни в Калифорнии, брака. Один —

трой, который к тому времени уже лет пять возглавлял табель о рангах американских поп-певцов. Аве он казался не в меру самовлюбленным, надменным, даже нагловатым. Что ж, сын не очень-то удачливого сицилийского иммигранта знал себе цену, а что до характера, то Фрэнк никогда и не утверждал, что у него за спиной растут крылья ангела. У Авы нрав тоже был не сахарный. С самого начала своей карьеры она отличалась редкой для голливудской ак-

Она считалась одной из самых сексуальных женщин пятидесятых. Ею восхищался Хемингуэй. Она отвергла предложения руки и сердца самого знаменитого тореодора Испании и одного из богатейших магнатов Соединенных Штатов, но не устояла перед чарами человека, который умел шептать слова любви так, что те становились похожими на лепестки роз.

Баритон Фрэнка недаром называли «голосом для спальни». Полушутя — полувсерьез утверждали, что едва ли не половина американцев, живущих в восьмидесятые годы, были зачаты под звуки его пластинок. Кумир женщин, он потерял счет победам и лишь о любви к Аве до конца жизни говорил как о «своем Ватерлоо».

с довольно известным голливудским комиком Микки Руни, другой — с необычайно талантливым джазменом Арти Шоу. Она снялась уже в нескольких фильмах, и главная женская роль в ленте «Убийцы», где ее партнером был Берт Ланкастер, принесла ей статус звезды.

Но, разумеется, она и думать не могла сравниться славой с Сина-

трисы независимостью. Это знали и продюсеры, и ее любовники. Во второй половине сороковых рядом с нею почти безотлучно находился человек в высшей степени неординарный и колоритный. Хьюз был не только магнатом и промышленником, но и выдающимся пилотом, облеченным с рекордной скоростью вокруг земного шара. В то время

состояние его равнялось «всего» 200 миллионам долларов, но уже в начале 60-х оно превысило 1 миллиард. Хьюз неоднократно делал Аве предложения, но она лишь смеялась в ответ. Он, впрочем, не обижался. Ава принимала от него драгоценности и называла своим личным пилотом. Хьюз сам доставлял ее в любую точку Соединенных Штатов, а когда мать Гарднер серьезно заболела, он на одном из своих самолетов послал к ней целую команду медиков.

Это случилось во время одной из вечеринок в Палм-Спрингс в самом начале 1950 года. Ава почти все время танцевала только с Синатрой. У них словно пелена спала с глаз, они будто впервые увидели друг друга. Фрэнк не мог насмотреться на темноволосую зеленоглазую красавицу. Все в Голливуде знали пропорции Авы: 90-50-90. Но разве в сантиметрах дело! Неистовые голубые глаза Фрэнка вбирали в себя каждую черточку лица, казавшегося ему самым прекрасным в мире. С вечеринки они уехали вместе. По дороге домой Фрэнк остановил машину под пальмой, исполнив для Авы любовную балладу, и они оба хохотали до слез над этим его романтическим жестом, словно взятым из голливудского фильма. А на следующий день они катались по окрестностям Лос-Анджелеса, и Фрэнк из окна машины палил из револьвера холостыми, выражая свою неистовую радость по поводу встречи со своей мечтой.

Он женился бы на Аве в первые же дни их романа, но, увы, Фрэнк не был свободен. Его жена Нэнси привыкла к любовным эскападам мужа, за последние три года он уже дважды уходил из дома. Но Фрэнк обожал своих трех малышей и, в конце концов, неизменно возвращался в лоно семьи. На этот раз дело обстояло серьезнее. Фрэнк заявил супруге, что хочет развода. После мучительных колебаний и тяжелых сцен Нэнси, наконец, решилась ... нет, не на развод, а на раздельное проживание с мужем. По решению суда в сентябре 1950 года она получила один из домов Синатры, щедрое финансовое содержание и, разумеется, опеку над детьми.

Сказать, что Фрэнк был увлечен Авой, значит, ничего не сказать. Он был буквально одержим ею. Оба они были искушенными любовниками, но обладание друг другом не пресыщало их. Их вообще многое роднило: бурный темперамент, честность, душевная щедрость и открытость, скептическое отношение к собственному таланту. Оба обожали итальянскую кухню, крепкие напитки, были непременными зрителями профессиональных боксерских матчей (Ава, кроме того, слыла страстной поклонницей корриды).

Надо сказать, что ей в этот период приходилось нелегко. Фрэнк как раз переживал тяжелый творческий кризис. В результате переутомления и нервных стрессов его голос утратил былую силу, свежесть и вы-

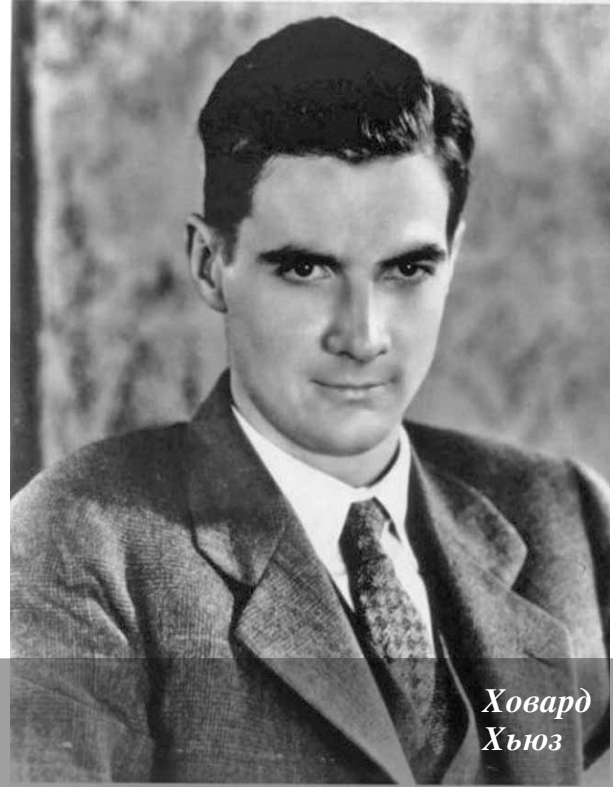

разительность. Публика уже без прежнего энтузиазма встречала его выступления, резко снизились продажи пластинок. Стали насеждать конкуренты — появилась целая плеяда молодых способных певцов, и критики начали поговаривать о том, что Синатра выдохся, а стиль его устарел. Ава, как могла, утешала любимого, старалась вселить в него уверенность. При ее собственном взрывном темпераменте выдерживать вспышки дурного настроения Фрэнка, его страхи и невроты было нелегко, и все-таки Ава делала все, что было в ее силах. Но порой и ее терпению приходил конец. Фрэнк искал у нее утешения и одновремен-

но бешено ревновал. Однажды, устав от его жалоб, она с друзьями отправилась в ночной клуб и там случайно встретила своего бывшего мужа, музыканта Арти Шоу. Фрэнк, закончив свое выступление, начал обзванивать все клубы в поисках подружки. Узнав, что она в клубе «Бон Сити» веселится с Арти, он вызвал ее к телефону и устроил дикую сцену ревности. Напрасно Ава убеждала его, что ему не в чем упрекнуть ее, Фрэнк кричал, что покончит с собой, и она действительно услышала два револьверных выстрела. Рыдая, Ава поспешила в отель, где жил Синатра, и застала его в расстроенных чувствах, но совершенно живого и здо-

*С первым мужем —
Микки Руни*

*Ховард
Хьюз*

рового. Оказывается, Фрэнк в сердцах всадил две пули из своего револьвера... в матрас.

Сцены ревности стали повторяться с удручающей регулярностью. Кое-кто из друзей Синатры позднее утверждал, что некоторые из них провоцировала сама Ава, желая заставить Фрэнка более энергично добиваться развода. Чувства Нэнси Фрэнка не интересовали, но его очень беспокоило, как отнесутся к его уходу дети. Ссоры с Авой следовали одна за другой, но жить друг без друга они уже не могли.

Так прошел весь 1950-й и большая часть следующего года. Ава больше месяца провела в госпитале. По утверждению ее врача она очень похудела и нуждалась в отдыхе. От Фрэнка тоже остались кожа

да кости — весил он меньше шестидесяти килограммов. Расспросы репортеров приводили его в бешенство, и он готов был расколошматить не только объективы их фотоаппаратов, но и физиономии бедняг. Но, наконец, осенью 1951 года был получен долгожданный развод. Третьего ноября в Филадельфии они подали заявление в городской магистрат. Нетерпение их было так велико, что они с трудом сумели выдержать трое суток, по истечении которых их брак считался зарегистрированным.

7 ноября в доме филадельфийских друзей Фрэнка состоялся обряд бракосочетания. Не все прошло гладко. Когда Ава стала спускаться с лестницы, опираясь на руку приятеля Фрэнка, тот неожиданно спот-

*С вторым мужем —
Арти Шоу*

кнулся и с грохотом покатился вниз по ступенькам. Впрочем, все закончилось благополучно. Ава была ослепительна в своем вечернем платье из розовато-лилового маркизета, отделанного розовой тафтой. Шею украшала нитка крупного жемчуга, а в ушах — сережки с маленькими жемчужинками, обрамленными бриллиантами. Вечером того же дня молодожены отбыли на зафрахтованном Фрэнком самолете во Флориду, а затем на Кубу, где собирались провести медовый месяц. Ава поднималась по трапу самолета в манто от Кристиана Диора из коричневой и голубой норки — подарке Фрэнка. Через месяц их уже приветствовали в Лондоне, где Фрэнк пел для принцессы Маргарет, а Ава танцевала самбу с герцогом Эдинбургским.

Были ли они счастливы? Безусловно. Продолжали ли ссориться? Еще как! Журналисты даже называли эти ссоры «ведущими боевыми действиями супруги Синатра». В конце октября 1952 года все газеты обошла сенсационная история о том, как Фрэнк выставил Аву из дома. Как оказалось, вернувшийся домой Синатра невольно услышал разговор Авы с ее приятельницей — кинозвездой Ланой Тернер. Женщины сравнивали сексуальные достоинства Фрэнка и бывшего мужа Авы, уже упоминавшегося Арти Шоу. Лана могла компетентно обсуждать эту проблему, поскольку тоже побывала замужем за Арти, к тому же, одно время была близка и с Фрэнком. Синатра вспылал — он всегда ревновал Аву к музыканту — и потребовал,

чтобы обе женщины убрались ко всем чертям. Разумеется, он вскоре одумался и умолял супругу о прощении, которое было ему даровано, после того как он согласился сопровождать Аву на ее родину в Северную Каролину. Ава, впрочем, и сама нередко устраивала Синатре сцены ревности. Вроде той в фешенебельном ночном клубе в Нью-Джерси, где он выступал, и, как показалось Гарднер, кидал красноречивые взгляды в сторону присутствовавшей там своей бывшей любовницы Мэрилин Максвелл. Ава, кроме того, испытывала постоянный страх, что Фрэнк может вернуться к Нэнси из-за детей, и устраивала ему сцены, когда он ходил к ним на свидания. Вообще же причиной их сор

могло стать любое расхождение во мнении, будь то политика, музыка или что-то иное. Сама схожесть их характеров играла здесь против них. Единственной сферой их отношений, не подверженной кризисам, был секс. Ава не скрывала, что Фрэнк — изумительный любовник, и порой не стеснялась в выражениях, говоря об этом.

В те годы карьера Гарднер развивалась куда успешнее, чем карьера Синатры. Она снялась в нескольких картинах, которые принесли ей международную известность. В их числе фильм «Снега Килиманджаро», в котором она получила главную женскую роль по желанию самого Хемингуэя. Их вообще связывала искренняя дружба, Ава даже ловила

рыбу с Хэмом с его яхты «Пилар». Она сыграла главную роль и в другой ленте по произведению великого писателя — «И встает солнце». Но это случилось позже, а пока, осенью 1952 года, в Африке начались съемки фильма «Могамбо», в котором кроме Авы были заняты Кларк Гейбл и Грейс Келли. Ава настояла на том, чтобы Синатра сопровождал ее в Кению. Фрэнк все это время находился во взвинченном состоянии. Он очень хотел получить роль в фильме режиссера Джоунза «Отныне и во веки веков», но наткнулся на сопротивление руководителей студии. Ава пыталась помочь ему, но тоже безуспешно. Начало съемок

«Могамбо» запомнилось ей не ревом львов, которые по ночам бродили между палатками лагеря, а непрерывными ссорами с Фрэнком, который болезненно переживал свои неудачи, особенно заметные на фоне ее карьеры, стремительно набиравшей обороты. Впрочем, вскоре Фрэнка вызвали телеграммой в Голливуд на кинопробы. Он уезжал, полный надежд и сомнений, оставляя Аву в обществе Кларка Гейбла. Впрочем, Гейбл, некоронованный «король Голливуда», в то время оказывал знаки внимания не Аве, а ее приятельнице Грейс Келли.

Синатра вернулся в Кению через месяц совершенно счастливый —

он получил долгожданную роль. Однако за это время в жизни Авы произошло весьма драматическое событие. Ее увезли на самолете в Лондон и поместили в частную клинику. Звезда была беременна, и в больнице у нее произошел выкидыш. Позднее Ава говорила, что это стало для нее сильнейшим потрясением — несмотря на ухудшившиеся отношения с Фрэнком, она безумно хотела

от него ребенка. Впрочем, некоторые ее знакомые утверждали, что это был не выкидыш, а аборт.

В Африке Фрэнк и Ава отпраздновали годовщину своей свадьбы. Она принимала поздравления и, улыбаясь, заявляла: «Я дважды была замужем, но ни разу так долго». В то время Ава еще не знала, что им с Фрэнком суждено прожить вместе еще только год. «Оскар» за роль

в фильме «Отныне и во веки веков», полученный Синатрой в марте 1954 года, изменил их отношения к худшему. Фрэнк вновь был на коне. Режиссеры наперебой приглашали его сниматься в их фильмах. Голос его звучал лучше, чем когда-либо прежде, и публика вновь ломилась на концерты. Ава с ностальгией вспоминала прежние времена, когда Фрэнк так нуждался в ее утешении. Теперь он был вечно окружен приятелями, с которыми проводил большую часть времени. А его самоуверенность и упрямство могли вывести из себя и святую. Нет, он по-прежнему любил Аву, тем не менее, она испытывала огромное разочарование. К тому же Гарднер жутко ревновала Фрэнка и не верила, что сможет удержать его. Удивительно, но у этой женщины, которую едва ли не весь мир считал секс-символом, была чрезвычайно низкая самооценка. «Будь я мужчиной, я вряд ли смогла бы увлечься Авой Гарднер», — часто повторяла она. Эти мучительные отношения продолжались несколько месяцев. Фрэнк понимал, что теряет любимую женщину, но ничего поделать с собой не мог.

Измученная Ава первая решила поставить точку, заявив репортерам, что их брак закончен. Она затеяла роман с самым знаменитым испанским тореодором Луисом Мигелем Домингином, другом Хемингуэя, Стравинского и Пикассо. В 1955 году Домингин предложил ей выйти за него замуж. Ава ответила отказом.

Такой же ответ получил и ее бывший любовник Хьюз. Она напомнила им обоим, что официально все еще замужем за Фрэнком. Ни она сама, ни Фрэнк с оформлением развода не торопились. Синатра галантно заявил, что если для развода потребуется даже семьдесят пять лет, у него никогда не будет другой женщины. Разумеется, это были красивые слова — женщин у Фрэнка хватало, но тосковал он по Аве, в самом деле, жестоко. Его гостиная была увешена ее портретами. Однажды Фрэнк пригласил к себе приятелей поиграть в карты, но сам участия в игре не принял, а удалился в свой кабинет. Когда один из друзей заглянул к нему, Фрэнк сидел перед портретом Авы и молча салютовал ей полным бокалом виски, по щеке его текла слеза. Несколько минут спустя из кабинета донесся странный шум. Прибежавшие друзья увидели, что Фрэнк, вытащив портрет Авы из рамки, рвал его в клочки, швырял их на пол и в ожесточении выкрикивал: «Не могу ее больше видеть, у нас с ней все кончено!» В конце концов он успокоился. А когда друзья несколько минут спустя вновь заглянули к нему, уже ползал по ковру, пытаясь собрать клочки фото и сложить их воедино. Одного обрывка не хватало. Как раз в это время в номер позвонил мальчишка — посыльный, который принес еще спиртного. Когда Фрэнк открывал ему дверь, недостающий клочок выпал у него из

рукава. Он был так счастлив, что тут же отдал посылному свои золотые часы.

В течение следующих двух лет Синатра неоднократно пытался вернуть Аву. Правда, использовал он для этого достаточно странный и сомнительный метод — пытался вызвать ее ревность, появляясь на публике с другими женщинами. Естественно, ничего, кроме гнева и раздражения со стороны Авы это не вызывало. А ведь, несмотря на публичные заявления о том, что меж-

ду ними все кончено, она втайне надеялась, что, быть может, у них еще не все потеряно. Близким друзьям она по секрету поведала, что посещает психоаналитика и пытается с его помощью решить проблемы, которые мешают им с Фрэнком понимать друг друга. Увы, этим надеждам не суждено было сбыться. В июне 1957 года Ава в Мексике подала на развод, в июле она его получила.

В течение последующих многих лет жизнь Синатры и Гарднер шла

параллельным курсом. Но порой их пути пересекались. Ава больше не вступала в брак, а Фрэнк еще дважды связывал себя узами Гименея. С голливудской актрисой Миа Фэрроу, которая была моложе его на тридцать лет, певец прожил всего год (1966). Зато его брак с более зрелой Барбарой Маркс длился до конца его дней.

Все эти годы его с Авой связывала нежная и чуть грустная дружба.

Она часто гостила в принадлежавших ему домах и виллах, а в 1968 году переехала в Лондон, где снялась в одном из лучших своих фильмов — «Майерлинг». В 70-е она появилась на экране в нескольких фильмах-катастрофах. Последней ее лентой стала «Регина Рома» (1982 г.)

Гарднер жила очень замкнуто. Ее одиночество скрашивали лишь преданная служанка Кармен и уэльский терьер Морган. Синатра часто и щедро помогал ей деньгами, а после того как у нее, один за другим, случились два инсульта, приковавшие ее к постели, оплатил все ее медицинские счета. В общей сложности это составило более 50 тысяч долларов.

Скончалась Ава Гарднер 25 января 1990 года на шестьдесят восьмом году жизни. Дочь Синатры рассказывала, что, когда по телевидению сообщили о смерти Авы, она вошла в кабинет отца. Уткнувшись в подушку, Фрэнк беззвучно рыдал, не в силах произнести ни слова. Ак-

трису похоронили в ее родном Смитфилде, штат Северная Каролина. На похоронах присутствовало более полутысячи человек. В конце процессии стоял огромный черный лимузин. Из него так никто и не вышел, но все собравшиеся были уверены, что в машине находится Синатра.

Великий певец скончался 14 мая 1998 года от сердечного приступа в возрасте восьмидесяти двух лет. На его памятнике высечены слова: «Все лучшее — впереди». Разумеется, их можно толковать по-разному. Так почему бы им не означать надежду на то, что там Фрэнку Синатре еще, быть может, суждено встретиться с любовью всей его жизни? □

Екатерина Наска

Букет

В моей руке букет
В нем скрыта тайна сил
Движения планет,
Сияния светил.

Он днем — огнем горит,
В нем отраженный свет
Космических орбит,
Миров далеких след.

В нем грань и глубина
Предчувствия — Пророк...
И суть всему дана,
Когда раскрыт цветок,

В нем подсознания связь
Заложена в бутон,

И нитями вплелась
В Божественный Закон.

Известно все давно...
Энергию храня,
В нем спрятано зерно
Вселенной бытия...

Основа прорастет,
Не зная... ничего...
Кто мыслит, тот поймет,
Что все — предрешено.

И нет случайных встреч...
Лишь выбирая путь,
Мне хочется сберечь
Божественную суть!

***

Так холодно... Снег... Чье-то тело лежит...
И стая собак прочь оттуда бежит...
Терзается чья-то больная душа...
Я прочь, как собака, бегу чуть дыша.

Поищи себе другого,
Чтоб летел, как раньше я».
И заплакал как ребенок,
И в глазах уж нет огня.

Расставались, словно братья,
Что прожили вместе век.
Ни к чему уже объятья.
Для меня он — человек.

Поселок «Сокол»

Суриков, Саврасов,
Поленов и Серов.
Верещагин, Шишкин,
Кипренский и Брюллов.

Там Крамской и Врубель,
Левитана след.

Кто из них не гений?
Труден ваш ответ.

Русские художники,
Жаль, поселок мал.
Не хватает улиц
Всем на пьедестал.

Калязин

Колокольня старая,
Звон печален, тих.
Сколько в жизни видела,
Пока звон не стих.

Сколько судеб сломано,
Залито водой.
Даль вконец измотана,
Звони «за упокой».

Волжская Венеция,
Старины размах.
Не Париж, не Греция,
Русь на берегах. □

Ван

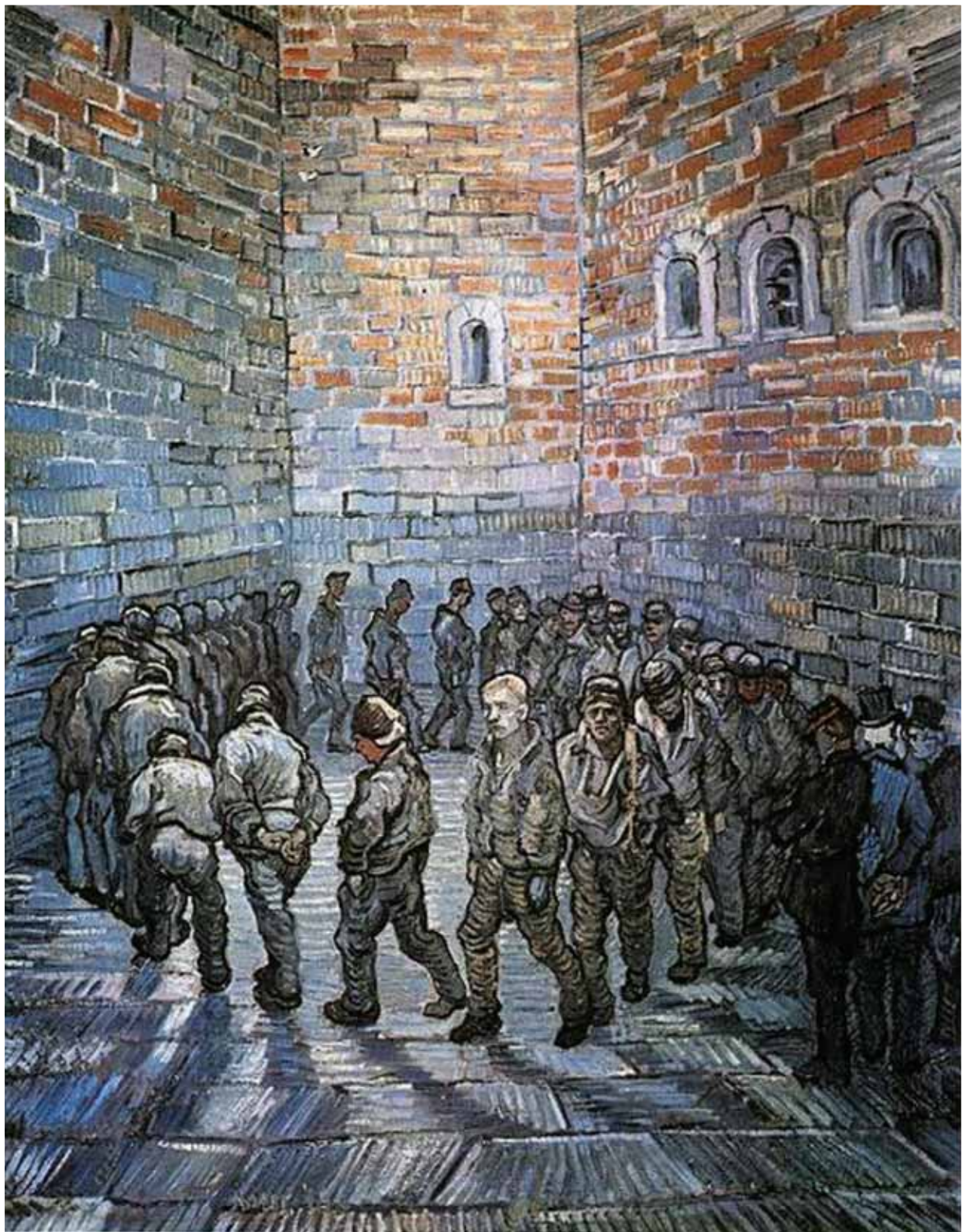
ЛОГ

«ПРОГУЛКА»

ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Россия по праву может гордиться замечательными полотнами французских импрессионистов и пост-импрессионистов, хранящимися в питерском Эрмитаже и московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Большая часть этих картин были куплены в начале XX века во Франции двумя замечательными коллекционерами, представителями купеческого сословия, меценатами Сергеем Щукиным и Иваном Морозовым. Как могли эти два купца-фабриканта угадывать, какие полотна нужно покупать, откуда это удивительное чутье, умение почувствовать настоящее?

Спокойный, выдержанный, даже скрытный Морозов и темпераментный, шумный, неумный Щукин — они были очень разными, но к искусству оба относились с огромной любовью и абсолютно бескорыстно. Но если Щукин покупал картины без особой системы, брал то, что

нравится, то Морозов относился к делу с большим тщанием, слушал советы знающих людей и — всегда покупал лучшее. Поначалу он собирал русскую живопись, продолжив семейную традицию (известным собирателем был его старший брат Михаил, умерший в 1903 году), а потом увлекся западноевропейским искусством. Ежегодно Иван Абрамович Морозов, весьма осторожный и прагматичный в коммерческих делах, тратил на покупку картин фантастические суммы — 200–300 тысяч франков. Вся западная часть его коллекции стоила ему 1 410 665 франков. Расходовать такие колоссальные средства он мог благодаря доходам, приносимым морозовской мануфактурой.

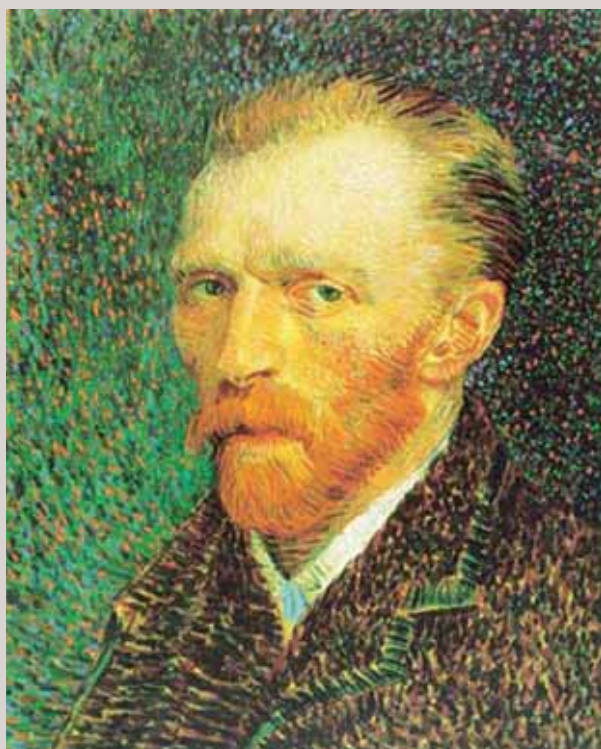
Сдержанный, даже слегка надменный, всегда элегантный, он приезжал в Париж, приходил в какую-нибудь известную галерею — в фешенебельный салон Поля Дюран-Рюэля или в захлавленную пыльными холстами лавку Абураза Воллара — располагался в мягких креслах и терпеливо ждал, когда ему вынесут полотна. А потом внимательно их рассматривал... «Русский, который не торгуется», — так называл его папаша Воллар, знаменитый друг всех парижских художников. Особенно Морозов любил импрессионистов. Однажды, приехав в Париж и, как всегда немного отдохнув после дороги, он отправился обходить парижские галереи — в поисках сокровищ, которые обязательно должны перекочевать в его коллекцию. И вот в галерее Дрюэ ему, вместе с другими полотнами, показали небольшое полотно Ван Гога, написанное в 1890 году. «Прогулка заключенных» — так называлась эта картина.

Начинался 1890-й. Последний год жизни Ван Гога. Ему оставалось всего несколько месяцев. Он жил в психиатрической лечебнице, приюте Святого Павла при монастыре Сен-Реми. Приступы эпилепсии случались примерно раз в два месяца, а в остальное время он чувствовал себя вполне здоровым и много работал. А в феврале появилась первая и — о счастье, восторженная! — статья о его картинах, кроме того, одна из них попала на брюссельскую выставку, и кто-то даже собирался ее купить...

Окна комнаты Ван Гога смотрели на поля, огороженные вдали альпийскими горами. Сам выходить из комнаты он не мог — его выпускали на волю в сопровождении санитаров. «Лучше бы мне было попасть, если уж не на каторгу, так на военную службу, — писал он. — Я должен был отстоять свою мастерскую... Но я оказался трусом и пьяницей... Заточение раздавило меня». Но здесь, в заточении, у него была возможность работать столько, сколько он хотел, никто ему в этой обители не мешал творить.

Одной из его работ того времени и стала «Прогулка заключенных», картина мрачная, безысходная, отразившая его настроение тех дней, очень личная, но вместе с тем и поднимающаяся до каких-то невероятных общечеловеческих, трагедийных высот.

Ван Гог, как и многие его коллеги, к примеру, Мане, часто использовал сюжеты и композиции картин своих предшественников. Попав в Сен-Реми, он писал своему брату Тео, владельцу галереи и человеку, который всегда поддерживал его и в жизни, и в творчестве: «Мне безумно интересно делать копии; поскольку сейчас у меня нет моделей, я при помощи этих копий не заброшу работу над фигурой... я хочу учиться». Он просил Тео прислать ему гравюру Регаме «Каторга», но, видно, Тео не нашел ее и прислал Винсенту гравю-

ру известного художника Гюстава Доре «Острог», иллюстрацию к книге Бланшара Жеррольда «Лондон». На гравюре Доре жанровая сценка — шестиугольный двор Нью-Гейтской

Наверху:
Ван Гог.
Авто-
портрет

**«Звездная
ночь»**

«Хлебное поле»

Внизу:
«Букет цветов в голубой вазе»

тюрьмы, и там, на этом дворе, идет, как говорили в те времена, парад заключенных — преступники ходят перед сыщиками, чтобы те запомнили их лица. Гравюра понравилась Ван Гог, и он ее скопировал. Скопировал, но все сделал по-своему, и в результате получилась высокая трагедия. Люди заперты в пространстве, они обреченно идут по кругу, и конца этой страшной прогулки не видно... В лицах заключенных какая-то покорность, смирение перед судьбой. Но в верхней части картины, там, где есть какое-то просветление, две маленькие белые птицы. Они — словно надежда, словно полет души, который убить все-таки нельзя. Это неподвластно никому. Известно, что заключенный в центре — автопортрет художника. Зачем он здесь, на

*Терраса
ночного
кафе «Плейс
ду Форум»
в Арле*

этом тюремном дворе, зачем ходит в этом жутком хороводе? Наверное, тут отразились и его тогдашние настроения, навеянные пребыванием в лечебнице, и его мысли о месте художника в мире. Тюрьмой могут стать для творческого человека обстоятельства, в которых он живет, не имея возможности выразить себя, дать волю своему дару. Тюрьмой может стать и само искусство,

служение которому забирает все силы. Недаром еще летом 1888 года Ван Гог писал из Арля Эмилю Бернару: «До чего же убога наша собственная подлинная жизнь, жизнь художников, влачащих жалкое существование под изнурительным бременем трудного ремесла ... на этой неблагоприятной планете, «где любовь к искусству нам любить мешает». Однако мы вправе питать относительную

«Жатва»

Справа:
«Пара
ботинок»

уверенность в возможности заниматься живописью в лучших условиях иного существования — явление, пожалуй, не более сложное и более поразительное, чем превращение гусеницы в бабочку, белой личинки в майского жука».

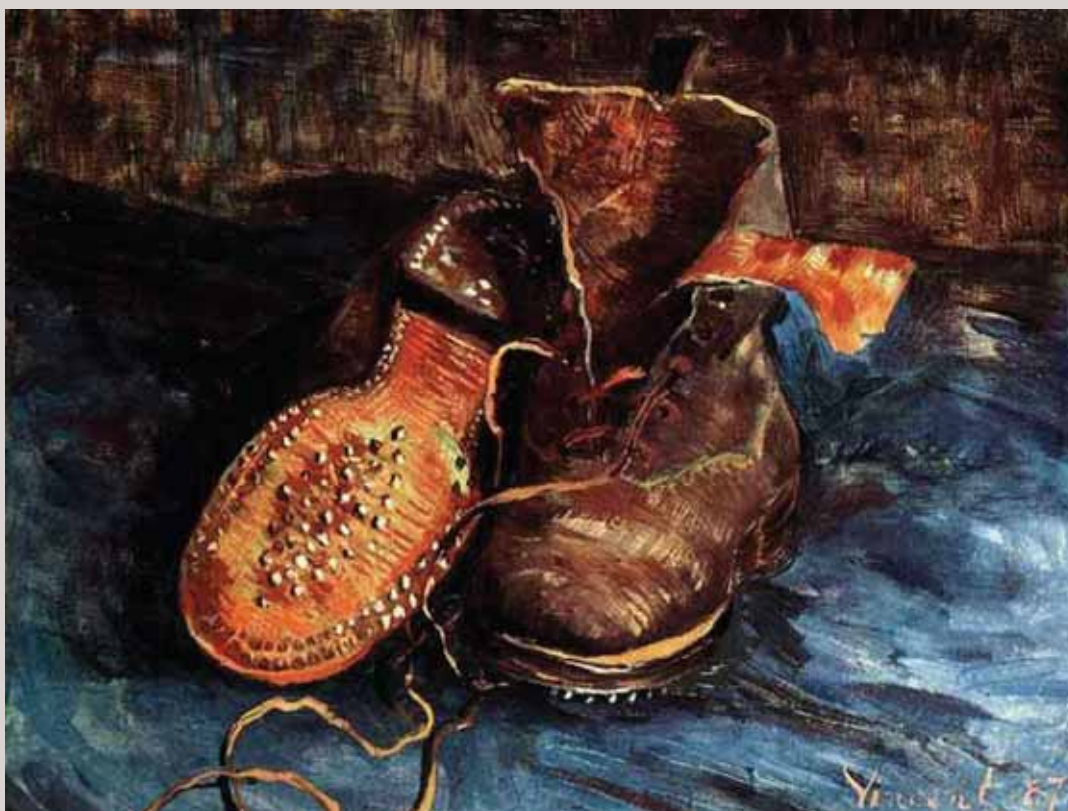
Жить в приюте Святого Павла было тягостно и тоскливо, и Тео решил перевести брата в больницу доктора Гаше, не только известного специалиста по душевным болезням, но и тонкого ценителя искусства. Доктор и сам писал картины и даже принимал участие в парижских выставках.

Доктор Гаше понимал, что к нему попал не обычный пациент, и создал для Винсента прекрасные условия. Благодарный Ван Гог снова начал работать — писал портреты Гаше и его дочерей, натюрморты и пейзажи. Но болезнь делала свое черное

дело, в его душе поселились мрак и отчаяние — он понимал, что дни его сочтены. На последнем издыхании он написал картину «Стая ворон над хлебным полем». В ней — вся его тоска, весь ужас перед страшным недугом, который перебороть он оказался не в силах.

27 июля 1890 года Винсент ушел гулять, прихватив с собой револьвер. Оказавшись в поле, в полном одиночестве, он выстрелил в себя. Раны оказались смертельными. Через два дня Ван Гог умер. Его похоронили недалеко от клиники. За гробом шли всего лишь несколько человек. И среди них верный, преданный Тео — он успел приехать в клинику, когда брат еще был жив.

Доктор Гаше в своем прощальном слове у могилы Ван Гога произнес удивительно верные слова: «Он

был честный человек и великий художник; он преследовал лишь две цели — человечность и искусство. Искусство, которое он ставил превыше всего, принесет ему бессмертие». Так и случилось — уже в первое десятилетие XX века Ван Гог стал признанным классиком и одним из самых дорогих художников.

И вот теперь, в 1909 году, «Прогулку заключенных», эту картину, полную трагизма и отчаяния, показали русскому коллекционеру фабриканту Ивану Морозову. Ему сказали, что после смерти художника и вскоре последовавшей за этим смертью его брата Тео все картины Ван Гога перешли в собственность вдовы Тео, которая понемногу стала их распродавать. «Прогулка заключенных» сначала оказалась в со-

брании некой госпожи Славона, затем — в коллекции мсье Фабра, и, наконец, в 1906 году ее приобрел Эжен Дрюэ. Внимательно изучив картину, Морозов принял решение: он ее покупает. А цена картины была немалая — 17 тысяч франков! Но это нисколько не остановило его, картина должна быть в его собрании! Почему Иван Морозов, успешный, богатый, предприимчивый, приобрел это полотно? Вряд ли из-за его высоких художественных достоинств... Неужели он увидел в нем что-то про себя, про свою собственную жизнь, в которой ему так хотелось стать художником, но он обязан был отвечать за семейное дело, на нем лежала ответственность за все морозовские ткацкие фабрики и работающий там люд? Или увидел свое одиночество,

*«Старая
мельница»*

Справа:
*«Четыре
срезанных
подсолнуха»*

из которого никак не выбраться, несмотря на толпу, которая вращается вокруг него? А в птицах почувствовал надежду на то, что завтра все будет иначе? Трудно сказать, но, так или иначе, он заплатил 17 тысяч французских франков и увез эту и другие картины своих любимых французов домой, в Москву.

В собрании Морозова находилось более 600 полотен французских и русских художников, но зайти просто так, с улицы, и увидеть все эти сокровища было нельзя. Попасть в эту домашнюю галерею можно было по личному соглашению с владель-

цем или по запискам, которые составляли авторитетные для него люди — к примеру, его друзья Коровин или Серов. Или большой приятель Морозова и его советчик художник Сергей Виноградов. И кто бы мог подумать, что когда-нибудь этот важный барин, Иван Абрамович Морозов, лишится всех прав на свою коллекцию, и ему будет дозволено лишь быть при ней зрителем и иногда водить по своей галерее, в бывшем своем доме, экскурсии!

После революции декретом от 19 декабря 1918 года Морозовская коллекция была национализирова-

на. Морозову разрешили стать помощником хранителя — это была низшая научная должность в музеях. И шикарный, холеный московский коллекционер был вынужден стать экскурсоводом в своей собственной галерее! Можно представить, как унизительно он себя чув-

ожесточенность Гражданской войны, большевистская власть... И, наверное, глядя на ваноговских заключенных, он мечтал о том, как когда-нибудь обязательно выберется из этого замкнутого круга.

Весной 1919 года Морозов навсегда покинул Россию, чтобы уже

ствовал, рассказывая посетителям галереи о картинах, когда-то тщательно им выбранных, дорогих и не очень. Но люди были благодарны такой встрече с искусством. Порой Морозов вел свои экскурсии на французском — может быть, хотел таким образом отгородиться от всех, кто по какому-то праву пришел в его дом и любовался его сокровищами, которые он собирал так тщательно, так увлеченно многие годы...

Нет, ему было плохо в новой России, неуютно, все казалось чуждым, неправильным. Бытовые неудобства, эмиграция многих его друзей,

больше никогда не вернуться. Обосновавшись в Париже (к счастью, часть средств его мануфактуры, тоже, конечно, национализированной, хранилась в лондонских банках), он очень тосковал без своих картин, без всего того, что уже давно стало смыслом его жизни. И сердце мецената не выдержало. 22 июня 1921 года Иван Абрамович скончался от сердечного приступа, во время лечения в Карлсбаде (сегодня — Карловы Вары). Ему было всего 50 лет!

Большевикам искусство, в общем-то, было не особенно нужно. Достаточно того, что хранилось в государ-

ственных музеях. А вот картины и предметы искусства из частных собраний — с этим можно было не церемониться. К примеру, что-то продать буржуям и получить за это доллары, а уж на них купить что-нибудь действительно нужное стране — хлеб или станки. В 20-е годы прошлого века Россия лишилась множества творений великих мастеров! Перечислять их слишком больно и обидно. Так, к примеру, только американскому коммерсанту Стивену Кларку были проданы две картины из собрания Морозова (и две — из собрания Щукина). Кларк отлично понимал, что большевики, по сути, украли у Морозова и Щукина их коллекции, а он по всем законам — настоящий скупщик краденого, поэтому он всегда строго хранил в тайне свои приобретения, а если выставлял эти полотна, то требовал не ука-

зывать своего имени. Три из купленных картин Кларк завещал нью-йоркскому «Метрополитену», а «Ночное кафе» Ван Гога из морозовской коллекции — художественной галерее Йельского университета. Сегодня эта картина стоит примерно 200 миллионов долларов.

В 1923 году обе коллекции (Щукинскую и Морозовскую) объединили в единый «Государственный музей нового западного живописи», а в 1928 году свезли в бывший Морозовский особняк на улице Кропоткина.

Во время Великой Отечественной войны картины были эвакуированы в Новосибирск, а после 1945 года все вернулось в Москву. Но никто не торопился распаковывать ящики. И, как оказалось, правильно. В 1948 году началась борьба с космополитизмом и формализмом в искусстве. Живопись импрессионистов и вся-

Слева:
*«Ночное
кафе»*

*«Пшеничное
поле
с кипарисом»*

ких других «истов» была объявлена чуждой коммунистическому духу. Морозовское собрание было запрещено как очень вредное — советскому народу было дозволено восторгаться лишь произведениями, написанными в стиле соцреализма. Куда уж тут всяким импрессионистам, а тем более постимпрессионистам и авангардистам!

В 1948 году Музей нового западного искусства ликвидировали, но его коллекция все-таки была сохранена, а затем поделена (абсолютно произвольно, без всяких принципов) между Музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Эрмитажем.

Долгое время картины жили под арестом, в запасниках, словно герои вангоговской «Прогулки заключенных». И только после 1955 года часть полотен, собранных великими коллекционерами Морозовым и Щуки-

ным, стала вновь доступна любителям искусства, а в середине 60-х годов почти все было выставлено. Стали появляться альбомы и монографии, посвященные французскому искусству конца XIX — началу XX веков, только вот не всегда указывалось, каким путем попали в Россию эти великие полотна...

Но, к счастью, время все расставило по своим местам, и сегодня коллекции Сергея Щукина и Ивана Морозова — гордость страны. Гордостью страны стали и их славные имена, навсегда вошедшие в историю России.

А в Пушкинском музее герои знаменитого шедевра Ван Гога по-прежнему совершают свой замкнутый круг, чтобы однажды вырваться из него, совершить рывок к свободе и обрести если не счастье, то покой своей измученной душе... □

Владимир Скворцов

«Все миря движемь любовью»

Владимир Скворцов — заслуженный артист РФ, служит в театре «Et Cetera», снимается в кино и в телесериалах. Помимо яркой индивидуальности, особой харизмы и блестящего актерского таланта, он обладает и талантом режиссера — в его творческом арсенале уже шесть поставленных спектаклей. Особенно запомнился Владимир зрителям по телесериалу «Шаман».

— Владимир, как вас пригласили на съемки в сериал «Шаман»?

— В августе 2010 года я находился в Выборге на кинофестивале «Окно в Европу», где был представлен фильм с моим участием в одной из главных ролей «Бесконечные мечты о счастье». Во время премьеры картины мне позвонила кастинг-директор фильма «Шаман» и спросила, не хочу ли я участвовать в съемках. В тот период, как назло, у меня было множество интересных предложений сниматься, причем роли предлагались одна другой интереснее. Но — досадное совпадение — осенью у меня должен был состояться важный выпуск в театре — спектакль Роберта Стуруа «Буря», и подводить свой родной коллектив, в котором давно работаю, я не мог. В то же время и в кино ждать меня целый месяц не могли. Пришлось отказаться от съемок в пользу театра... Про «Ша-

мана» подумал, что все равно ничего не получится — и ждать не будут, и на главную роль пробовались другие прекрасные артисты. И все же на пробы мне удалось вырваться. А потом я с удивлением узнал, что меня не только утвердили, но даже были согласны подождать, пока я выпущу премьеру...

— Ваш герой Иван Шаманов — какой он?

— Шаманов — это профессионал, человек, одержимый своей профессией, любящий и отчаянный, добрый и бескомпромиссный, с чувством юмора и, конечно же, со своими «тараканами». Он борется со злом в разных его проявлениях. У нас в первом фильме и слоган такой был: «Попытайся наказать зло».

— И как долго вы вживались в эту сложную роль?

— Уже в первый день съемок я сказал себе: «Я — Шаман». Вот и все. А потом было много всего интересного, и пришлось многому научиться.

— А что нового происходит в вашей творческой жизни?

— Прошлой осенью для Первого канала я закончил съемки в фильмах «Любящие женщины», режиссер Дмитрий Лактионов, и «Джуна», режиссер Вадим Островский. Под Новый год на Первом канале состоялась премьера комедии «Под каблучком» режиссера Александра Кириенко. В театре «Et Cetera» в прошлом году сыграл сразу две главных роли братьев-близнецов у Роберта Сту-

руа в «Комедии ошибок» Шекспира, ну, и под финал сезона состоялась премьера спектакля «Старшая сестра» по легендарной пьесе Александра Володина, в которой я выступил в качестве режиссера-постановщика. Это уже моя четвертая режиссерская работа.

В самом ближайшем будущем в «Et Cetera» состоится новая премьера — «Борис Годунов» в постановке Петера Штайна, в котором я играю роль Шуйского, а в Санкт-Петербурге в ноябре стартовали съемки третьего сезона многосерийного детектива «Шаман», который снимает режиссер первых двух фильмов Макс Кубринский.

— Почему для своей постановки вы взяли именно пьесу «Старшая сестра» Александра Володина?

— Браться за современную драматургию мне не хотелось, думал о классической русской пьесе. На съемках «Шамана-2» режиссер Максим Кубринский, мой хороший друг, напомнил о пьесах драматурга Александра Володина. Я перечитал их все за сутки. Мне всегда нравились его произведения, но я не планировал их ставить. И вдруг, знаете, как-то неожиданно выяснилось, что «Старшая сестра» — абсолютно моя история. Про то, что я знаю, чувствую ... про моих родных, друзей, про мой двор,

про мою страну, про мое детство. Художественный руководитель театра Александр Александрович Калягин поддержал мою идею — они были знакомы с Володиным, общались с ним. Действие я не переносил в сегодняшний день, как это нынче модно. Мне захотелось, чтобы произошло полное раскрытие характеров героев, живущих именно в том времени. Изменился только временной промежуток. Действие начинается в 1961 году, заканчивается через десять лет. История самопожертвования во имя близкого человека мне интересна и близка. Да и не только мне. «Мы живем ради кого-то, а не ради себя!» — с этим лозунгом люди в корне меняли свою жизнь. Надя, главная героиня «Старшей сестры»,

отказывается от всего, о чем мечтала, от блестящего будущего, которое не за горами, она делает нелегкий выбор не только для себя, но и свою сестру лишает счастья. А потом, когда понимает, что «ее поезд ушел», все-таки успевает запрыгнуть в последний вагон. И получает многое, о чем мечтала. Кстати, когда героиня становится известной актрисой, про нее печатает статью журнал «Смена». «Смена» откликнулась!» — говорит ей дядя.

Мы специально напечатали календарь из журнала «Смена», с большим портретом актрисы Марии Скосыревой, ну, знаете, в середине журнала на скрепках такой крепится, и вывешиваем его на стену в одной из сцен. Вся страна в советское время чита-

ла «Смену». Быть напечатанной в «Смене» — об этом многие мечтали! Прекрасные поэты печатались в этом журнале: Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский... Мои родители любили этот легендарный журнал, и я тоже читал, еще будучи школьником. В каждой интеллигентной семье «Смена» лежала на самом видном месте... Я рад, что журналу недавно исполнилось девяносто лет — большая редкость!

— Вы — артист и режиссер, довольно редкое сочетание...

— У меня сейчас существует потребность ставить спектакли, однако это не является моей основной профессией. Кто-то называет таких людей самоучками. Да, режиссер-самоучка, но у меня много достойных учителей. Мне повезло — я работал и продолжаю работать с потрясающими режиссерами: Стурва, Штайн, Козлов, Мирзоев, Морфов, Макеев, Угаров. Словом, мне есть, у кого и чему учиться. «Собирая» от каждого по чуть-чуть, я расту, развиваюсь, создаю, как мне кажется, свою универсальную модель театра, и мне это интересно.

— Артист театра отличается от артиста кино?

— Профессии на первый взгляд из одной категории, но несколько разного характера. Актер, безусловно, профессионально растет и проявляется только в театре и, естественно, должен совершенствоваться

в этом пространстве. Кино — это некий бонус к твоему творческому развитию, твоей личности. В кино важна харизма, важно правильно сыграть сцену, важен ты сам — такой, какой ты есть. Однако все «строит» режиссер. Опять же, можно сыграть сцену неплохо, но плохая операторская рука все загубит.

Артист, играющий только в театре, не сможет играть в кино, если его не научат, как правильно существовать в кадре.

Есть прекрасные артисты театра, но в кино они отвратительны, и наоборот. Киноартисты не совсем понимают законы существования на театральных подмостках. Правильно сниматься в кино я стал к сорока

годам, хотя до этого на моем счету было более тридцати пяти фильмов. Кстатi, кумиры моей юности — замечательные мхатовские артисты, они прекрасно совмещали театр и кино. В кино не нужно играть, в кино нужно правильно существовать в том образе, который ты исполняешь...

— У вас есть идеал в профессии?

Мой идеал, мой Мастер — это Алла Борисовна Покровская, актриса гениальная, и педагог потрясающий. Она не просто учит профессии, она пытается вытянуть наружу то скрытое, что сидит глубоко в каждом — помогает студентам стать уникальными личностями. Мне очень повезло, что я поступил именно к ней на курс. Также мой художественный руководитель театра Александр Калягин, играть с ним в партнерстве — и наслаждение, и подарок. Он многому учит, делится какими-то секретами, и я всегда смотрю на него широко открытыми глазами. Впрочем, назвать кого-то одного из актеров своим идеалом не могу. Я обожаю универсальных артистов — тех, кто может играть все, что угодно. Для этого, конечно, необходима полная внутренняя творческая свобода. К таким я могу отнести легендарных артистов МХАТа. В нашем театре служат бывшие мхатовские артисты: Людмила Дмитриева, Сергей Тонгур, Петр Смидович, Татьяна Владимирова. Бывает, сидим мы в буфете или в гримерках, и

я с удовольствием слушаю их интересные рассказы из недавнего прошлого, разные актерские байки, я ведь сам окончил школу-студию МХАТ и знаю истории и обычаи этого театра. В «Et Cetera» у нас работает потрясающий легендарный гример Николай Митрофанович Максимов. Личность яркая, когда-то он гримировал моих кумиров, мхатовских знаменитостей. Одним словом, очень интересные люди меня окружают.

— Вы много получаете предложений сниматься?

— Довольно, но я иногда отказываюсь, если мне это не интересно или проекты «наскакивают» один на другой...

— В прошлом театральном сезоне вы сыграли Антифолоса Эфесского и Сиракузского в премьерном спектакле «Комедия ошибок» у Роберта Стуруа...

— Это была моя мечта — сыграть главную роль в шекспировской пьесе у Мастера. Мечта осуществилась самым неожиданным образом — сыграл две главные роли — братьев-близнецов. Приходилось искать, в чем они разные, а затем, сделав их абсолютно непохожими, чуть-чуть сблизить.

— Роберт Стуруа — жесткий режиссер?

— Он мудрый, и, как все великие Художники, в душе — немного ребенок, он позволяет артистам творить и

думать, в итоге получается, если можно так выразиться, некое сотворчество. Но, естественно, последнее решающее слово всегда за ним.

— Владимир, как вы считаете, у актера может быть творческая пауза, или он все время должен находиться в творческом поиске?

— Актер не должен знать своего предела, чем явнее потолок собственных возможностей, тем скучнее дальше работать. А делать ради того, чтобы просто что-то делать, — такое, как мне кажется, не лежит в области искусства. Мне приходилось встречать артистов, которые относятся к своей профессии как к способу зарабатывать, и отслеживать их творческую

судьбу у меня нет никакого желания. Лично я для себя поставил условие: каждая новая роль должна нести что-то иное для меня, должна стоять, помимо премьеры, какая-то конечная цель — либо освоить что-то новое, либо усовершенствовать былое умение, но только качественно это должен быть шаг вперед.

— Вы любите путешествовать? Эразм Роттердамский говорил, что человек может считать себя счастливым и образованным только в том случае, если он много путешествовал...

— Согласен. Это отдельная тема, требующая долгого раскрытия. Познание мира дает пищу для творчества, чем больше ты перемещаешься,

тем полнее развиваешься, размышляешь, много мыслей приходит в голову. Получаешь невероятный эстетический, энергетический, эмоциональный заряд. Да и вообще, человеку необходима смена обстановки.

— У вас есть любимые места?

— Великое множество. Италия, Германия, Греция... Германия — страна из моего детства. Я очень любил читать сказки братьев Гримм, нравилась их холодная готичность, меня завораживали удивительные сказочные существа. Как мне кажется, русские народные сказки с немецкими перекликаются. В армии я служил в Германии, и эта страна мне еще тогда понравилась. Часто бываю у друзей в Берлине, очень интересный арт-город, театральный.

Италия покорила сразу, такая теплая, дружелюбная, Рим — один из моих любимых городов. Кстати, обычно туристы вздыхают уже при одном названии: «Ах, Венеция, ах, Флоренция!» — но маленькие итальянские городки меня тоже очень впечатляют!

Обожаю Грецию, у моей жены греческие корни, и мы часто там бываем. Островная Греция потрясает, ты находишь там неизвестные уголки, девственная природа, чистейшее Эгейское море, можно купаться в нем до бесконечности.

Мой второй родной город — Санкт-Петербург, я тут иногда живу, когда работаю. Люблю его стиль, его дыхание, атмосферу. Даже су-

ровый климат этого города мне симпатичен.

— Владимир, а популярность вам не мешает в жизни?

— Не мешает, конечно. А почему она должна мешать? Правда, бывает, иногда не могу в спортзале нормально заниматься, не комфортно, когда тебя с ног до головы разглядывают. А так я и не чувствую, что я такой уж какой-то популярный, как говорят, артист.

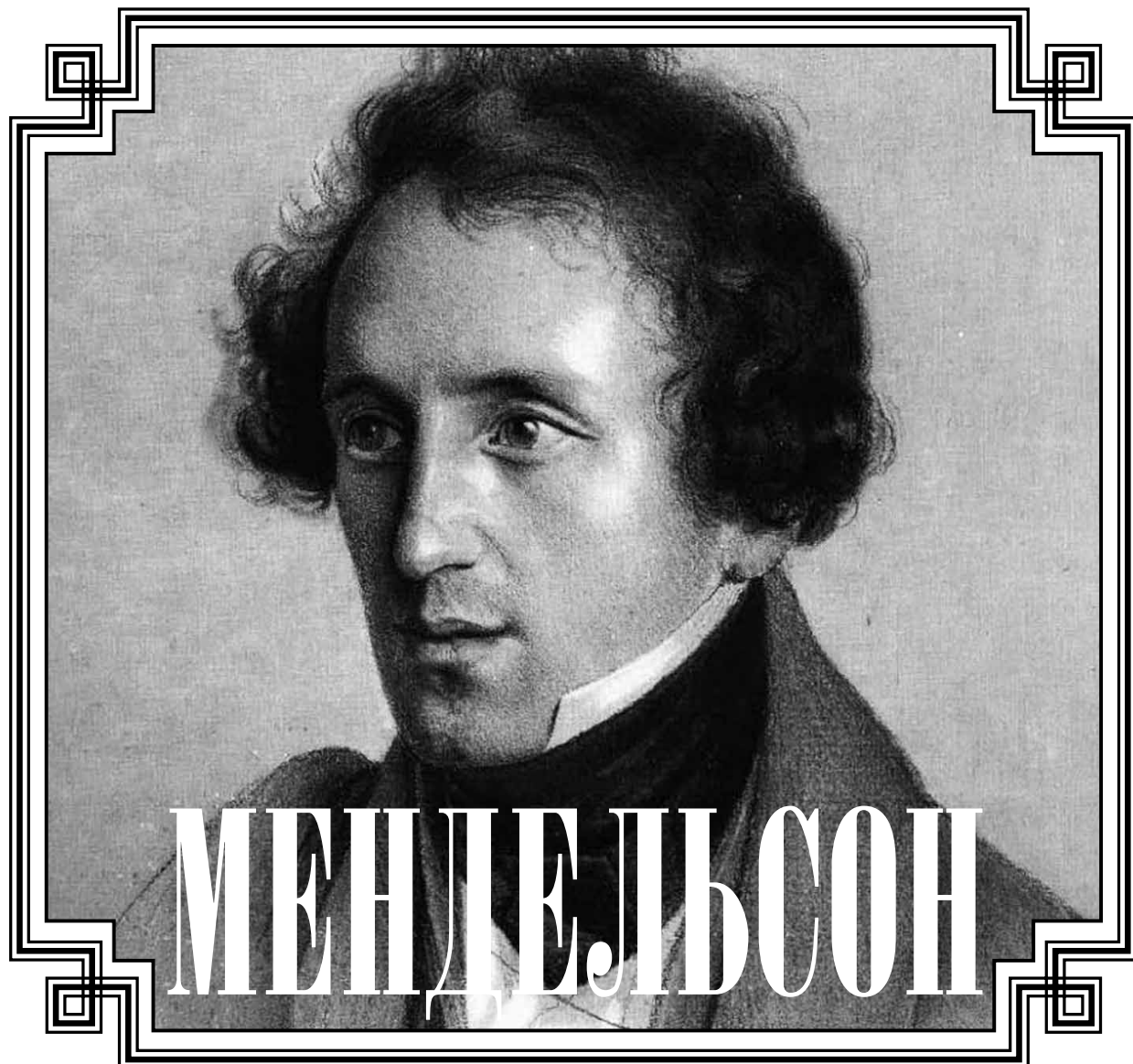
— А что в жизни вы категорически не приемлете?

— Не терплю хамство, сытость, вседозволенность, «быдлярство». Не понятно, когда в буддистском храме висит табличка, запрещающая фотографировать, а человек снимается рядом со статуей. Почему?! Мне не очень понятно, если почтительно к тебе относятся только в том случае, когда узнают, кто ты такой. Не очень понятно, когда тебе могут нагрубить по телефону сотрудники, скажем, социальных служб, или, знаете, ненавижу, когда в магазине за тобой начинает маячить хвостиком охранник, наблюдая, украдешь ты что-нибудь или нет. Вообще, обилие безнаказанного негатива вокруг людей впечатляет. А ведь нам дана уникальная возможность любить. Это — удивительная сила. Сокрушительная. Как говорил Жан Кокто в «Орфее»: «Все миры ДВИЖИМЫ любовью». □

Беседовала **Елена Воробьева**

Алла Зубкова

Нежный гений

Его успех у современников был поистине безграничен: ни один из композиторов XIX столетия не получал столько любви и почитания, как он. Шуман называл его «Моцартом девятнадцатого века». Его талантом восхищались Лист и Шопен. Английская королева Виктория считала его музыку несравненной. И хотя в наши дни отношение к творчеству Мендельсона уже не столь безудержно восторженное, с немислимой популярностью его «Свадебного марша» по-прежнему не может сравниться ни один «хит» прошлого или настоящего

Феликс Мендельсон появился на свет 3 февраля 1809 года в Гамбурге. Дед его был известным еврейским философом и просветителем, работы которого переводились на многие языки и даже принесли ему прозвище «немецкого Сократа». Отец был основателем крупного и процветающего банкирского дома. Человек либеральных взглядов, он решил приобрести для своих детей то, что великий Гейне именовал «входным билетом в европейскую культуру» — свидетельство о крещении. В 1816 году семилетний Феликс, все его сестры и младший брат были крещены в одной из церквей Берлина по реформатскому обряду. Позднее и старший Мендельсон также перешел в новое вероисповедание. К своей фамилии он прибавил вторую — Бартольди. С тех пор он и его дети официально именовались Мендельсонами-Бартольди.

Мать будущего композитора была разносторонне образованна и очень музыкальна, она также неплохо рисовала, владела французским, английским, итальянским и даже древнегреческим языками, читая в подлиннике Гомера.

Мальчик рос в атмосфере любви и заботы. С первых дней жизни ему улыбалось счастье, словно оправдывая его имя, ведь Феликс означает — «счастливый». Родители с самого начала заботились о том, чтобы дать детям хорошее образование. Первой их учительницей стала мать, но затем были приглашены

лучшие педагоги. Феликс учился с удовольствием, а мать внимательно следила за тем, чтобы мальчик ни минуты не оставался праздным. Возможно, она даже перестаралась. До конца своих дней композитор так и не научился отдыхать и расслабляться, а это приводило к серьезным нервным перегрузкам, сказывавшимся на его здоровье.

Мальчик рано стал проявлять необычайные способности к музыке. Первым его учителем на фортепиано была опять-таки мать, но затем ее место занял блестящий пианист и педагог Людвиг Бергер. Феликс учился шутя, с удивительной легкостью преодолевая все препятствия, которые ставила ему еще слишком маленькая рука, он играл с партитуры с уверенностью опытного исполнителя. Одновременно он начал заниматься теорией музыки и контрапунктом с профессором Цельтером. Когда Феликсу исполнилось одиннадцать, Цельтер представил его своему великому другу Гете. Виртуозная одухотворенная игра юного вундеркинда доставляла поэту истинное наслаждение. Каждый вечер, пока мальчик гостил в его веймарском доме, он усаживал его за инструмент со словами: «Сегодня я тебя совсем не слушал, малыш, пошуми-ка немного».

Уже в четырнадцать лет Мендельсон — автор тринадцати маленьких симфоний, нескольких кантат, фортепианных концертов и множества пьес для органа. Чуть позже он сочинил ряд маленьких комических

опер. В этом плане сравниться с ним мог бы разве что юный Моцарт.

Однако ранний успех не избаловал Феликса. Этим он был обязан разумному воспитанию и строгости отца. Старший Мендельсон немало заботился и о том, чтобы сделать сына всесторонне развитой личностью. Феликс с усердием изучал древние и новые языки, брал уроки рисования. Среди занятий науками и музыкой не забывался и спорт. Подросток учился ездить верхом, фехтовать, плавать. Ну а для духовного совершенствования немало давало

водили отца на мысль о том, что, возможно, его сыну стоит избрать карьеру профессионального музыканта. Однако у него все-таки оставались некоторые сомнения на этот счет, и весной 1825 года он решил отвезти сына в Париж, с тем чтобы там, в столице музыкального мира того времени, принять окончательное решение. Тем более что в Париже у него были знакомые среди самых выдающихся музыкантов.

Феликса согласился прослушать один из известнейших композиторов, директор парижской консер-

---

Мальчик рос в атмосфере любви и заботы. С первых дней жизни ему улыбалось счастье, словно оправдывая его имя, ведь Феликс — означает «счастливый». Он рано стал проявлять необычайные способности к музыке, с удивительной легкостью преодолевал все препятствия, которые ставила ему еще маленькая рука, и играл с партитуры с уверенностью опытного исполнителя

будущему композитору общение с собиравшимися в их доме корифеями мира искусства и литературы, среди которых были Гуно, Вебер, Паганини, Гейне, Гегель.

Следующие два года Феликс неустанно и упорно трудился. Он написал два концерта для двух фортепиано и оркестра, фортепианный квартет и сонату для скрипки и фортепиано. Восторженные отзывы о таланте Феликса все чаще на-

ватории маэстро Керубини. Помимо незаурядного таланта, Керубини отличался невообразимым своеобразием и упрямством. Так, он отказался принять в консерваторию еще совсем юного Листа на том основании, что тот не был французским подданным. Мольбы Листа, стоявшего перед ним на коленях и целовавшего ему руки, не тронули сердца старого упрямяца. Однако к Феликсу он отнесся весьма благосклонно:

«Мальчик поразительно талантлив. Он, несомненно, добьется успеха, он и сейчас уже многого добился».

Вердикт прославленного маэстро снял последние сомнения у старшего Мендельсона. Будущее Феликса было определено. И хотя он не бросил занятий в университете, куда не так давно поступил, почти все свое время отдавал музыкальным занятиям. Именно в это время появилась удивительная по красоте и изяществу увертюра «Сон в летнюю ночь», навеянная произведением Шекспира.

ка богача опера, в общем-то, не так уж и плоха», — писал один. «Такое слабое, плохо продуманное произведение вообще не стоило выносить на суд публики», — утверждал другой. Разумеется, Феликс страдал, он вообще крайне болезненно относился к критике, но время брало свое, и новые творческие планы заставляли забыть горечь поражений.

Отец полагал, что сыну необходимо длительное путешествие по Европе. Только так, по его мнению, молодой музыкант мог отточить свое

Столица «Туманного Альбиона» встретила Мендельсона с распростертыми объятиями. Ведь в Лондон приехал не только музыкант с европейским именем, но и сын одного из наиболее состоятельных берлинских банкиров.

К тому же Феликс был необычайно хорош собой, и его приглашали в самые аристократические салоны, на самые изысканные балы

Однако от творческих неудач не застрахован даже гений. Комическая опера «Свадьба Камачо» по одному из эпизодов романа Сервантеса «Дон Кихот», написанная осенью 1826 года и поставленная в Берлинском оперном театре, успеха не имела. Эта первая (и последняя) опера Мендельсона и в самом деле была весьма слабой. Критики, многих из которых раздражал незаслуженно раздутый, по их мнению, успех Феликса, злорадствовали. «Для сын-

мастерство, стать зрелым артистом и человеком. В апреле 1829 года Феликс отправился в Англию (к этому времени он уже окончил университетский курс, с успехом сдав выпускные экзамены). Столица «Туманного Альбиона» встретила Мендельсона с распростертыми объятиями. Ведь в Лондон приехал не только музыкант с европейским именем, но и сын одного из наиболее состоятельных берлинских банкиров. К тому же Феликс был не-

обычайно хорош собой. Великий романист У. Теккерей писал: «Более красивого лица мне не приходилось видеть. Я думаю, что именно так выглядел наш Спаситель».

Феликса приглашали в самые аристократические салоны, на самые изысканные балы. Юношеская веселость и мимолетное увлечение «парой очень глубоких выразительных карих глаз» не мешали напряженным и блистательным выступлениям. Мендельсон дирижировал не

только своими сочинениями, но и произведениями Моцарта, Вебера, Бетховена. Он изумил английскую публику тем, что дирижировал палочкой с особого пульта, между тем, как в Лондоне до него было принято вести оркестр или с места первой скрипки, или сидя за фортепиано.

В Лондоне Феликс познакомился с выступавшей там известной певицей Марией Малибран. Ее удивительным голосом и красотой восхищались Лист, Россини, Доницетти.

Феликс тоже не избежал увлечения «прекрасной Марией». Известие об этом не на шутку взволновало и обеспокоило его отца, который считал, что роман с певицей опасен для молодого, еще неопытного человека. Впрочем, ухаживания Феликса серьезных последствий не имели. Завлекло его, но три года спустя Мендельсон-старший имел возможность лично познакомиться с певицей, и она произвела на него еще более сильное впечатление, чем на сына.

Окончание концертного сезона дало Феликсу возможность предпринять путешествие по стране. Его влекла горная Шотландия, ее вольнолюбивый народ, воспетый в романах Вальтера Скотта, которыми он увлекался с детства. Полуразрушенный замок в Эдинбурге в воображении Феликса был связан, прежде всего, с образом легендарной Марии Стюарт. Картины прошлого оживали перед его глазами, будили творческую фантазию. Так родились первые такты той музыки, которая много позже, после длительного напряженного труда, станет Шотландской симфонией. С пребыванием в Шотландии связано еще одно произведение Мендельсона — его программная симфоническая увертюра «Фингалова пещера» («Гибриды»). В ней отразились впечатления композитора от поездки по Гибридным островам. Там, на острове Стафф, привлекавшем путешественников своими знаменитыми базальтовыми пещерами, особенной известностью

пользовалась так называемая Фингалова пещера, где, по древним преданиям, жил герой кельтского эпоса Фингал и его сын-бард Оссиан.

На родину Мендельсон вернулся в декабре 1829 года, но уже в начале мая 1830-го снова покинул Берлин. На этот раз путь его лежал в Италию и Францию. Путешествовал он без спешки. Две недели гостил в Веймаре у Гете, который принял его с необычайной сердечностью. Затем остановился в Мюнхене, где влюбился в молоденькую девушку по имени Дельфина Шаурот, очень талантливую пианистку. Она вдохновила его на создание знаменитого Первого фортепианного концерта соль минор. Впрочем, главные события в их взаимоотношениях произошли позднее, через год, когда он вновь посетил Мюнхен уже на обратном пути.

Обилие впечатлений от Италии не мешало Феликсу напряженно работать. Он завершил свою симфонию «Гибриды» («Фингалова пещера»), продолжал шлифовать Шотландскую симфонию и приступил к созданию Итальянской симфонии. Параллельно работал над музыкальным воплощением сцен Вальпургиевой ночи из гетевского «Фауста».

По дороге во Францию Феликс вновь остановился в Мюнхене и там возобновил знакомство с Дельфиной фон Шаурот. Дельфина принадлежала к старинному аристократическому роду, и сам король Баварии Людвиг I в приватной беседе с Фе-

ликсом выразил недоумение, почему тот не торопится назвать фрейлейн фон Шаурот своей женой, тем более что и родители девушки не были против их брака. Феликсу удалось тактично уйти от ответа, и король понял, что говорить на эту тему не имеет смысла. Дельфина очень нравилась композитору, но, возможно, он не был уверен в том, что она именно та девушка, которая ему нужна, а, может быть, опасался, что ранний брак помешает его музыкальной карьере. К тому же впереди его ждало свидание с Парижем.

Двадцатидвухлетний музыкант с головой окунается в парижский водоворот. В опере сверкали «звезды» — Малибран, Лаблаш, Рубини. В драматическом театре «Комеди франсез» публику пленяла знаменитая мадемуазель де Марс, голос которой доводил Феликса до слез. Беспредельное восхищение вызывало у него искусство великой танцовщицы Тальони. Влюбчивый Феликс не на шутку увлекся хорошенькой актрисой Леонтиной Фай. Увлечение было настолько сильным, что узнавший об этом старший Мендельсон попросил друзей предупредить сына: если он собирается сделать ответственный шаг в жизни, пусть сначала хорошенько подумает и проверит себя.

Перед возвращением домой Феликс решил еще раз побывать в Лондоне, куда его приглашала лондонская филармония для исполнения новых произведений. Энтузиазм ан-

гличан по отношению к молодому композитору был так велик, что, стоило ему появиться в концертном зале, как немедленно раздавались восторженные возгласы: «Да здравствует Мендельсон!» — и все начинали аплодировать.

В июле 1832 года после двухгодичного отсутствия композитор вернулся домой. Теперь его имя было хорошо известно в музыкальных кругах Германии и Англии, и близкие, да и он сам полагали, что ему пора занять должность, дававшую определенное общественное положение. Он выставил свою кандидатуру на вакантную должность директора Берлинской Певческой академии. Увы, на выборах большинство голосов получил не Мендельсон, а посредственный композитор Рунгенхаген. Главную роль здесь сыграло происхождение Феликса. Да, старший Мендельсон принял христианство и воспитал своих детей в протестантской вере, однако в глазах прусской придворной и культурной элиты Феликс оставался лишь честолюбивым «еврейским мальчишкой». Мендельсон, кстати, и позднее нередко подвергался нападкам немецких антисемитов. Особенно яростные выпады позволял себе Рихард Вагнер, для которого имя Мендельсона всегда оставалось ненавистным.

Защищая Мендельсона от подобного рода нападков, Петр Ильич Чайковский писал в одной из своих статей: «И на этого-то изящного, всегда симпатичного для публики компо-

зителя направляет свои ядовитые стрелы Вагнер... с особенным упорством попрекая его — чем бы вы думали! — принадлежностью к еврейскому племени».

Феликс остро переживал свою неудачу. Уехать из Берлина — вот было его единственное желание. Случай помог его осуществить. В городе Дюссельдорфе, где готовились

нейших городов Германии, руководить знаменитой концертной организацией — Гевандхаузом. В Лейпциге Мендельсон добился многого из того, о чем прежде только мечтал. Его дирижерское искусство достигло вершины, и его усилиями Лейпциг превратился в музыкальную столицу Германии. Солнце успеха и славы сияло над ним в эти годы.

В марте 1837 года во Франкфурте состоялась свадьба Мендельсона с дочерью французского пастора Сесиль Жанрено. Сесиль не отличалась особой музыкальностью, но была очень милой, достаточно образованной, а главное, спокойной и уравновешенной женщиной. Для нервного, легко возбудимого Феликса она стала идеальной спутницей жизни

к проведению традиционного Нижне-Рейнского музыкального фестиваля, ему предложили руководство концертами. Они прошли столь успешно, что его попросили возглавить всю музыкальную жизнь города. Два года провел он в этом городе. Много работал, его оратория «Павел» и увертюра «Сказка о прекрасной Мелузине» были с восторгом встречены слушателями. В Дюссельдорфе его любили, но со временем Феликс начал несколько тяготиться узостью и провинциальностью тамошней жизни.

К счастью, в июле 1835 года его пригласили в Лейпциг, один из круп-

В личной жизни также произошли знаменательные изменения. В марте 1837 года во Франкфурте состоялась свадьба Мендельсона с дочерью французского пастора реформатской церкви Сесиль Жанрено. Выход молодоженов из церкви не сопровождался звуками знаменитого «Свадебного марша» — он еще не был написан. Однако друг Феликса, композитор Хиллер, сочинил торжественную музыку специально для этого случая.

Сесиль не отличалась особой музыкальностью, но была очень милой, достаточно образованной, а главное спокойной и уравновешенной жен-

щиной. Для нервного, легко возбудимого Феликса она стала идеальной спутницей жизни. В январе 1838 года у них родился первенец, которого назвали Карл Вольфганг Павел. Всего же у них было пятеро детей. Феликс обожал их и Сесиль.

В апреле 1843 года благодаря энергии и усилиям Мендельсона в Лейпциге была создана первая в Германии консерватория, а сам он становится ее руководителем и приглашает для преподавания в ней лучших музыкантов страны. Мендельсон пользовался непререкаемым авторитетом у учащихся. Тем не менее, особенности характера накладывали отпечаток и на его педагогическую деятельность. Со своими студентами он был добр и великодушен, но порой раздражался из-за пустяков. Его могла вывести из равновесия даже небрежная или неаккуратная прическа какой-нибудь студентки.

Вступивший на престол Пруссии в 1840 году Фридрих Вильгельм IV очень хотел, чтобы композитор переехал из Лейпцига (Саксония) к нему в Берлин, обещая ему покровительство и поддержку. Однако, по большому счету, из этого сотрудничества мало что получилось. Тем не менее, по заказу короля Феликс написал музыку к трагедии Софокла «Антигона» и к пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь». Для последней он сочинил тринадцать музыкальных номеров, а «Свадебный марш», звучавший в пятом акте, со временем приобрел поистине фантастическую популяр-

*Сесиль
Жанрено*

ность. Уже на премьере «Марша» публика повскакала с мест и устроила композитору овацию.

В эти годы Мендельсон совершил ряд новых успешных гастрольных поездок в Англию. Несколько раз его приглашали в Букингемский дворец, где он музицировал с королевской четой и буквально очаровал королеву Викторию и принца Альберта. Кстати, традиция исполнять во время брачных торжеств «Свадебный марш» пришла к нам с легкой руки королевы Виктории. Ведь впервые он был исполнен в 1858 году во время бракосочетания ее дочери.

Пожалуй, даже большей популярностью, чем оратории «Павел» и «Илия» пользовались мендельсоновские «Песни без слов». Композитор писал их на протяжении 17 лет, начиная с 1830 года. Всего им создано 48 «Песен». Единственный музыкальный жанр, который оказался неподвластным композитору, была опера. Мечта об ее создании прошла через всю его жизнь, но так и осталась несуществующей. Тем не менее, в 1845–46 годы он начал работу над

оперой «Лорелея». В немалой степени решение это было принято под влиянием знакомства с выдающейся шведской певицей Дженни Линд, восхищавшейся творчеством композитора и мечтавшей петь в его будущей опере. Некоторые утверждали, что Линд, которую называли «шведским соловьем», была влюблена в Мендельсона. Именно так считал знаменитый сказочник Ганс Христиан Андерсен, сам безнадежно и страстно влюбленный в певицу.

Что же касается Феликса, то можно почти с полной уверенностью утверждать, что его чувства к Дженни носили чисто платонический характер, хотя Сесиль порой с беспокойством следила за дружбой мужа с певицей.

Последние годы Мендельсон работал буквально на износ, торопясь сделать как можно больше, словно предчувствуя свой ранний уход. Часто он выглядел изнуренным, его мучили сильные головные боли. Подавлен-

ные композитора. Его не покидало ощущение, что вместе с Фанни он похоронил лучшую часть своего «я».

В октябре 1847 года в Лейпциге композитор пережил два нервных удара, так в то время именовали кровоизлияния в мозг. 4 ноября его постиг третий удар, оказавшийся роковым.

7 ноября Мендельсона отпевали при огромном стечении народа. Известные музыканты, среди них и Шуман, несли его гроб. В ту же ночь

Последние годы Мендельсон работал буквально на износ, торопясь сделать как можно больше, словно предчувствуя свой ранний уход. Он пережил два сильнейших нервных удара, как в то время называли кровоизлияние в мозг, а третий удар стал роковым, и 4 ноября 1847 года композитор скончался. Похоронили его в Берлине, в фамильном склепе

ность духа чередовалась со вспышками лихорадочной активности, которые поглощали его последние силы.

В мае 1847 года композитора постиг тяжелый удар: скоропостижно скончалась сестра Фанни, его самый преданный и верный друг. С детства их связывали необыкновенно теплые и доверительные отношения. Фанни была необычайно талантливым музыкантом, и ее строгие суждения Феликс ценил больше, чем море восторженных аплодисментов. Смерть сестры окончательно подорвала здо-

тело отправили в специальном поезде в Берлин, где оно было похоронено в фамильном склепе.

Когда Феликс в последний раз при жизни сестры был в Берлине, Фанни упрекнула его в том, что он очень давно не приезжал ко дню ее рождения. Поднимаясь на ступеньку поезда и подавая сестре руку, Феликс сказал: «Честное слово, в следующий раз я буду с тобой».

И он выполнил обещание. 14 ноября, в день рождения Фанни, брат и сестра были рядом. □

ЧЕМПИОНКА

Плохая у нее память, ничего не дает забыть.

Например, то утро, когда она очень рано проснулась. Сон отлетел легким пухом, и в молоке рассвета проявился угол подушки и овал его лица. Кадр из триллера, подумала она. Крупный нос, нервно вздрагивающая щека, жутковатая щелка глаза, неплотно захлопнутого веком. На стуле его стянутые впопыхах каляные джинсы, требуха скомканной рубашки, свитер. Она посмотрела на все это с любопытством, сквозь которое едва заметно проступило женское тщеславие. Сам Кнышев? В ее койке? Обалдеть!

Милый! Как сладко он спал!

День накануне ничего особого не предвещал, обычные сборы перед чемпионатом, все привычно, обыденно до чертиков.

Помост, кроссовки, рапира, ненавистная защитная сетка-намордник на вспотевшей физиономии. И его крики, резко-звонкие как стык клинков. «Валя, атака! Выпад, твою мать!.. Пружинистей на ногах! Контрзащита, Валя, и сразу — контрответ!.. Укол, Валентина, укол-то будет?!» Господи, думала она, когда он охрипнет, этот великий тренер? Полтора часа он гонял ее как шарик по фехтовальной дорожке, и она конкретно его ненавидела. Худощав, невысок, любоваться, в общем-то, нечем. Но голос! Хриплый, низкий, мужицкий, он входил в нее вольно и запросто, словно воздух, и производил в ней странную дрожь. Спустя три месяца тяжелых тренировок она поймала себя на том, что стала не только лучше работать оружием, но привыкла к этим жутким звукам и подчинялась им с охотой. Голоси, Глотка, говорила себе, ори, рви свое луженое горло, мне это даже нравится.

Она осторожно выползла из постели. Поправила на нем одеяло, скользнула в ванную, чиркнула выключателем. Увидела в зеркале заспанное хорошенькое лицо с неопределенным с утра цветом глаз. «Я? — спросило лицо. — Неужели я? Я счастливая? Я изменилась?» Мысли возникали, перебивали, мешали друг другу до тех пор, пока не слились в одну общую: что дальше?

Тренер и спортсменка — банально и противно. Противно? Она бы так не сказала. Именно, не сказала бы, и все. Будь он хоть трижды великий тренер, он, прежде всего, мужчина. Что она о нем знала? Что Сергей Кнышев, бывший крутой чемпион, натаскивает к Олимпиаде рапиристок и лично ее, Валентину Распопову. Что, помимо нее, тренирует свою сестру Зойку, близкую Валину подружку. Что еще? Что одинок, как перст, что девчонки в сборной с интересом постреливают в него глазками, что еще вчера он был ей до лампочки. Ну, почти до лампочки, если честно.

Что еще она помнит?

Многое слышала о нем от Зойки. Просто так, не вникая, безо всякого женского интереса. Зойка, открытая всем ветрам, наивная дуреха, много чего рассказывала. Она любила рассказывать, а Валентина слушать — на том и сдружились. Бархатным вечером после тренировки сядут, бывало, под кофеек с терамису, и Зоя начинает. Про Брянск размахнется, про мать, отца, трех братьев и столько же сестер, про отчий дом, на котором в том году крышу сменили с шифера на катепал, про луг, лес, обмелевшую речку Сыть, землянику, грузди, огород, даже бородатую козу Лизку упомянет. Но больше про Сергея: какой он супер, и, понятно, что не только как тренер, но, главное, как человек. Зойкины рассказы скользили по касательной, не цепляя Валентину, врезался только один: про то, как он ухаживал за женой, когда у нее обнаружили рак. Полтора года таскал ее по врачам и больницам, сам готовил, сам с ложечки кормил, обмывал, дежурил подле нее ночами. Тогда же забросил рапиру как занятие ничтожное в сравнении со смертью — так, с его слов, передала Зойка. Фантазия долго преследовала Валентину: как увидит утром в зале Кнышева, так в то же мгновение воображает на его плечах беспомощную жену с плетью бессильных бледных рук, болтающихся как тряпки.

Знала, что, потеряв жену, он всю заботу свою и любовь, которой осталось в избытке, перенес на сестру. Дылда Зойка годами держалась во втором эшелоне, за спинами лидеров. Могла бы достичь большего, но была ленива и обожала сладкое. Ради нее он стал тренером; прессовал сестру, как мог, выжимал максимум из того, что дала ей природа, и к двадцати девяти она приблизилась к лучшим. Он бил Зойку по рукам за пирожные и конфеты, она теперь редко ими баловалась, украдкой, даже плакала от отсутствия удовольствия от процесса и всеми тяжкими поносила бра-

тика. «Фанат очумелый, — гвоздила она его. — Хозяин, блин! Каска у него ваще слетела. Если б не Олимпиада — послала б подальше. Но вдруг я в сборную отберусь? Я, Валь, ради Олимпиады, не знаю, на что бы пошла! Фанат обещает. Он же знаешь какой? Сам расшибется, меня — в лепешку, а результат выдаст». Валентина знала о Зойкиной мечте войти хотя бы в десятку сильнейших по стране и одобряла ее стремление. «Слушайся брата, Зоя. Васька Кожина не выдержала его мата, свалила из нашей группы к интеллигентному Грачевскому, и чего? Прилично просела, Мухиной даже проиграла, юниорке сопливой». Зойке стукнуло двадцать девять, чемпионат России был для нее последним олимпийским шансом. То, что в Лондон поедет она, Валентина Распопова, подразумевалось само собой — двадцать три, большая чемпионка, гордость и слава, куда ж без нее?

Захрапел. Значит, скоро проснется. Намаялся бедный, наломался, мучитель, дергается во сне. Ногу выпростал из-под простыни, красивая узкая стопа, длинные пальцы, не нога — античный слепок, который она видела в музее. Разбудить его, что ли? Не надо? В кайф видеть его рядом в постели? Можешь ответить честно хотя бы себе? Нечего отвечать, и так все ясно. Интересно, понравится ли он маме? Очень даже может быть. Маме обязательно понравится тот, кто нравится ее дочери.

Первой он прогнал вчера в гостиницу Зойку. Никому она не мешала, в зале сидела мышкой, на третьем-четвертом ряду, наблюдала за тренировкой, дожидалась Валентину. Значит, мешала, ему мешала. Может, уже тогда задумал то, что совершил? Зойка возмущенно — нарочито заскрипела креслом, поднялась и застыла величественной каланчой. Ожидала содействия Валентины — та промолчала. Испепелив брата взглядом, каланча поплыла к выходу.

Прогнал Зойку — остались вдвоем. Софиты в потолке, сонное кружение пылинок в столбах света, меланхолично планирующих на дорожку. Кнышев, Валентина, тишина и покой. И обычные между ними слова, самые обычные взгляды, в которых сейчас она вправе отыскивать скрытый смысл. Тишина, впрочем, быстро кончилась. После боя с «тенью» и ора, когда она взмокла до мыла, он дал ей пять минут на передышку, после чего, нацепив намордник, сам вышел против нее на бой.

Большой тренер против большой чемпионки.

Фехтовал жестко, без скидок, продолжая на нее орать. Тридцать шесть ему, но ловок, быстр, хитер как дьявол, неуловим, словно ртуть, к тому же — левша. Она, со всей своей молниеносной молодостью, никак за ним не поспевала, его уколы жалили словно осы, ранили самолюбие и тело. «Каждый мой укол — твоя смерть! — кричал он. — Не хочешь подохнуть — бейся насмерть, твою мать! Только так!» Потный, с перекошенным лицом, он наступал на нее с такой яростью, что порой ей казалось,

будто он всерьез собирается ее уничтожить, и она действительно сражается за право не умирать.

Бой оборвался, когда у нее свело руку. Он возмущался, совестил, что не девочка, что боль надо преодолеть и тренировку продолжить, потому что вдруг такая же напасть случится на Олимпиаде? Но судорога стегнула такая, что локоть скрутило жгутом, и рука мгновенно задубела. Она взвыла, рапира выпала из пальцев и со звоном скатилась с помоста. Вот тут-то он забежал! Подскочил сам, свистнул врача, массажиста, подхватил ее под руки, усадил на скамейку. «Валя, Валюша, что с тобой? «Капли пота на серой роже, — подумала она, — я выгляжу, наверное, люксово». Боль была реальной, но щепоткой притворства она еще больше подсолила сцену. «Ничего, Сергей Иванович, может, пройдет». Ей было приятно наблюдать за его стараниями, но ведь они были всего лишь отеческими! Отечественными, тренерскими, не более того, остужала она себя. Успокойся, Распопова, войди в разум, что с тобой, Распопова? Ничего, абсолютно ничего. Она сама себя плохо понимала. Что-то бродило в ней, заваривалось, поднималось, но каждый раз смирялось и придавливалось крышкой здравого смысла. «Подумай, кто он, и кто ты. Подумай и успокойся». В скоплении людей, прошитом скрепами разнообразных связей, браков и измен, она пока место свое не нашла. Мужчины встречались, но прислоняться к кому-нибудь всерьез ей до сих пор не хотелось. А что теперь? Пришло? То, о чем мечталось и вздыхалось в юности? Вот оно, ее большое чувство, лежит, сопит и не подозревает, что является таковым. Ну, не смешно ли?

После массажа, после долгого горячего душа рука окончательно ожила. С сумкой на плече она спустилась в холл, буфет еще копошился, эклеры и терамису сияли в витрине, но Зойки уже не было, а кофе без Зойки был не в радость. Кивнула буфетчице, мягкими уставшими ногами приятно повлеклась к выходу, когда у нее запиликал мобильник. «Распопова, — услышала хриплый голос, — поедешь со мной ужинать». Вот это да. Запрыгали, заметались в ней мысли, взаимно пресекая, уничтожая друг друга. Могла бы отговориться, сослаться на усталость, на тысячу других причин и была бы права, но согласилась. Просто и сразу. Согласилась быстрее, чем сообразила, что согласилась. «Забито, — сказал он. — Жду на стоянке такси». «Почему я согласилась?» — придя в себя, удивилась она и не решилась на правильный ответ, спрятала его глубоко. Подумала о другом: «Я без макияжа, в старом спортивном костюме — как я поеду?»

В ресторане «Сицилия» со вкусом играли живой джаз. Саксофон, контрабас и певица, девушка — контральто, чуть за сорок, с редкой челкой на лбу, издавали звуки, шевелившие настроение.

Он подливал ей легкое сухое, пил сам, позволял ей, и она с удовольствием, крохотными глотками принимала в себя чуть кусающую язык влагу. Он говорил ей какие-то слова и прикладывался к ручке, сыпал анекдотами — остроумными, не пошлыми, вызывавшими у нее искренний, прозрачный смех, на удивление изящно танцевал — все было в нем такое неожиданное, такое новое, что она совершенно его не узнавала. Не Кнышев и не тренер был перед нею сейчас за столом, не хам и грубиян владел ею на танцполе и отпускал комплименты, а элегантный, галантный, изысканный кавалер. На миг пробежало по ней разочарование — ведь он понравился ей другой: brutальный, жесткий, непримиримый мачо, — но оно испарилось так же быстро, как налетело. Новоявленный Кнышев привлекал не меньше прежнего. В танго он вжимал ее в себя крепкой тренированной рукой — аванс на будущее, полное, хозяйское ею владение, и такое его намерение, неожиданно для нее самой, вполне устраивало Валентину. Он много говорил — она плохо слушала слова, но ощущала музыку счастья, преддверие любви одаривало ее блаженством. Она чувствовала, что необыкновенно хороша сейчас, что ищущие взоры мужчин, сидящих в «Сицилии», все, как один, прилеплены к ней. Что не в старенький «Аидас» облачена ее гордая и возвышенная красота, а в ажурное светло-розовое платье, перехваченное в узкой талии, подчеркивающее высокую грудь и приманчивые плечи. Ей мимолетно представлялось, как она, словно принцесса, идет по юной зеленой траве к далекой снежной вершине, у подножья которой ее встречает обновленный Кнышев, он протягивает ей надежную руку и говорит речи, от которых кружится голова.

Ворожба, волшебство и чудо. Желанный путь к иллюзии, проделанный миллионами женщин.

Тогда, в тягучем танце он впервые сказал слова о Зойке. Его негромкая просьба прозвучала как бы вскользь и сразу показалась ей странной, но его глаза, близкая улыбка и пожатие горячей руки не дали ей возможности удивиться. «Ради Зойки, — сказал он. — Ты великая, благородная, великодушная. Если понадобится, ты сделаешь это ради Зойки?» Сказал, еще больше приблизил, прижал ее к себе, как самое сокровенное сокровище, и она расслабленно кивнула.

А потом была ночь. Боже, что он с ней творил! Что она с ним творила! Ей снова хотелось пить вино, петь, танцевать, глазеть на звезды — счастье выхлестывалось горлом, оно, это забывчивое счастье, было в тысячу, миллион раз важнее того, о чем он попросил ее в медленном танце.

Все она помнит.

Как Кнышев разлепил, наконец, глаза, огляделся и сказал, что у нее очень уютно. Что номер такой же, как у всех, а все-таки не такой же, потому что это ее номер. Оставайся, предложила она, чего уж там. Все рав-

но все про нас узнают. Или не узнают, улыбнулся он, выходя из душа, а если и узнают, мне «по фиолету». Он присел за столик, на котором уже кипела кофеварка, сунутая провожавшей ее мамой в самый последний момент, и сказал, что она молодец, что кофе у нее классный. А потом вдруг добавил: насчет Зойки у нас как, все в силе? Она посмотрела на его грубовато-красивое, свежее, напитанное душевой водой лицо и снова, как в том судьбоносном танце, кивнула. На тренировку не опаздывай, сказал он, поцеловал и тихо вышел.

«С Зойкой у нас как, все в силе?» — спросил официально-сухо, как спрашивают чиновники. Кнышев, любимый, зачем ты спрашиваешь? Я обещала — я сделаю. Зойка будет в порядке, мы все будем в порядке. Ты просил ничего ей не говорить — не скажу».

Все, все она помнит.

Была весна, была неделя, промчавшаяся смерчем в беспамятстве и заводе. Днем тренировки, к вечеру он и Зойка приходили к ней на кофе, а потом Зойка, подмигнув, поднималась к себе. Слава богу, ей хватало ума ни о чем не расспрашивать, но к чемпионату в команде обо всем уже знали. Девчонкам было о чем пошептаться. И на здоровье!

«Если понадобится», сказал он ей тогда, в «Сицилии».

Понадобилось. Угадал и напомнил об обещании. Жребий свел ее в одной восьмой финала с Зойкой. Третьей парой они должны были выйти на помост. Бой на двенадцать уколов. С любимой сестрой того, кто каждое утро нахваливал ее кофе. Любимой сестрой любимого, за которую он просил. Гадкая мысль влезла однажды Валентине в голову: он сыграл с ней в любовь только ради Зойки? Она гнала ее от себя, как недостойную ни его, ни ее, но мысль распускалась в ней снова и снова.

Тот, главный последний день она помнит в мельчайших подробностях.

Зрителей набилось изрядно, плюс тренеры, плюс шпажисты и саблисты, и, наконец, безупречные арбитры в белых сорочках и при бабочках. Привычный шум, дыхание понимающего зала, волнение, кипящее в груди. Допинг спорта, к которому Валентина привыкла с детства, без которого жизнь — неинтересный тусклый свет.

Ее и Зойку на помост провожал сам Кнышев. Зойке долго внушал, чтоб себя не жалела, чтоб выложилась на все сто. Зойка хихикала как дурочка, дрожала от нетерпения, и Валентина поняла, что она ничего не знает. Валентине же Кнышев ничего не сказал, кивнул и крепко, но нежно сжал ее руку повыше запястья. Ей хватило одного этого знака.

Фехтовальная дорожка — четырнадцать метров. Сойдясь на середине, подруги-соперницы приветствовали друг друга вскинутыми клинками, и Валентина заметила, как меняется Зойкино лицо, легкомысленно-дурашливое выражение слезало на глазах, уступая место решительной враждебности,

почти ненависти. «О'кей, подружка, — подумала она, — бейся насмерть, я сделаю все как надо, и никто ничего не заметит». Зацепив краем глаза сидевшего в первом ряду Кнышева, заметила, как нервно подпрыгивает его колено. «Не дергайся, Сереженька, Зойка будет в порядке. Мы все будем в порядке. Я ей проиграю. Все, как ты просил».

Прицеплен и проверен электрофиксатор. Закреплена сетчатая маска на лице. «К бою!» — скомандовал судья и взмахнул рукой.

Зойка первой рванулась в атаку. Бесшабашным скачком, который был сразу прочитан Валентиной. «Примитивно, подруга», — усмехнулась она про себя, автоматом взяла защиту и в ответ нанесла укол. Один — ноль.

Зойка не успокоилась, но действовать стала осмотрительней, гибче. Не снижая темпа, она сменила скачки на мелкие, частые, словно лисьи шажки, распознать которые было труднее. Любому — кроме Валентины. Потому и великая она чемпионка, что, помимо натасканного мастерства, в ней талант чутья и предвидения, которому не научишь, избранные награждены им от природы, прочие справедливо обделены. На каждый лисий крадущийся шаг, на каждый Зойкин финт и хитрость у Валентины нашелся бы ремиз, но не пускала она его в ход, не отвечала на атаку защитой, медлила, зевала с контрвыпадом, сушила движения, и счет резово переменялся. Один — один. Два — один. Три — один в пользу Зойки.

«Представляю, в каком она драйве, — подумала Валентина. — Лидировать в бою со мной — когда с ней такое было?»

При счете четыре — один в зале кто-то свистнул. «Кто это? Придурок или тот, кто сумел меня просчитать? Если второе — плохо, не умею поддаваться. Не овладела».

Для приличия — четыре — два. «Мама, он тебе понравится. Он ничего не будет делать. Только слушать тебя, вставляя точные слова и от улыбки щуриться на двадцать четыре морщины вокруг глаз — все. Ты увидишь, как они прекрасны и сколько в них доброты, и с тобой случится так же невольно, как со мной — ведь я твоя дочь».

Пять — два. Пять — три. «Нормальный ход. Никто ничего не заподозрит».

В перерыве, скинув маску, промокнула лицо, успела заметить Кнышева, поймать его едва заметный одобрителный кивок. Зойка встретилась с ней взглядом, но не видела Валентину. Ее глаза, ставшие плоскими, смотрели куда-то внутрь собственного существа, губы сводила безумная улыбка. «Озверела, подруга? Зачем?»

По сигналу судьи Зойка бросилась вперед и сумела нанести укол. Шесть — три, показал арбитр. «Как она ухитрилась? — поразилась Валентина. — Я грамотно держала защиту, поддавок — не было, все было всерьез!»

Зойка снова теснила ее к краю. Выпад-ответ, выпад-ответ, короткий Зойкин финт, и Валентина вздрогнула от прикосновения металла в чувстви-

тельную область живота. Семь — три! «Что за черт? Она что, сильнее меня? Кто чемпионка: я или она? Не могу я проигрывать так позорно! И кому?!»

Высветился в памяти первый тренер, сухонький Марк Абрамыч, обожавший примеры из политики. «Дорогуша, — говорил он, — на сегодняшний день ты неплохо овладела клинком. Но когда ты выходишь на дорожку, я должен чувствовать, что ты бьешься не за себя — за всю Россию, чувствуешь разницу?» «Хорошо, Марк Абрамыч. Спасибо вам, Марк Абрамыч».

Дорожка — четырнадцать метров. Валентина включила сверхскорости. Ноги выделявали танец, наполненный для посвященных совершенством и тайным смыслом. Семь — четыре, семь — пять.

Восемь — пять. Зойка отвечала ударом на удар.

«Ах, так?! Обнаглела?!» Пот застил глаза, туманил мозги. В Валентине вдруг произошел какой-то перелом, что-то будто щелкнуло внутри: вспыхнуло и погасло изображение зала, публики, Кнышева, даже арбитра, осталась видимой лишь Зойкина рука, дирижирующая рапирой, ее забранный в белое торс и сетка-намордник на лице, в которую запрещалось наносить укол, но которую можно было ненавидеть.

Восемь — шесть. Восемь — семь. «Марк Абрамыч, я бьюсь за Россию!»

При счете восемь-восемь послышались аплодисменты. «Кому? Ей? За то, что не сдается?»

Скоротечная развязка. Чемпионка не позволила более Зойке себя уколоть.

«Двенадцать — восемь. Победа Валентины Распоповой», — объявил арбитр.

Триумф. Скинута постылая маска! Сопернице привычно протянута рука.

Несчастные Зойкины глаза подействовали как нашатырь. Валя мгновенно пришла в себя и, поняв, что натворила, в приступе ненависти к самой себе, прошептала Зойке: «Я идиотка. Прости». Но ни слова не услышала в ответ.

Обернулась к залу; на месте Кнышева — пустое черное кресло.

Плохая у нее память. Ничего не дает забыть. □

Денис Логинов

*«...без Жуковского
мы не имели бы Пушкина».*

В.Г. Белинский

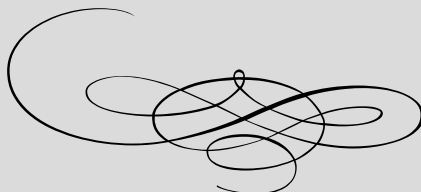

*Его стихов
пленительная
сладость...*

Первый русский поэт, стихи которого стали действительно народными — популярны они были ничуть не меньше появившихся позже стихов Пушкина, был наполовину... турком. Это общеизвестный факт, но, если «арапские корни» Александра Сергеевича приобрели со временем какое-то почти мистическое значение, то столь же экзотические и куда более близкие турецкие корни Жуковского как-то остались незамеченными.

Матерью мальчика была взятая в плен во время русско-турецкой войны турчанка Сальха. Существует как минимум две версии ее появления в доме тульского помещика Бунина. Согласно первой, Сальху

привез один из крепостных-участников войны. По другим источникам, ее взял в плен майор К. Муфель и отдал на воспитание Бунину. В России Сальха приняла православие и после крещения получила имя Елизавета Турчанинова. Сначала она была нянькой при младших Буниных, потом стала экономкой в доме. Сыну, рожденному от короткой связи с помещиком, грозила обычная участь подобных внебрачных детей. Однако ребенку сказочно повезло.

Перед рождением будущего поэта в 1783 году семью Бунина постигло горе: из одиннадцати детей в короткое время умерло шестеро. Убитая горем Мария Григорьевна Бунина решила взять в свою семью новорожденного и воспитать его как родного сына. Фамилию свою ребенок получил от жившего в имении бедного белорусского дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, который по просьбе Бунина стал крестным отцом ребенка, а затем усыновил его.

Ребенок был, как тогда повсеместно делалось, еще младенцем зачислен на службу в Астраханский гусарский полк прапорщиком, и это давало право на личное дворянство. В 1769 году шестилетний Жуковский был внесен в дворянскую родословную книгу Тульской губернии и получил грамоту на дворянское достоинство, что позволило ему впоследствии получить прекрасное образование.

В семье Буниных заботились о Василии как о собственном ребенке, и недостатка в ласковом и за-

ботливым отношении он не испытывал. Несмотря на это, мальчик тяжело переживал свое двойственное положение, и мечтал, как о чем-то несбыточном, о семейном счастье, о родных, которые принадлежали бы ему «по праву». При этом практически никаких отношений со своей матерью не поддерживал — Сальха доживала свой век в одном из дальних поместий, где и умерла, всеми забытая, в 1811 году.

А четырнадцатилетний Жуковский поступил в 1797 году в Московский университетский благородный пансион и учился в нем четыре года. Юноша с особым усердием изучал рисование, словесность, историю, французский и немецкий языки и скоро стал одним из первых учеников.

На втором году пребывания Жуковского в пансионе среди товарищей его, в числе которых были Дмитрий Дашков, Андрей и Александр Тургеневы, возникло особое литературное общество — Собрание, с официально утвержденным уста-

вом, и его первым председателем стал Жуковский.

В университетском журнале «Приятное и полезное препровождение времени» появилась его статья «Мысли при гробнице», а затем стихотворение «Майское утро».

Статья обнаруживает уже вполне сложившееся мироощущение не подростка, а молодого человека, а вот стихотворение ничем не отличается от десятков ему подобных, написанных примерно в то же время.

Это еще не тот Жуковский, творениями которого потом зачитывались все образованные люди России. Это пока просто прилежный ученик, пишущий «сочинение на заданную тему». Должно было пройти пять лет, и состояться знакомство с Николаем Андреевичем Карамзиным, чтобы поэтическая сила Жуковского, наконец, расцвела. Но неизбежным следствием этого знакомства было увлечение сентиментализмом. Впрочем, зерно упало в благодатную почву: сентиментальность вообще была одной из черт характера юноши, и если у Карамзина — это лишь дань литературному течению, некая поза рассудительного и, в общем-то, холодного человека, то талант Жуковского расцвел именно на ниве сентиментализма.

Всеобщее внимание обратил на себя напечатанный им в «Вестнике Европы» в 1802 году вольный перевод элегии английского сентименталиста Грея под названием «Сельское кладбище». В следующем году появилась повесть «Вадим Новгородский», написанная в подража-

ние историческим повестям Карамзина.

В сущности, сама натура поэта, впечатлительного и ранимого, противилась размеренной и упорядоченной работе чиновником в Соляной конторе, куда он был определен после окончания пансиона в 1800 году. Жуковский воспользовался первой же благоприятной возможностью, чтобы уйти в отставку. В родном имении Мишинском, где он не был долгие годы, поэт отдыхал душой, предавался созерцанию природы, вел дневник, и, конечно же, писал стихи. Но не только.

Там же, в Мишенском, он попробовал свои силы на педагогическом поприще — в качестве домашнего учителя дочерей своей старшей сводной сестры Е. А. Протасовой — Маши и Саши. Так обозначатся три основные линии его жизни и творчества — государственная служба, поэзия и педагогика. И драма всей жизни тоже определится в Мишенском. Жуковский сам был поражен зародившемуся чувству любви к ребенку, объясняя в дневниках, что видит Машу Протасову «не таковою, какова она есть, а таковою, какова она будет».

В 1808 году появилась мистически-сентиментальная баллада «Людмила», которую можно считать первым русским романтическим произведением. В балладе нет сказочной успокоенности и внешней фантастики богатырских поэм. Оба героя становятся игрушками в руках таинственных и беспощадных сил: невеста ждет возвращения с войны

*Василий
Жуковский*

жениха, однако после возвращения войска обнаруживает, что его нет, и в отчаянии ропщет на судьбу. Тогда ночью перед ней появляется призрак жениха и уводит ее с собой в могилу.

Любые нравственные нормы, известные человеку, в мире подлинно романтической баллады утрачивают свою действенность перед лицом неведомого и непознаваемого. В балладе «Людмила» нет обещания торжества справедливости, как это было свойственно фольклору и просветительской литературе XVIII века. Протест Людмилы вызывает усугубление кары, чело-

век становится рабом судьбы, которой должен смиренно подчиниться. О том, что человек бессилён в мире небытия, говорит концовка:

*«Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертный ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».*

Следующая баллада Жуковского «Светлана» — уже не перевод, а оригинальное произведение — так полюбилась российскому читателю, так органично слилась с народной

жизнью, что строки из нее, даже многие годы спустя, напевали над детской колыбелью: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали: за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали...»

Однако подлинную славу Жуковский обрел лишь во время Отечественной войны, в которой принял непосредственное участие, вступив в ополчение.

7 августа Маша Протасова отметила в дневнике: «Получено письмо от Жуковского, он прошел пешком 28 верст, идет к Можайску. Сохрани его Господь».

были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И с первым просветом дня грянула русская пушка, которая вдруг пробудила повсеместное сражение».

В лагере под Тарутином он написал, по словам литературоведа Коровина, «романтическую оду» — «Певец во стане русских воинов», сразу же в тысячах списков разошедшуюся в армии и в России.

Писатель И. Лажечников говорил, что стихами из «Певца...» зачитывались на фронте, выучивали наизусть, разбирали... Они поднимали боевой дух, вдохновляли на ратные

В семье Буниных о Василии заботились как о родном ребенке, и недостатка в ласковом и заботливом отношении он не испытывал. Несмотря на это, мальчик тяжело переживал свое двойственное положение и мечтал о близких, которые принадлежали бы ему «по праву»

В эти же дни Карамзин сообщил поэту И.И. Дмитриеву:

«Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю».

Жуковский оставил одно из самых ярких описаний ночи перед Бородинским сражением:

«...Наконец армия заснула вся с мыслью, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; в этом всеобщем молчании и в этом глубоком темном небе, полном звезд и мирно распростертом над двумя армиями, где столь многие обречены

подвиги, а порою даже вызывали на глазах закаленных в боях воинов «скупую мужскую слезу»:

«Там все — там родших
милый дом:

Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их отрада;
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы».

Кстати, мало кому известно, что за участие в Отечественной войне 1812 года Жуковский получил чин штабс-капитана и награду за Боро-

дино и Красное — боевой орденом Святой Анны 2-й степени.

После войны, пережив тяжелое заболевание горячкой, Жуковский вернулся в свое небольшое имение Холх. Притягательная сила этой деревеньки для него состояла еще и в том, что буквально напротив находилось имение Протасовых Муратово, где жила его Дульсинея — Маша. Жуковского встретили в Муратово как героя Бородинского сражения, прославленного поэта-воина. Маше уже исполнилось двадцать лет (Жу-

имени вашего брата, — пытался объяснить он сводной сестре Екатерине Афанасьевне, и формально был прав: по документам они не состояли в родстве.

Но родные Маши оставались непреклонны.

Тем временем ее младшая сестра и крестница Жуковского Александра вышла замуж за пансионного друга Василия Андреевича, поэта и издателя Воейкова. Свадьба откладывалась из-за отсутствия денег. Жуковский продал свою люби-

---

Сама натура поэта, впечатлительного и ранимого, противилась размеренной и упорядоченной работе чиновником в Соляной конторе, куда он был определен после окончания пансиона, и Жуковский воспользовался первой же благоприятной возможностью, чтобы уйти в отставку. В родном имении Мишинском он отдыхал душой, предавался созерцанию природы, вел дневник и писал стихи

ковский был всего лишь на 10 лет старше ее).

Маша Протасова вошла в историю русской поэзии как муза, ангел-хранитель поэта, и в то же время — как неиссякаемый источник его страданий. Влюбленные мечтали об одном — соединить навеки свои жизни, вступить в законный союз. Но мать Маши была категорически против браков между родственниками, даже дальними...

Жуковский попросил руки возлюбленной, но получил решительный отказ.

— Я вовсе вам не родня: закон, определяющий родство, не дал мне

мую деревеньку, и вырученные за нее 1000 рублей подарил в приданое своей крестнице.

Кстати, именно к ней обращены его строки «гений чистой красоты», позаимствованные впоследствии Пушкиным без упоминания первоисточника.

Саше Протасовой Жуковский посвятил балладу «Светлана», после чего за ней закрепилось второе имя — Светлана. Вся семья Протасовых-Воейковых переехала в Дерпт, где Воейков, с помощью все тех же пансионных друзей, получил место профессора литературы в Дерптском университете.

Пушкин и Жуковский. Рисунок Е. Флеровой. «Смена», 1980 г.

Екатерина Афанасьевна милостиво разрешила Жуковскому быть вместе с ними, но только в качестве брата. Жуковскому удалось победить себя, он даже принял участие в поисках достойного жениха для Маши, которая, в конце концов, вышла замуж за профессора медицины и виртуоза-пианиста И.Ф. Мойера.

После этого Жуковский покинул Дерпт, записав в дневнике: «Мне везде будет хорошо — и в Петербурге, и в Сибири, и в тюрьме, только не здесь... прошедшего никто у меня не отымет, а будущего — не надобно».

Друзья давно звали его в Петербург. Казалось нелепым, что он, автор «Певца во стане русских воинов», до сих пор не представлен ко Двору. В 1815 году это представление состоялось: Жуковский целый час беседовал со вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

И в том же году, осенью, произошло еще одно приятное знакомство — не менее значимое. Жуковский

сам поехал в Царское Село, чтобы обнять юного собрата по перу лицеиста Александра Пушкина. Сразу же после встречи он напишет Вяземскому:

«Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет...»

Как в воду глядел! Пройдет 5 лет, и Василий Андреевич подарит Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя», который фактически и станет первой прочной ступенью на лестнице, ведущей к славе и бессмертию.

В 1816 году Жуковский написал первый официальный гимн России

*Субботнее собрание в кабинете В. Жуковского в Зимнем дворце.
Слева направо: П. Плетнев, В. Жуковский; в центре стоит
А. Кольцов; сидят на диване А. Пушкин, М. Глинка, И. Крылов;
П. Кривцов, М. Виельгорский, Ф. Вигель, Н. Карамзин*

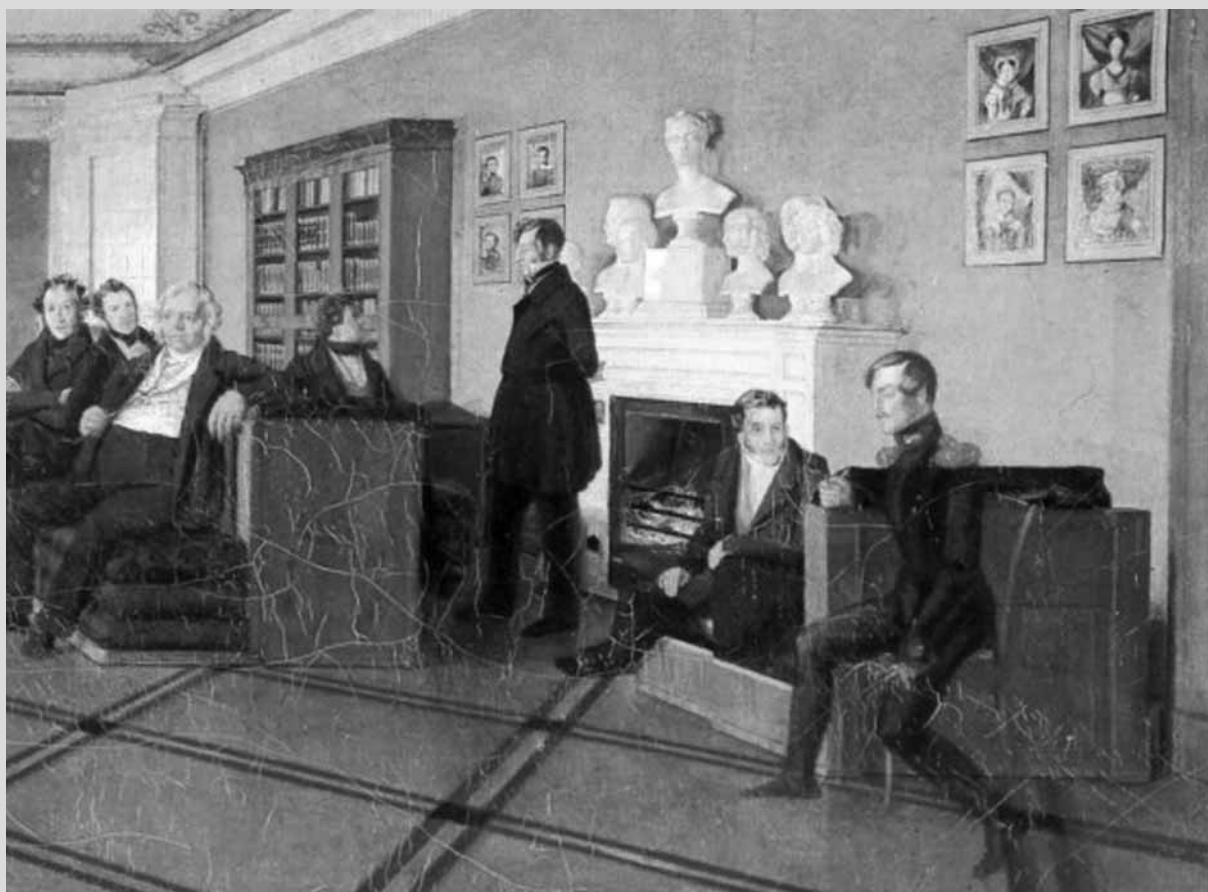
«Молитва русских». Это был перевод (правда, сильно измененный) текста английского гимна «God save the King». Музыка также была позаимствована у английского гимна (что в свое время сделали более 20 государств). Просуществовал гимн почти двадцать лет. Но в 1833 году, во время визита императора Николая I в Австрию и Пруссию, монарх выразил неудовольствие тем, что его всюду встречают звуками английского марша, и по возвращении поручил князю Львову, как наиболее близкому ему музыканту, сочинить новый гимн.

Этот гимн на музыку князя Львова, слова которого были написаны также Жуковским, но уже при участии Пушкина, с 31 декабря 1833 года стал официальным гимном

Российской империи под новым названием «Боже, Царя храни!»

*«Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам
Царь православный!
Боже, Царя храни!
Боже, Царя храни!
Царствуй на страх врагам!
Царь православный!
Боже, Царя храни!»*

Блеск чудного гения Пушкина в этих строках очевиден. Но в первый (и последний раз в жизни!) поэт помалкивал о своем авторстве. Молчание сохраняли и большинство пуш-

кинистов, причем причина этого совершенно ясна: прославление Пушкиным царя не укладывалось ни в какие концепции отношений между монархом и поэтом.

В 1817 году Жуковский был определен учителем русского языка к невесте великого князя Николая Александровича прусской принцессе Шарлотте, ставшей после венчания великой княгиней Александрой Федоровной.

В письме к Светлане (Протасовой-Воейковой) Жуковский писал:

«Моя ученица мила, добродушна и сердце у меня лежит к моему делу. Мне весело иметь теперь цель моих занятий, цель небесную... Милое, небесное создание: простота, добродушие и прелестное ребячество. Вели-

кий Князь очень добр в обхождении, он привязывает к себе своей лаской, мне то и надобно. Хочу любить свою должность, а не об выгодах заботиться. Выгоды будут, если Бог велит, но лбом до них добиваться — не хочу, трудно, скучно и для меня бесполезно, ибо не имею, и не буду иметь нужного для того искусства».

После того как вышло трехтомное собрание сочинений Жуковского, его приняли в члены Российской академии. А в 1820 году в составе свиты великой княгини Александры Федоровны он совершил первое двухгодичное путешествие за границу: Берлин, Дрезден, Швейцария, Северная Италия.

В пути он получил письмо от Маши, сообщавшей радостную весть:

*Гоголь, Жуковский и Пушкин
в Царском Селе*

*«Милый ангел! какая у меня дочь!
Что бы я дала за то, чтобы положить
ее на твои руки».*

Через два года, по пути домой,
его догнало еще одно письмо:

*«Брат мой! твоя сестра желала бы
отдать не только жизнь, но и дочь за
то, чтоб знать, что ты ее еще не по-
кинул на этом свете!»*

В марте 1823 года Жуковский
неделю провел в Дерпте рядом с
Машей, тяжело переносившей вто-
рые роды.

*«Мы простились, — записал он в
дневнике. — Она просила, чтоб я ее
перекрестил, и спрятала лицо в по-
душку».*

А вернувшись в Петербург, он по-
лучил известие о смерти Маши при
родах ребенка. Последнее, пред-
смертное письмо ему передали на
ее могиле:

*«Друг мой! Это письмо получишь
ты тогда, когда меня подле вас не
будет, но когда я еще ближе буду к
вам душою. Тебе обязана я самым
живейшим счастьем, которое толь-
ко ощущала!... Жизнь моя была наи-
счастливейшая... И все, что ни было
хорошего, — все было твоя рабо-
та... Сколько вещей должна я была
обожать только внутри сердца, —
знай, что я все чувствовала и все
понимала. Теперь — прощай!»*

С годами, особенно после пережитой глубокой личной драмы, Жуковский все более задумывался о «небесном», о «святом», в стихах его все явственнее звучал религиозный, а порою мистический оттенок. И хотя друзья поэта опасались, что после смерти своей музы и «ангела-хранителя» Маши Протасовой он лишится главного источника вдохновения, перо он вовсе не собирался оставлять. Разве что стиль его про-

изящной словесностью. Уже маститый поэт, почетный член, а затем и академик Петербургской академии наук, он пользовался доверием императорского двора, и осенью 1826 года был назначен на должность «наставника» наследника престола, будущего императора Александра II.

Дельвиг сообщал об этом Пушкину:

«Жуковский, думаю, погиб невозвратно для поэзии. Он учит Великого

Подлинную славу Жуковский обрел лишь во время Отечественной войны 1812 года, в которой принял непосредственное участие, вступив в ополчение. Кстати, мало кому известно, что за участие в этой войне он получил чин штабс-капитана и награду за Бородино и Красное — боевой орден Святой Анны 2-й степени

изведений стал несколько строже. При этом словами, поэтической речью Жуковский с годами овладевал все совершеннее. Свидетельство тому — его оригинальные лирические произведения 20-х годов — «Мотылек и цветы», «Таинственный посетитель», «Невыразимое», стихи, проникнутые фантастичным переплетением жизни человека и тайной жизни мира, природы.

*«Все необъятное в единый вздох
теснится;
и лишь молчание понятно
говорит».*

Впрочем, деятельность Жуковского не ограничивалась одной лишь

Князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говорю, все время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурки, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовывать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его».

О том, насколько глубоко Жуковский понимал проблемы религиозного образования и религиозного воспитания будущего императора, можно судить по его письму из Дрездена, где он проводил отпуск для лечения. «Особенно умоляю ваше Величество, — обращается он к императрице Алексан-

дре Федоровне, — не торопиться выбором духовного лица, которое должно будет дать Великому Князю религиозное образование: это предмет слишком серьезный и требует большой осмотрительности. Нам нужен человек, который мог бы вполне разделить наш план. Религия не отдельная наука, которую изучают так, как, например, математику; она не может быть рассматриваема только как предмет обучения; она скорее служит средством воспитания, она должна входить во все, должна сливаться со всеми чувствами, со всеми мыслями, чтобы стать жизненным правилом, иначе влияние ее будет

жаемый — бессилён... Окружай себя достойными помощниками: слепое самолюбие Царя, удаляющее его от людей превосходных, предает его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага... Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения».

Увы, теперь можно с уверенностью сказать: воспитывать должны учителя, а не поэты. Получивший классическое домашнее образование император Николай I в любое время суток выходил из Зимнего дворца без охраны, ничего не опасаясь. А его просвещенный преемник, воспитанный самым гуманным

С годами, особенно после пережитой личной драмы, в стихах Жуковского все явственнее звучал религиозный, а порой и мистический оттенок. И хотя друзья поэта опасались, что после смерти своей музы и «ангела-хранителя» Маши Протасовой он лишится главного источника вдохновения, перо он вовсе не собирался оставлять, разве что стиль его произведений стал несколько строже

ничтожно. Все зависит от выбора учителя. Если мы не будем в состоянии найти то, что нам нужно, то, по крайней мере, возьмем то, что есть лучшего».

А его наставления воспитаннику гласили:

«Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый Царем, не будет храним и народом... Владычествуй не силою, а порядком... Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неува-

и романтическим из русских поэтов, погиб от рук своего же «благодарного народа». А ведь как прекрасно все задумывалось!

С 1828 года Жуковский жил в специально надстроенном для него четвертом этаже Шепелевского дворца, входившего в ансамбль зданий Зимнего дворца. Здесь он по будням вел занятия с наследником престола, а по субботам на его «олимпийском чердаке» собирались, как отмечал А. Тургенев, «литераторы всех

расколов и всех наций, художники, музыканты».

«Жаль, что нет журнала, — писал после одного из субботников Вяземский, — куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего». И в апреле 1836 года увидел свет первый номер «Современника», задуманного на чердаке Жуковского.

Пользуясь своим положением, Василий Андреевич не только пытался воспитать царственного наследника соответственно высоким понятиям нравственности, но принимал посильное участие в облегчении участи гонимых и поверженных. Так, во многом благодаря его заступничеству, был освобожден от крепостной зависимости украинский поэт Тарас Шевченко...

Лето и осень 1831 года Жуковский провел в Царском Селе. В это же время там проводил лето Пушкин, только что женившийся на Наталье Гончаровой. В Царском Селе, возможно, соревнуясь с Пушкиным, он написал сказки: «Сказка о царе Берендее», «Сказка о спящей царевне», «Война мышей и лягушек».

«Жуковский, — сообщал А.С. Пушкин Вяземскому, — завел 6 трагедий и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он, верно, написал целый том».

Но вот что характерно — Жуковский всячески избегал разговоров о юной и прекрасной супруге своего молодого друга. Ни тогда, ни впоследствии Василий Андреевич не проронил нигде ни слова о На-

талье Николаевне, не осуждал ее и не оправдывал. Хотя всегда принимал самое горячее участие в улаживании отношений между Пушкиным и императорским двором.

В период, предшествовавший гибели Пушкина, Жуковский вместе с драматургом Розеном работал над либретто оперы М.И. Глинки «Жизнь за Царя» (У нас она долгое время была известна как «Иван Сусанин»).

«Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, — вспоминал М.И. Глинка, — Жуковский искренне одобрил мое намерение и предложил мне сюжет "Жизни за Царя". Сцена в лесу глубоко врезалась в мое воображение; я находил в ней много оригинального, характерного, русского».

Он не только предложил сюжет, но и написал эпилог оперы и трио «Ах, не мне бедному, ветру буйному...»

В обсуждении замысла оперы принимал участие и Пушкин, но лишь постольку, поскольку находил время, будучи уже сильно занят историей вокруг его супруги и Дантеса.

О роли Жуковского в трагической истории последних дней жизни Пушкина известно практически все. По просьбе семьи Гончаровых Василий Андреевич пытался не допустить дуэли. Барон Геккерен тоже был уверен, что только Жуковский сможет убедить Пушкина мирно встретиться с Дантесом.

Пушкин от свидания отказался, тем не менее, Жуковский вновь прислал ему записку:

«Я не могу еще решиться почтять наше дело завершённым. Еще я не дал никакого ответа Геккерену... Ради Бога, одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного

злодейства, а жену твою от совершенного посрамления».

Он был убежден, что Пушкин, слывший дуэлянт и отличным стрелком, убьет Дантеса и совершит тем самым безумное злодейство — убийство. Да в этом, собственно говоря, были уверены абсолютно все, потому так и хлопотали: враги — чтобы дуэль обязательно состоялась, и Пушкин был ошельмован и опозорен на всю жизнь, друзья — чтобы любым способом избежать дуэли и спасти Пушкина от него самого. Никто и представить себе не мог, чем закончится очередная авантюра поэта.

Вечером 27 января Жуковский получил роковое известие. Пушкин призвал его к себе. Все последующие два дня и три ночи Василий Андреевич почти неотлучно находился

в квартире Пушкина и выпускал бюллетень о его состоянии.

Тогда же он получил записку от великой княгини Елены Павловны:

«Добрейший г. Жуковский! Узнаю сейчас о несчастье с Пушкиным — известите меня, прошу вас, о нем и скажите мне, есть ли надежда спасти его. Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей — такого выдающегося человека».

После выноса тела Жуковский запечатал кабинет Пушкина своей печатью, а затем получил разрешение перенести рукописи поэта к себе на квартиру. Все последующие месяцы он занимался разбором ру-

ропе, где, в частности, познакомился с Николаем Гоголем и очень сблизился с ним.

Вернувшись в Петербург, он вновь поселился «на чердаке» в Шепелевском дворце. Здесь его ожидало письмо от Гоголя из Рима.

«Я получил вспоможение, — общал писатель о 5000 рублей от государя. — Все вы, все вы! Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною!»

Отныне, оказавшись не в силах уберечь Пушкина, Жуковский станет ангелом-хранителем Гоголя (в письмах он называл его ласково Гоголенком). Кроме того, будучи в Риме, именно он посоветует наследнику-

После гибели на дуэли Пушкина и выноса его тела из дома Жуковский запечатал кабинет своей печатью, а затем получил разрешение перенести рукописи поэта к себе на квартиру. Все последующие месяцы он занимался разбором рукописей Пушкина, подготовкой к изданию посмертного собрания сочинений и имущественными делами, став одним из трех опекунов детей поэта (по выражению Вяземского, ангелом-хранителем семьи)

кописей Пушкина, подготовкой к изданию посмертного собрания сочинений и всеми имущественными делами, став одним из трех опекунов детей поэта (по выражению Вяземского, ангелом-хранителем семьи).

После гибели Пушкина, в 1837-1839 годах Жуковский объездил с наследником цесаревичем Россию и часть Сибири, а также предпринял путешествие по Западной Ев-

цесаревичу приобрести картину почти безвестного тогда художника Иванова «Явление Христа народу» для России.

Василий Андреевич серьезно подумывал об отставке, но вместо нее получил новое назначение: обучать русскому языку невесту наследника престола — прусскую принцессу Марию Гессенскую. Только два года спустя, после совершеннолетия на-

следника и его свадьбы, поэт получил свободу и чин тайного советника, который соответствовал званию генерал-лейтенанта. Лица, его имевшие, обычно занимали высшие государственные должности. Наверное, именно поэтому некоторые советские историки писали, что Жуковского выжили из дворца, крайне недовольные его свободолюбивыми идеями и гуманизмом.

В мае 1841 года состоялась свадьба Василия Андреевича и Елизаветы Рейтерн, дочери его давнишнего приятеля, живописца Евграфа Рейтера. Жена была младше Жуковского на 38 лет. Тем не менее, спустя год у супругов рождается дочь Александра, а в 1845 году — сын Павел. Семья жила в уютном особняке в Дюссельдорфе. Казалось, что уже ничто не сможет помешать столь долгожданному семейному счастью Жуковского. Он записал в дневнике:

«Постараюсь, чтобы мое пребывание за границей не осталось бесплодным для русской литературы».

И действительно, годы, прожитые в Германии, были плодотворными для Жуковского. К тому же все произведения поэта печатались в русских журналах «Современник» и «Москвитянин». Василий Андреевич писал сказки для своих детей, стихи, публицистические статьи о событиях в Европе, литературно-критические статьи, много переводил, работал над теорией «повествовательной поэзии». Последние годы жизни работал над переводом «Одиссеи» Гомера.

Но в январе 1846 года в дневнике поэта появилась краткая запись: *«Ослабление глаз. Надобно заранее подготовиться к слепоте; помоги Бог переносить ее: это заживо смерть».*

В письмах к друзьям Жуковский признавался:

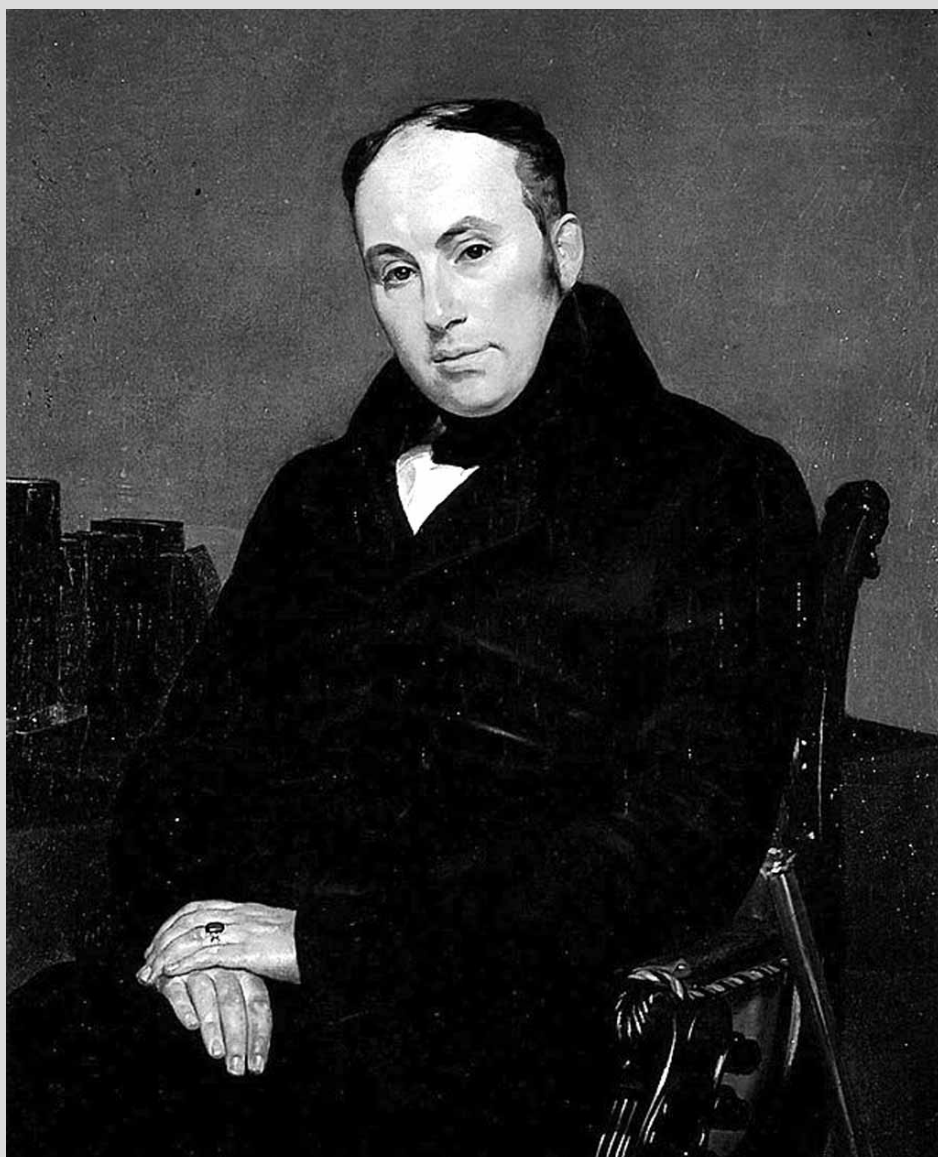
«Глаза слабеют и слух тупеет. Я уже выдумал себе машину для писания в случае слепоты. Надобно придумать отвод и от глухоты... Не покоем семейной жизни дано мне под старость наслаждаться, беспрестанными же, всякую душевную жизнь разрушающими страданиями бедной жены моей уничтожается всякое семейное счастье».

Супруга поэта страдала нервными расстройствами, часто впадала в мрачное состояние. Фактически Жуковский не мог вернуться в Россию из-за болезни жены, где она оказалась бы лишенной необходимой ей медицинской помощи.

И, тем не менее, поэт жил мечтой о возвращении на родину. 1 февраля 1851 года он писал Гоголю:

«Я надеюсь, верно, возвратиться нынешнею весною или в начале лета в Россию. Прежде всего, поеду в Дерпт и там на первый случай оставлю жену и детей; сам же в августе месяце отправлюсь в Москву и там отпраздную коронацию и царские юбилеи; туда, надеюсь, на это время съедутся все мои родные; туда, равно надеюсь, приедешь и ты».

Но за два дня до отъезда из Баден-Бадена у Жуковского обострилось воспаление глаз. Доктора за-

претили ему выходить из темной комнаты, и он оказался в заточении в своем собственном кабинете.

В начале марта 1852 года из Москвы пришло печальное известие о смерти Гоголя. Это был последний удар. Силы — духовные и физические — окончательно его покинули.

12 апреля 1852 года — в Светлое Христово Воскресение — Жуковский скончался в Баден-Бадене.

Сначала он был похоронен в Германии, но в августе того же года прах поэта был перевезен в Петербург и

погребен на кладбище Александроневской лавры, неподалеку от могилы его учителя и друга Карамзина.

Жена пережила его всего на четыре года. Дочь стала фрейлиной императрицы и вышла замуж за четвертого сына императора Александра II, великого князя Алексея Александровича. Сын стал автором памятника Александру II в московском Кремле.

Царская семья не отпустила сына пленной турчанки, великого русского поэта даже после смерти. □

Владимир Фремо

МАРТ

Наотмашь вьюгою ударил,
Скузьмив Весне переполох,
Каприза-Март.
Земля нагая
В объятых пышных покровов.

Шальной оргией раздольной,
Восторгом хлынувшей в зрачки,

Под стать галопу
Русской тройки
Промчались хлопья-бубенцы.

А вслед, беснующийся ветер,
Февральской вьюги
старожил,
В бездонный

Анна и Сергей Литвиновы

Сердце Бога

*Нашим родителям
посвящается*

Наши дни. Город Москва. Агент Сапфир

Теперь не прежние времена. Совсем не то, что с Марией — сколько тогда было предосторожностей при каждой встрече! Сейчас мы с Лаурой можем контактировать совершенно свободно — почему нет? На людях? — пожалуйста! Ходим с ней куда угодно. В кафе, рестораны. Были в Коломенском, на Воробьевых горах, в Большом театре и «Современнике».

Это потому, что удачно проработана легенда прикрытия. Лаура — американка, учительница английского, поэтому ее с распростертыми объятиями встретили на частных курсах «Ап ту Инглиш». Ей двадцать шесть — примерно, как было мне в те баснословные годы, когда мы познакомились с Марией.

Лаура ведет шесть групп — детей, подростков, взрослых. И еще дает частные уроки: официально, с оплатой через бухгалтерию курсов, — в том числе, и мне. Вот вполне легальное обоснование для того, чтобы встречаться дважды в неделю. Остальные свидания обосновываются тем, что мы якобы подружились. Да мы и вправду подружились.

Я называю Лауру — Ларой, в память о «Докторе Живаго». Она не возражает. Романа она, конечно не читала, но кино любит. Вдобавок ей нравится, когда я декламирую ей по-русски стихи Пастернака.

Журнальный вариант. Полностью роман выходит в издательстве «ЭКСМО».

Продумано и то, зачем мне, на склоне лет, вдруг потребовался «инглиш»: американцы прислали приглашение разобрать и прокомментировать документы, относящиеся к начальному периоду советской пилотируемой космонавтики. Документы хранятся в аэрокосмическом музее и Смитсоновском институте, в Вашингтоне, округ Колумбия — они много их нахапали у нас в период безвременья, в начале девяностых. Поездка моя состоится через полгода, а пока я пользуюсь случаем подтянуть язык.

Иногда я рассказываю Лауре-Ларе байки из своего прошлого космического конструктора — то, что за давностью лет утратило статус строгой секретности. Например, как разбился советский пилотируемый корабль — «Союз-1», в котором находился первый официальный мученик отечественной космонавтики, прекрасный парень Виктор Комаров. Тогда не открылись тормозные парашюты, и спускаемый аппарат с такой силой ударился о казахскую степь, что образовал воронку в несколько метров, а потом, вдобавок, загорелся. Все, что осталось от пилота — небольшой обгорелый, спекшийся брусок. Потом фильм с этими жуткими кадрами показывали всем кандидатам на новый космический полет. Спрашивали: «А теперь — вы по-прежнему хотите лететь в космос?» Но никто не отказывался.

Лара, когда я предаюсь подобным воспоминаниям, содрогается:

— Какие жертвы! Ради чего?! За что они погибли? Зачем сгорел ваш Комаров? И задохнулись трое других русских в семьдесят первом году, после экспедиции на станцию «Салют»? И два наших «шаттла» взорвались?! Двенадцать сгоревших заживо? Зачем?! К чему все эти жертвы?!

— Странно слушать подобные речи от человека, который постоянно пользуется спутниковой навигацией, — отвечаю я. — Регулярно звонит к себе на родину за океан по космическим каналам связи и смотрит по спутниковому телевидению любимый Ю-Эс-Оупен в прямом эфире.

— Я отдала бы все эти блага за единственную слезинку ребенка (про которого писал ваш Достоевский) — того, который оплакивал отца, ушедшего в полет и не вернувшегося, — говорит Лара.

— То был выбор самого отца, — вздыхаю я. — Ведь дело не только в спутниковой тарелке и прочих гаджетах. Космонавты и астронавты погибали не ради нашего комфорта. Они стремились, как сыны человечества, выше и дальше — за горизонт.

— По-моему, те, кто запускал первые спутники и летал на них, о высоких материях не думали, — возражает она. — Вы, советские, мечтали утереть нос нам, американцам. А мы — вам. А еще — девяносто процентов всех полетов, и наших, и, особенно ваших, имело военное значение.

— Может, девяносто, — поддерживаю я, — а, может, больше. Или меньше. Но благодаря тем полетам и тому, что с орбиты оказались видны

пусковые комплексы ракет, не случилось Третьей мировой войны. А мы ведь долго балансировали на самом краю. Ба-бах, по паре бомб и ракет с каждой стороны — и сейчас на месте моей Москвы и твоего Чикаго была бы радиоактивная пустыня.

Так мы препираемся с ней порой по целому часу. Я изо всех сил защищаю дело всей моей жизни — космос. Дискутируем мы на английском — она, великодержавная шовинистка, русского принципиально не учит, знает только несколько слов: «да», «спасибо», «дайте, пойд-жай-луйста» и «маршрутка».

Но надо отдать должное Лауриным кураторам из Лэнгли: общаться мне с ней интересно, даже подобие дружбы образовалось, и в те дни, когда мы не видимся, я начинаю по ней скучать.

Город М. (областной центр), Россия. Виктория Веселова

Недавно я поняла — настолько ясно, как «Отче наш», — что не смогу жить и двигаться дальше до тех пор, пока не разберусь с проблемами моей собственной семьи. Пока, образно говоря, не пересдам карты. Не переменю, не перелицую собственную карму.

Веселова я не по отцу — по матери. Мама моя никогда не выходила замуж. Мужчины в ее жизни, разумеется, имелись, в том числе и мой отец. А вот мужа — нет. Равным образом и бабушка моя замужем никогда не состояла. А если прибавить сюда судьбу прабабки Елизаветы, которая потеряла супруга в годы репрессий, и ее сестру Евфросинью, умершую старой девой, — наследственность моя окажется очень настораживающей.

Вот потому-то я и решила: карму нашего семейства следует коренным образом изменить. Я просто кожей почувствовала: пора! Тем более, после шести лет совместного проживания мой бойфренд Ярик сделал мне официальное предложение. Я ответила, что принимаю его руку и сердце — но только ровно через год, в течение которого я надеялась выправить собственную судьбу и судьбу моих будущих наследников.

Мама моя, Валентина Дмитриевна Веселова, тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года рождения, выросла сиротой. Воспитывалась она бабушкой Елизаветой и ее родной, бездетной и безмужней сестрой Евфросиньей. Расстили ее бабки исключительно правильно, в строгих традициях — пятерки в дневнике, участие в учебных олимпиадах и посещение музыкальной школы.

В семьдесят первом мама поступила на истфак нашего областного педвуза. Была даже выбрана комсоргом курса — но, отучившись два года,

вдруг взбрыкнула: я, мол, не хочу быть скромной учителькой, ждет меня и манит иная стезя — журналистки, писательницы, путешественницы, международного обозревателя или телевизионного ведущего! Откуда взялась тогда эта фантазия, мама не говорила, но в один прекрасный день забрала из тихого областного института свои документы и рванула в Москву, поступать на журфак. И — благополучно провалилась. Она приняла решение домой не возвращаться, осталась в Белокаменной и крепко сдружилась с журналистской средой. Ее пристроили учетчицей отдела писем газеты «Советская промышленность», и Валентина Веселова с азартом включилась в жизнь редакции. Вскоре и деньжата у нее появились, и комнату в коммуналке, в самом центре Москвы она сняла. Вдобавок, за год у нее накопился портфель заверенных ответсекон публикаций, предъявив которые, мама благополучно поступила на вечерний факультет журналистики.

Шла середина восьмидесятых. К тому времени маме стукнул уже «тридцатник», но мужа себе она так и не подыскала. Зато оказалась беременной и решила: буду рожать!

Моим отцом был тогдашний политический обозреватель «Советской промышленности» и член партбюро газеты Виктор Ефремович Шербинский, импозантный мужчина в импортных пиджаках и шейных платках, на двадцать пять лет старше матери, дважды женатый и отец двух дочерей, по возрасту годящихся моей мамочке в сестры. Он сразу, узнав, что она забеременела, сказал, что разводиться и жениться на ней не собирается, но помогать будет. Пришлось маме вернуться в родной город, где я и родилась.

Для нашей семьи начались тяжелые времена: детские пособия тогда отменили, и существовали мы фактически на пенсии двух девяностолетних столпов семьи: прабабки Елизаветы и ее сестры Евфросиньи. Вдобавок вскапывали огород, окучивали, боролись с колорадским жуком — и к зиме собирали мешков пять картошки, которые сосед дядя Вова затаскивал к нам на второй этаж. Хранили мы ее на застекленном балконе.

Однако вскоре мама повадилась ездить в Москву, с частотой раз в два-три месяца. Из разговоров прабабки Елизаветы с Евфросиньей я стала понимать, что ездит она в столицу к моему отцу — и деньги привозит от него для моего содержания. Уже потом, став взрослой, я узнала, что Виктор Ефремович Шербинский лишился в девяносто первом должности руководителя корпункта в Париже, по причине его окончательного закрытия, однако со своими связями в новой жизни не пропал. Стал переводить и продавать вновь открывшимся в столице издательствам детективы с английского, французского и даже итальянского.

Усвоив информацию, что у меня в Москве имеется отец, который даже снабжает нас «зеленью», я стала приставать к мамуле, чтобы она повезла

меня к нему. Отец произвел на меня, одиннадцатилетнюю девочку, огромное впечатление. Поначалу, правда, показался мне слишком старым — мама шепнула, что через год ему исполняется семьдесят, — однако как он был вальяжен, прекрасно одет, пострижен! А его изысканные манеры! Бархатный голос с легкой хрипотцой! Обволакивающий взгляд! Точь-в-точь граф или миллионер из французского или американского фильма!

Как-то повел он нас в «Елки-палки» и, сидя за столиком, завел с мамой серьезный разговор.

— Ты на себе крест поставила, Валентина? стыдоба! Так и будешь торговать на рынке в палатке? С твоим умом? С твоим пером? Фантазией и талантом?

— А что мне делать? — защищалась она. — Снова в газету идти?

— Ну, зачем же? Я дам тебе хорошую работу. Станешь переводить английские любовные романы. Да, платить будут немного, долларов двести за семь-восемь авторских листов, зато строчить можно гладко-гладко, не включая мозг, совершенно прозрачная лексика.

— Да я английский давно забыла!

— А зачем тебе язык?! Уловила общую канву произведения — и несись!

Вернувшись домой, мама и вправду вытащила с полатей свою старую пишущую машинку, вызвала дядю Вову, чтобы он почистил, починил и смазал ее, и принялась по ночам в своей спальне, за низким и неудобным туалетным столиком, толмачить английские любовные романы в розовых обложках. А после первого гонорара, за которым она съездила к папаше в Москву, бросила работу в палатке, купила подержанный компьютер и вся отдалась стихии любовного романа.

В преддверии нового тысячелетия случилось то, чего подспудно боялись мы с мамой: скончалась девяностодвухлетняя тетка Евфросинья, а вскоре, не прошло и двух месяцев, и моя прабабка Елизавета. Несмотря на то, что старухи прожили, дай Бог, каждому, их смерти сильно подействовали на маму. Она стала плаксивой, раздражалась слезами по любому поводу и стала все чаще прикладываться к бутылке — даже в ходе своей переводческой работы (чего ранее за ней не замечалось). Но теперь она стала говорить, что алкоголь дарит ей вдохновение.

Новый век и нового президента мы встретили с ней вдвоем в нашей трехкомнатной квартире. Мне исполнилось четырнадцать, и я начала задумываться о выборе профессии. А к шестнадцати годам уже точно знала, что пойду учиться на факультет управления, на маркетинг, и стала углубленно изучать английский и французский.

Университет я окончила весьма успешно, нашла себе место с хорошей и твердой зарплатой, познакомилась с Ярославом, готовым меня носить

на руках. Однако на пути к окончательной жизненной победе меня постигла самая тяжелая утрата.

Моя мамочка, несмотря ни на что, была самой лучшей, самой прекрасной в мире. Но понимать это я начала, только когда она заболела, а осознала всю свою любовь к ней, лишь когда ее не стало.

Все произошло так ошемляюще обыденно и больно — в самом прямом смысле больно, — что я даже не хочу рассказывать. Все, что касалось ее болезни, я спрятала в тайники своей памяти. Осталось лишь немного. Ее растерянное лицо, когда она первый раз пришла из поликлиники: «У меня рак. Четвертая стадия». Ее бурные слезы. (И мои.) А потом начался ее уход. Долгий, несмотря на полную предопределенность. Нет, не хочу вспоминать. Вот что я действительно должна вспомнить и записать — наш с нею разговор. Потому что только тогда, готовясь к смерти, мать сообщила мне по-настоящему важные сведения.

2009 год. Областной город М.

Рассказ Валентины Дмитриевны Веселовой — записанный ее дочерью, Викторией Веселовой:

— Неужели ты думаешь, Вика, что я к бабушке нашей не приставала, где моя мама? И, совершенно понятно, слышала от нее в ответ сплошную бодягу: «Уехала». «Улетела на Луну». «Живет в другом городе». Потом вдруг сказала: твоей мамы больше нет, она жила в Москве и умерла. Когда я стала требовать подробностей, бабушка объяснила, что произошел несчастный случай. Дескать, в тот день, в октябре пятьдесят девятого, в одной квартире в Москве собралась компания. Баловались оружием, и моя мама случайно убила сама себя.

Как только бабуле сообщили о смерти дочери, она сразу бросилась в столицу. Следователь из районной прокуратуры представил ей происшедшее следующим образом: компания вчерашних студентов собралась на квартире у одной из девушек, по имени Валерия Кудимова, на празднование дня рождения последней. Сильно выпили, стали баловаться с оружием, в том числе с наградной шашкой и сувенирными кинжалами из Грузии.

«Жанна Веселова, ваша дочь, — рассказывал он, — будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, случайно нанесла себе ранение в область груди. Ранение оказалось столь сильным, что спасти девушку не удалось, и она скончалась до приезда «скорой». Вскрытие и судебно-

медицинская экспертиза полностью подтвердили картину происшедшего. Вы можете забрать в морге труп для последующих похорон».

Бабушка никак не могла поверить в рассказ следователя. Она знала, что у Жанночки есть близкая подруга — Галочка Бодрова. Они весь институт прожили вместе в общежитии, в одной комнате. В начале пятьдесят девятого Галя вышла замуж и теперь проживала, совместно с молодым супругом, где-то под Москвой. Бабушка спросила у следователя, присутствовала ли Бодрова на той вечеринке, когда произошел несчастный случай. Он ответил, что да, и, покопавшись в бумагах, сообщил ее адрес.

Проживала Бодрова в подмосковном поселке Болшево, а фамилию носила новую, по мужу — Иноземцева. Ехать надо было на электричке, остановок десять с Ярославского вокзала. Жили Иноземцевы в захудалом съемном домике, похожем на дачу. Галочка подурнела и потолстела, бабушка сразу заметила, что она беременна. «Тетья Лиза!» — бросилась к ней Галя, обняла и разрыдалась. Потом растопила печь и накрыла стол скромными съестными припасами: вареная картошка, квашеная капуста, докторская колбаса. После нескольких общих фраз бабуля спросила у нее, как погибла Жанночка.

Галя, тяжело вздохнув, начала рассказывать, как они праздновали день рождения девушки по имени Лера Старостина, по мужу Кудимова, у нее дома. Папа у Леры был важный генерал в отставке, поэтому квартира находилась на Кутузовском проспекте и занимала пять комнат. Родители в тот вечер дома не присутствовали, они специально уехали на дачу, давая возможность молодым порезвиться. Присутствовала только старая прислуга Варвара. Молодого мужа Леры звали Вилен. Галя мимоходом заметила, что Вилен, вчерашний студент из авиационного, женился на Лере не по любви, а из-за московской прописки и будущего распределения. К тому же, несмотря на то, что был женат, он крутил роман с Жанной Веселовой.

Под конец вечеринки между двумя девушками-соперницами, Жанной и Лерой, произошло объяснение. Они удалились в спальню. Не знаю, о чем они там говорили, но Лера потом рассказывала, что Жанна стала требовать, чтобы она оставила Вилену. Лера отказывалась. Тогда Жанна схватила со стены коллекционный остро наточенный кинжал, приставила его себе к сердцу и стала угрожать самоубийством. А когда Лера начала высмеивать ее, нажала на рукоятку кинжала. Наверное, не хотела причинить себе сильного вреда, просто не рассчитала силы. Однако кинжал легко вошел в тело и достал до сердца. Жанна умерла мгновенно.

Бабушка, не выдержав, набросилась на Галю:

— Какая чушь! Чтобы Жанночка сама причинила себе вред?! Совершила самоубийство?! Да я никогда не поверю!! Она так любила жизнь, слиш-

ком любила — чтобы из-за какого-то подонка взять и зарезаться! Да и кто тебе сказал, что она убила себя?! Ведь они были в комнате только вдвоем, как ты говоришь! Может, на самом деле, это Лера убила Жанночку?!

— Ах, тетя Лиза! — зарыдала Галя. — Не спрашивайте меня ни о чем! Я сама ничего не знаю! Ничего своими глазами не видела! Рассказываю вам с чужих слов!

— А ну-ка, скажи, в чьем доме вы были? Что за важный генерал в отставке? Как его фамилия? Дай мне его адрес! Телефон! — наседали бабушка Лиза.

— Генерала фамилию я точно не знаю. Но, наверное, она, как и девичья у дочери — Старостин. А адрес я наизусть помню, он простой: Кутузовский проспект, дом ***, квартира **. Вилен с Лерой там и живут.

— А кто еще присутствовал на вечеринке?

— Я, мой муж, Владик Иноземцев, а также его товарищ по институту — зовут Радием Рыжовым, он лейтенант, служит где-то на полигоне, но в Москву приехал в длительную командировку. И еще некто Флоринский, довольно пожилой инженер и конструктор, старший товарищ Владислава и Радия, Радий и сейчас продолжает проживать дома у Флоринского, в соседнем поселке Подлипки, только адреса я не знаю, но у мужа есть номер его домашнего телефона.

Разговор Елизаветы Семеновны с Галей прервался приходом Владислава. Галина представила их, и бабушка Лиза заметила, как он смутился и напрягся, когда узнал, что она — мама Жанны.

— Владик, скажи теперь ты: как погибла Жанна? — потребовала бабуля.

Молодой человек метнул растерянный взгляд на супругу:

— А вам разве Галя не рассказала?

— Рассказала. Но я хочу услышать твою версию.

— Очную ставку, что ли, проводите? — скривился Владислав.

— Я хочу узнать правду.

Иноземцев, краснея, волнуясь и запинаясь, начал рассказывать. Его изложение совпадало с тем, что говорила Галя. Совпадало точь-в-точь, один в один, и бабушка Лиза поняла, что истины ей в этом доме не добиться. Она отказалась от чая, тем более, от ночлега, сухо попрощалась с хозяевами и поспешила на станцию, взяв напоследок номер телефона Флоринского. И прямо на станции с телефона-автомата позвонила ему.

— Слушаю, — ответил глухой мужской голос.

Елизавета торопливо представилась и сказала, что хотела бы встретиться, поговорить, быстро добавив, что находится неподалеку, на платформе Болшево, и готова прямо сейчас подъехать.

- О чем говорить? — захолодел голос по ту сторону телефонной линии.
- О смерти моей дочери.
- Я все рассказал в милиции и в прокуратуре.
- Но я — ее мать! Вы понимаете?!
- Извините, — глухо проговорил Юрий Васильевич, — сейчас я, к глубокому сожалению, занят.
- А завтра?
- Увы, меня в Москве уже не будет. Я уезжаю на полигон.
- У вас проживает Радий Рыжов?
- Временно — да.
- А могу я с ним поговорить?
- Извините, но его в настоящую минуту нет дома.

Елизавете Семеновне захотелось выкрикнуть в трубку, что они все — убийцы, и она их ненавидит, но она сдержалась и молча повесила на рычаг тяжелую трубку.

После приема, который ей оказали в Болшеве и Подлипках, баба Лиза сделала для себя два вывода: первый — со смертью дочери и впрямь дело обстоит нечисто. И второй — действуя в лоб, она ничего не добьется. Идти в дом к генералу, где погибла Жанна, и задавать напрямую вопросы, не годится. Придется действовать окольными путями, применять военную хитрость. Но как? Сердце ее разрывалось от горя, и она не могла ничего придумать.

В гостинице «Мечта» ей отвели койку в номере на шестерых. Она легла, завернулась в одеяло с головой и не заметила, как уснула.

Утром Елизавета Семеновна, толком ничего не придумав, решила поехать на Кутузовский проспект, к дому, где проживал генерал, а там — действовать по наитию. Она беспрепятственно вошла в подъезд, поднялась на лифте, позвонила в нужную квартиру. Дверь распахнулась на ширину цепочки, выглянуло старое востроносое личико в платочке: «Вам кого?»

- Это квартира Старостинных?
- А что это вы спрашиваете? Чего вам надо?
- Вы, наверное, Варвара? — сделала заход с другой стороны бабка Лиза.
- Предположим. И что?
- Тогда вы должны были знать мою девочку...
- Какую еще девочку?
- Жанну Веселову. Она погибла здесь, в этой квартире.
- Эвона как!

Дверь резко захлопнулась. Раздался звук запираемого замка, лязгнул засов, и голос из-за двери выкрикнул:

— Идите, гражданка, отседова! И не приходите больше!

Что оставалось делать бедной бабке Лизавете? Она решила устроить засаду в подъезде, дожидаться генерала или кого-нибудь из семьи и, сев на подоконник, даже задремала, как вдруг дверь Старостиных снова открылась, и давешняя старуха проскрипела:

— Сидеть здесь не можно, гражданка. Я милицию вызову.

Как оказалось, она претворила в жизнь свою угрозу, наряд милиции появился очень быстро. Один милиционер вышел из лифта, а другой в это же время поднялся по лестнице, тем самым беря гражданку Веселову в кольцо.

— Ваши документики, гражданочка? Что вы здесь делаете? Вам придется проехать с нами. Почему? Потому что это режимный объект, и находиться здесь посторонним не дозволяется.

В мотоцикле с коляской бабку Лизавету привезли в отделение. Паспорт сразу отобрали, как ей сказали, «на проверку», и даже посадили, словно преступницу, в клетку за решетку.

Спустя три часа ожидания явился, наконец, следователь. Коротко приказал: «Откройте! — А потом бросил женщине: — Следуйте за мной».

Они проследовали до кабинета. Мужчина предложил ей садиться. Глаза его были усталыми, но добрыми.

— Что это вы, Елизавета Семеновна, затеяли? Пристаете к гражданам, выспрашиваете. Не даете им спокойно трудиться и отдыхать, — укоризненно улыбнулся он.

— Я хочу выяснить, как действительно погибла моя девочка, — твердо проговорила бабуля.

— А я вам все сказал, — развел руками следователь. — Вы, что, советским органам не доверяете?

— И все-таки я бы хотела поговорить со свидетелями. Со всеми, кто присутствовал в квартире во время убийства.

— Могу я узнать, с какой целью?

— Восстановить последние минуты Жанночки.

— Следствие все установило. Что вам еще надо?

— Разобраться, почему не стало Жанны.

— Ну, знаете, хватит! — прихлопнул ладонью по столешнице следователь. — Видит бог, я долго терпел. Я вам тут частным сыском заниматься не позволю. Ишь, приехала! Шерлок Холмс в юбке! Вы, что советской милиции не доверяете? Или вам наши органы прокуратуры не нравятся? Не нравятся, да?! Вы понимаете, что вы, своими действиями, тень на них бросаете?

— Я ничего ни на что не бросала, я хотела просто... — начала оправдываться Елизавета Семеновна.

— Просто! — перебил ее хозяин кабинета. — Хотела она! Нет, это я тебе скажу просто: тебе советские органы и наша прокуратура не нравятся, и ты хочешь их опорочить, потому что тебе вся советская власть не нравится. Потому что ты, Веселова, дочка белогвардейского прихвостня. Думаешь, раз в анкетах про него благоразумно не пишешь, мы о нем забыли?! А ведь он, твой отец, был расстрелян в двадцать первом году органами ЧК — за открытое пособничество белякам! И это еще не все! Ведь ты не пишешь в анкетах, что отец твоей прекрасной Жанночки — на самом деле враг народа, и его в тридцать восьмом году расстреляли.

— Он реабилитирован, — прошептала бабка Лиза. — Мне и справку прислали. К тому же он мне был не муж.

— Да, официально вы с ним в браке не состояли. Но фактически он являлся твоим, Веселова, сожителем, и отцом твоей дочери Жанны! Скажи спасибо судьбе, а, главное, советским органам, что вас обеих, и тебя, и дочку, тогда не репрессировали как членов семьи изменника Родины! Словом, давай, Веселова, забирай тело своей дочери из морга, договаривайся с крематорием, проводи кремацию, и быстренько езжай с урной домой, хорони. И не лезь ты больше в это дело. По-дружески тебе советую, не лезь. У тебя ведь внучка осталась, Валентина, пяти лет. Единственная память о дочери. Самый близкий тебе человек. Хорошая девочка, в детский сад ходит. Ты ведь одна у нее теперь и за папу, и за маму. Так что послушай моего совета, Елизавета Семеновна: не лезь ты в это дело. Дочку не вернешь, а неприятностей себе нажить можешь. Все! Можешь быть свободна! Пока. Но помни, о чем я тебе сказал.

Бабка Лиза послушалась совета. Забрала тело дочери, сожгла его в крематории, увезла на родину и захоронила урну. Но перед тем как уехать, в тот же вечер, записала все, что узнала о гибели дочки. А главное — имена всех причастных:

Старостин Федор Кузьмич, генерал КГБ в отставке.

Его жена.

Прислуга по имени Варвара.

Инженер-конструктор лет сорока пяти — Юрий Васильевич Флоринский.

И молодые, вчерашние студенты:

Вилен Кудимов.

Валерия Кудимова (Старостина), его жена.

Галина Иноземцева (Бодрова).

Ее муж Владислав Иноземцев.

Радий Рыжов.

В семьдесят четвертом году она передала этот список своей внучке, Валентине. Моей маме.

1957 год, август. Город Москва. Владислав Иноземцев

— Иноземцев!

— Я!

— Кудимов!

— Здесь!

— Рыжов!

— Туточки я.

— Рыжов, что за балаган? Вы что, в цирк пришли? Отвечайте по уставному! То есть, как положено!

— Я!

Три друга — «маишника», вместе с другими однокурсниками, впервые прибыли на дежурство комсомольско-молодежного оперотряда.

В пятьдесят седьмом году прошлого века в столице нашей Родины происходило много чудесного и необычного. В частности, заботу по отстаиванию чести и достоинства молодежи было решено возложить на ленинский комсомол. И он начал отстаивать. Своевременно создал оперативные комсомольские отряды, которым следовало патрулировать в горячие деньки Всемирного фестиваля, и в один из таких отрядов были призваны студенты четвертого курса МАИ Вилен Кудимов, Владик Иноземцев и Радий Рыжов.

— Объясняю диспозицию.

Задачу ставил командир оперотряда — замсекретаря факультетского бюро Егор Поливанов. Поливанов Владiku не нравился: был он, в его представлении, старым — отслужившим армию, а, главное, прошедшим Крым и Рим, много понимавшим в жизни и стремящимся непременно оторвать от нее главенствующее место и теплый кусочек. Словом, командир Поливанов был слегка увеличенной и сильно ухудшенной копией Вилен Кудимова, который тоже умел устраиваться — однако Вилен при этом и друзей своих не забывал, и гадостей другим не делал. А Егор, по лицу видно, был способен.

Вокруг него сгрудились человек пятнадцать бойцов — среди них Владик, Вилен, Радий. У всех на сгибах локтей — красные повязки дружинников. Чуть в стороне двое представителей органов: милицейские старшина и сержант.

— Передвигаемся, вытянувшись в цепь — по возможности, скрытно, однако не теряя из виду своих соседей по звену... Сейчас, с началом вечерних сумерек, они как раз и распояшутся. Здесь, в парке, говорят, каждый куст дышит. Поэтому внимательным образом осматриваем все укром-

ные уголки. При обнаружении парочек отрезаем их от возможности отступления, затем окружаем и фиксируем. Грубой силы не применять! — строго обвел своих подопечных жестким взглядом командир. — Особенно это касается в отношении гостей нашей страны. Если иностранный гражданин активно сопротивляется, вы имеете право его отпустить! Пусть уматывает — если ему самому не совестно! Теперь по дамочкам. Их следует задерживать, однако, безо всякой грубости и излишнего насилия. Не давать им уйти, но при этом не унижать их человеческого достоинства. До вмешательства органов правосудия можно провести с правонарушительницей строгую, но вежливую беседу о моральном облике советского человека и женщины. Затем передаем ее в руки правопорядка и продолжаем нести выполнение поставленной задачи дальше, до победного конца.

И отряд разошелся в цепь по парку, держась друг от друга метрах в пятнадцати.

Владик шагал без особого энтузиазма. В высокой траве ничего не шевелилось, не шуршало, а деревья над речкой все ближе и ближе... Вот одно из них: изумрудная завеса листьев приближалась с каждым шагом, и вдруг за нею почудилось мелькание чего-то белого, шепот, возня. Оттуда неожиданно выскочил человек, огромный парень в расстегнутой на груди рубашке. Он пронесся на расстоянии метра от Иноземцева, пихнул его в плечо и помчался дальше, делая широкие прыжки. Владик сделал решительный шаг вперед и оказался под кроной могучего дерева. Под пологом ивы, прислоняясь к стволу, на постеленном на земле одеяле сидела девушка и испуганно смотрела на дружинников.

— Кто такая? — суровым голосом спросил Вилен.

— Кой си ти? Това, което трябва? (Кто вы такие? Что вам нужно? — болг.) — вскочив на ноги, лихорадочно заговорила она.

— О! Иностранка, что ли! — удивился Кудимов. — Или придуривается? Ты кто? Как тебя зовут? — И добавил по-немецки: — Ви хайзен зи?

— Моето имя Мария Стоичкова, — пробормотала девушка. — Аз съм от България. Делегат.

— Ишь ты! — воскликнул Радий. — И она туда же!

— Что ты здесь делала?! — спросил Вилен.

— Аз не разбирам на руски език, — похлопала она глазами.

— Про девчонок-иностранок никакого приказа не было, — тихо заметил Радий.

— И что теперь с ней делать? — также вполголоса произнес Владик и повернулся к девушке: — Пойдем, мы тебя проводим. Где ты живешь?

— Гостиница «Бурятия», — ответила Мария и в окружении дружинников, снявших свои красные повязки, покинула парк.

Гостиница «Бурятия» находилась неподалеку от ВДНХ, и у новых знакомых было достаточно времени, чтобы поговорить в дороге, узнать друг друга лучше. Метро к выставке тогда еще не провели, и дорога на трамвае заняла едва ли не полтора часа.

Говорили по-русски, которым Мария владела значительно лучше, чем показала в момент задержания. Как выяснилось, проживала Стоичкова в приморском городе Варна, училась в местном университете на инженера-электрика. Ее включили в болгарскую делегацию на фестиваль, потому что она прилично танцевала, была солисткой ансамбля народного танца. Ансамбль давал в Москве целых три концерта.

До гостиницы они добрались, когда совсем стемнело. На входе их встретил швейцар, а рядом стояли дама с многопудовым бюстом и пара комсомольцев в белых рубашках с красными повязками на предплечьях:

— Ваши пропуска, молодые люди!

Пропуск в гостиницу имела только Мария, так что друзей внутрь не пустили самым категорическим образом. Болгарка, не смущаясь большого количества посторонних, даже чмокнула на прощание в щеку своих, как она сказала, «спасителей», пригласила их на концерт своего ансамбля и вручила каждому по пригластельному билету.

Но на концерт, проходивший в клубе электролампового завода, явился один Владик, друзья отказались. Их билеты он раздал девчонкам, толпившимся у входа. Ансамбль представлял народные болгарские танцы, но имелись в программе и французские, и ирландские. И еще они выучили, как сказала их руководительница, специально к фестивалю, русскую народную пляску, украинскую и грузинскую. Мария танцевала хорошо, а в нескольких номерах даже солировала. Владик с замиранием сердца наблюдал, как ее юбка с вышивкой взлетает и плещется вокруг ее стройных ножек.

После окончания концерта он принялся вышагивать перед входом, ожидая, когда появится Мария. Они пешком отправились по ночной Москве к ней в гостиницу «Бурятия». Отмахав несколько километров, где-то на Садовом кольце, Владик вдруг, неожиданно для самого себя, сжал девушку в объятиях и поцеловал в губы. Она ответила на поцелуй...

Оставшиеся до ее отъезда дни Владик провел как в бреду. Они использовали каждую свободную минуту для встреч. Но, наконец, наступил день отъезда группы. Новенький венгерский автобус «Икарус» отправлялся от входа, и Владик поразился, что практически у каждого из участников ансамбля оставался в Москве друг или подруга, приобретенные за время фестиваля. Разумеется, и они с Марией обменялись адресами, пообещали, что будут писать друг другу, и поклялись снова увидеться.

Владик честно держал слово, писал Марии даже с целины. От нее тоже приходили письма, по-русски, с забавными описками.

Но вскоре Иноземцев стал встречаться с Галей Бодровой, затем влюбился в нее и, наконец, женился. Вдобавок поступил на службу в секретное КБ, где строго запрещалось общение с иностранцами. В итоге не ответил на одно письмо из Варны. Затем на второе. И Стоичкова тоже перестала ему писать.

Он часто вспоминал ее — с любовью и благодарностью — и думал, что больше никогда в жизни не увидит.

Как выяснилось, он ошибался.

Декабрь 1959-го. Подмосковье. Владик Иноземцев

Чуть ли не с восьмого класса имелся у Владика свой предновогодний ритуал. Когда календарь истончался, и шли последние дни декабря, он непременно вспоминал самые яркие события истекающих двенадцати месяцев. Иной раз выдавалась минутка, и он наиболее впечатляющие случаи даже записывал. Например, в пятьдесят первом, он, как отличник, отдыхал в крымском Артеке. В пятьдесят втором их, школяров, привозили на экскурсию в Москву. В пятьдесят третьем умер Сталин, и он, вместе со всею школой и всей страной, рыдал над утратой. В том же пятьдесят третьем году Иноземцев поступил в институт — в Московский авиационный, набрав на вступительных экзаменах приличные баллы. А в пятьдесят седьмом, возвращаясь с целины, познакомился со своей будущей женой Галей. В пятьдесят восьмом Владислав начал по-настоящему трудиться в секретном ОКБ-1, имел счастье познакомиться с блестящими конструкторами и проектантами Феофановым, Любомудровым, Флоринским — и даже, больше того! — встречался с главным конструктором их «шарашки», секретным академиком и Героем Соцтруда Сергеем Павловичем Королевым. Участвовал (правда, на правах статиста) в том совещании, когда его непосредственный начальник Константин Петрович Феофанов представлял Королеву проектные предложения по будущему кораблю «Восток», на котором в космос предстояло лететь первому человеку.

Но из всех, что были прожиты, год уходящий, тысяча девятьсот пятьдесят девятый, оказался для Владика, пожалуй, самым запоминающимся в жизни. И по количеству событий, и по их масштабу. Начать с того, что он научился прыгать с парашютом ради своей любимой — Гали Бодровой, и после одного из прыжков у нее на глазах сделал ей предложение и по-

дарил фамильное кольцо с бриллиантом. Бодрова согласилась выйти за него, они поженились, у них появился свой первый дом — или, точнее, комната, снимаемая в частном доме в подмосковном Болшеве. А вскоре Галя уже ждала ребенка.

А еще в том году, благодаря счастливому случаю и письму матери (которая, оказывается, тоже работала с Королевым, только давно, в тридцатых годах) Иноземцев вместе с ним летал на новейшем правительственном лайнере Ту-104 в Крым. Подумать только, с самим Королевым, и с другими людьми, «главными по космосу»: академиком Келдышем, конструктором Чертоком. И видел своими глазами, как в военный вагончик, на склоне крымской горы Кошка, пришли из межпланетного пространства первые в мире фотографии обратной стороны Луны.

Однако в уходящем году произошло и одно ужасное событие. Казалось, ничто не предвещало: они, выпускники МАИ, тогда собрались все вместе, впервые за многие месяцы, дома у Вилен Кудимова — точнее, у родителей его жены Леры. Праздновали ее день рождения. Присутствовали, разумеется, Вилен и Лера. С Тюратама, с южного полигона, приехал закадычный дружок Радий Рыжов. Он прихватил с собой старшего товарища — Юрия Васильевича Флоринского. Заявилась, к нескрываемому неудовольствию Леры, Жанна Веселова, к которой молодой муж Кудимов не просто питал нежные чувства, но и, похоже, пользовался взаимностью. Там-то и случилось непоправимое: Жанну нашли в спальне молодых Кудимовых с острейшим грузинским кинжалом в сердце.

И началось: допросы в милиции, в прокуратуре, вызовы повесткой. Очные ставки. Даже снятие отпечатков пальцев. Потом следствие, слава богу, прекратили с резюме: «самоубийство». Но осадок остался. Ах, какой нехороший осадок. Словно все они, и Владик в том числе, замешаны в чем-то гадком, отвратительном.

Потом приезжала Жаннина мама, пыталась выяснить правду о гибели дочери. И кто знает: вдруг эта история снова выплывет? Похоже, она, словно мина замедленного действия, так и останется с ними — надолго, навсегда. А захочется кому-то раскопать ее, можно будет так замараться — до скончания века не отмоешься.

Галя с Владиком каждый день мотались из Болшева в Подлипки на работу: близко, одна остановка на электричке. Галя постепенно прижилась в научно-техническом отделе ОКБ-1. Она потихоньку освоила ракетно-космическую лексику и переводила длиннейшие статьи про космос из «Авиэйшен Уик». Беременность она переносила легко — даже не тошнило и особо не тянуло на соленькое. Иногда, правда, приходили в голову странные идеи. Например, невероятно хотелось прыгнуть с парашютом.

Снова ощутить это восхитительное чувство полета, бросить обнимающий все взгляд вниз, на поля, дороги, деревья, деревни... Или же неожиданно возникало желание увидеть генерала Провоторова, с которым они познакомились в аэроклубе. Почувствовать его сильную руку на своем локте, ощутить, как он берет ее за плечи, как нежно, но властно целует в губы. И хоть она считала, что эта прихоть глупая, невозможная, идиотская, мысли об Иване Петровиче долго не уходили, тревожили, будоражили. И в один из вечеров, когда Владика не было дома, она вошла в телефон-автомат на станции Болшево и набрала номер Ивана Петровича. Он оказался на работе и сразу взял трубку: «Галя?! Вы?! Как я рад! Вы где? Я немедленно выезжаю к вам!» Ей еле удалось отбиться от его напора, и они договорились встретиться завтра в шесть вечера на Ярославском вокзале.

Выдержанный генерал мускулом не дрогнул, когда узрел, что его бывшая подружка в положении. Лишь когда усадил ее в машину, отрывисто спросил: «Нужна какая-то помощь? Лекарства? Медработники? Спецпитание? Одежда?» На все вопросы Галя отвечала решительным отказом. Он предложил поехать в ресторан — она категорически отказалась: «Вы, что, смеетесь? С таким пузом?» В итоге решили прогуляться по заснеженным бульварам. И только тогда он спросил: «А какой срок?» Она ответила. «Так это мой ребенок?!» «Не знаю, — заплакала Галя. — Я ничего не знаю. Может быть, и твой, но, скорее всего, нет — мужа». Провоторов только скривился и тут же заговорил о пустяках. А под конец свидания сказал: «Меня переводят. Другая должность. Совершенно новое, интересное и секретное дело. Поэтому на службу мне больше не звони. Звони домой, по вечерам — хотя я не каждый вечер теперь буду бывать дома».

Галя ждала, конечно, совсем другого. Втайне ей мечталось, что генерал, как увидит ее в положении, да еще узнает о ребенке, который, возможно, его, упадет на колени и станет уговаривать навсегда остаться с ним. Однако она недооценила Ивана Петровича. Несмотря на весь его боевой и летчицкий опыт и нынешнюю полную личную свободу, он явно испугался вот так, с бухты-барухты, связывать себя навсегда с новой женщиной, да еще и в два раза моложе себя, да еще и неизвестно, с чьим ребенком под сердцем. К тому же тридцатилетний семейный опыт генерала заклинал его не верить больше никому — даже такому чистому созданию, каким казалась ему Галя. Но в то же время он совсем не хотел терять ее.

Иноземцев, меж тем, находился в блаженном неведении и по поводу ребенка, который, возможно, был не его, и относительно жизни, что вела Галя. Он был весь поглощен своей работой. Часто пропадал не только в родном «королевском» ОКБ-1, но и в соседнем НИИ-88, куда поставили вторую в стране электронно-вычислительную машину БЭСМ-2. Он считы-

вал с помощью ЭВМ параметры орбиты будущего первого в мире спутника с человеком на борту. Пытался решить не решаемую в принципе задачу: как добиться того, чтобы изделие, в случае отказа тормозного двигателя, не просто удержалось земной атмосферой и, в итоге, достаточно быстро упало на Землю, но и оказалось если не на территории СССР, то хотя бы не в США и не в Западной Европе.

Тогда, в конце пятидесят девятого, Владислав был одной из маленьких шестеренок, что в составе огромнейшего и сложнейшего механизма занимались тем, что до них не делал в целом мире никто. И ради этого Владик готов был пропадать на работе в Подлипках — в своем ОКБ-1 и соседнем НИИ-88 — сутками.

В те времена не существовало долгих новогодних каникул. Тридцать первого декабря обычно работали — правда, перед уходом со службы зачастую наскоро накрывали столы и выпивали по паре рюмок. Первого января отдыхали, и даже Королев на предприятии не появлялся, только звонил дежурному, как дела. А вот Иноземцев планировал погулять в новогоднюю ночь, потом поспать, а к часам к десяти первого числа совершить набег к БЭСМ-2, где ему как раз выделили время.

Утром тридцать первого его вызвал непосредственный руководитель, начальник сектора «Ч» (что означало «человек») Константин Петрович Феофанов. «Наверное, поздравить, — решил Владик, — но почему меня одного?» Однако Феофанов выглядел хмуро, смотрел в сторону. «Что-то случилось», — подумал Иноземцев.

— Меня ЭСПэ вызывал, — начал он без предисловий. «ЭСПэ» все в ОКБ называли за глаза Королева. — Главный попросил передать вот это. Лично тебе.

И Феофанов достал из ящика стола пузатую бутылку шампанского. Этикетка оказалась непривычной, желтого цвета, и буквы на ней были иностранными. Иноземцев никогда подобных «снарядов» не видывал.

— Спасибо, конечно, — пробормотал он. — Но чем я заслужил?

— А вот этого ЭСПэ мне не поведал. Спроси у него сам.

В тот миг Владик понял, что Феофанов просто его ревнует — к странным контактам, которые за его спиной он, один из молодых сотрудников — в отделе без году неделя! — имеет с самым главным конструктором.

— Давайте вместе разопьем, — неуверенно предложил молодой человек. — Сегодня, в отделе?

— Не люблю шипучки, — отрезал Константин Петрович и углубился в расчеты.

Что оставалось делать Иноземцеву? Только пробормотать «спасибо», взять «шампань» со стола и тихо исчезнуть.

У себя он незаметно спрятал подарок в стол — однако история французского шампанского, вдруг пожалованного ему с самого высокого верха, не давала покоя. Он решил поискать Флоринского.

Юрий Васильевич снова вернулся с полигона в Тюратаме в Подлипки, и опять едва ли не половину рабочего времени проводил в импровизированной курилке на лестнице: бродил, думал, мычал, потирал руки и всюду разбрасывал пепел. Бывший соратник ЭСПэ еще со времен планеров в Коктебеле, он знал о подводных течениях в ОКБ многое и был накоротке знаком с большинством заместителей Главного и начальниками отделов. Владик заговорщицки взял его за плечо и поведал историю о нежданном награждении «бутыльментом». Флоринский показался заинтригованным, хмыкнул: «Растете, юноша!» — и пообещал узнать, откуда вдруг взялся сей ценный подарок.

Примерно через час, когда Владик ломал голову над последними результатами расчетов будущей траектории изделия «Восток», Марина, сидевшая в отделе на местном телефоне, позвала его к трубке:

— Вас вызывает Таймыр! — Веселый голос Флоринского процитировал название популярной песни Галича. — Явитесь к месту сбора с теплыми вещами!

«Место сбора с теплыми вещами» означало — лестница-курилка. Владик поспешил туда.

— А теперь расскажите мне, юноша, — без предисловий начал Флоринский, — какое отношение вы имеете к фотографированию обратной стороны Луны?

Молодой человек покраснел — он никому (за исключением супруги) не рассказывал удивительную историю, как летал вместе с самим Королевым в Крым, на станцию дальней космической связи.

— Какое я имел отношение? Да такое же, как все сотрудники нашего «ящика». Поддерживал ударным трудом.

— Рассказывай! Трудишься ты совсем на другом направлении и в другом отделе, — усмехаясь, парировал Юрий Васильевич. — Колитесь, юноша. Чистосердечное признание облегчит вашу участь.

Тогда Владик решился. В конце концов, Флоринский — человек, один из самых близких ему в КБ, они даже сегодня Новый год договорились вместе встречать. Однако рассказывать все следовало с самого начала, и он отвел старшего товарища к дальнему окну и полусшепотом поведал все: про маму, некогда, еще в тридцатых, трудившуюся с Королевым сначала в ГИРДе, а затем в РНИИ, про ее письмо на имя «ЭСПэ», что она передала сыночку. Он тогда подлез с ним к главному конструктору, а тот неожиданно пригласил его в самолет, летевший в Крым на сеанс космической связи

с «Луной», и Владик одним из первых в мире узрел изображение обратной стороны естественного спутника Земли.

— Я бутылку мамочке отдам, — прошептал он. — Ведь, если быть честным, когда б ни ее письмо, я точно с Королевым в Крым не слетал бы.

— Минуточку, гражданин! Вы противоречите сами себе. Вы только что пообещали, что мы разопьем шампань вместе. А теперь — мамочка. Мама, конечно, дело святое, но наш договор?

— Простите, Юрий Васильевич. Но знаете, что? Можно, мы к вам сегодня придем с мамой вместе? Ей одной сидеть у нас дома совсем неинтересно — у нас даже радио нет. А нашей компании она совсем не мешает. А, Юрий Васильич?

— Как имя-отчество мамыши? — деловито спросил Флоринский. — Какого года рождения?

— Я знаю, — засмеялся Иноземцев, — вы предпочитаете гораздо более юный контингент. Она у меня с девятьсот восьмого года. А зовут ее Антониной Дмитриевной.

— Антонина Дмитриевна? Значит, Тоня? — Юрий Васильевич на минуту задумался. — Что ж, приводите и маму, юноша. А, главное, не забывайте свою очаровательную беременную жену и вышеупомянутую бутылку шампанского.

Наступление Нового года Галю Бодрову-Иноземцеву едва ли не впервые в жизни не радовало. Чего веселиться-то, когда в гости пожаловала свекровь. И без того в домике, что они снимали, не слишком много места, а теперь и вовсе не развернешься. Антонина Дмитриевна спала на дореволюционном диване в «гостиной», отделенной от «спальни» занавеской.

Обычно тридцать первого декабря на душе всегда царил радостное настроение, предвкушение чего-то нового, необыкновенного. А сейчас — день как день, будничный, серый, унылый. От «сабантуйчика» на работе, который устраивали девочки в конце дня, Галя отвертелась, в ее положении даже выпить нельзя. К тому же надо было дома доделать винегрет. Два основных блюда, которыми собирались отмечать праздник у Флоринского, поручались Иноземцевым: соорудить студень да винегрет. Спасибо, свекровь взяла на себя холодец — однако огромную кастрюлю винегрета предстояло нарезать Гале.

Она вернулась с работы около шести, привычно затопила печку. Зимой ее требовалось растапливать дважды в день, иначе тепло выдувалось. Никого дома не было, муж, видать, отмечал на работе, свекровь убежала по магазинам: сегодня, в последний день года, торговля, ради выполнения плана, выбрасывала в продажу лучшие товары. Хозяйничать Гале пришлось одной, она сразу бросилась резать вареные овощи.

Свекровь и муж явились одновременно, около восьми, на одной электричке, оказывается, ехали и встретились на станции. Оба выглядели довольными, свеженькими. От Владика пахло спиртным — отметили, значит, на работе. Свекровь явилась с покупками: Владика добыла китайскую рубашку-ковбойку, а Галя — платье, и сразу кинулась помогать невестке. Вдвоем работа пошла веселее.

— Мама, мы возьмем тебя с собой, — вдруг заговорил Владик. — Что ты одна здесь будешь сидеть? У нас ведь не то, что телевизора, радиоприемника даже нет.

— И ничего, побуду одна, отдохну, почитаю, выпью сама с собой.

— Нет-нет, я обо всем договорился, тем более, хозяин — человек практически твоего возраста, да и остальные гости будут все свои.

— А кто, кстати, придет? — уцепилась за последнюю фразу Галя.

— Да наши все, из «ящика».

— Кудимовых не будет?

— Нет. Они ведь не наши.

После ужасного случая в квартире Старостиных — гибели Жанны — Иноземцевы больше ни разу не виделись ни с Виленом, ни с его молодой супругой Лерой. Отношений не выясняли, просто прекратили всяческое общение. И Галя, и Владик молчаливо полагали, что в смерти Веселовых повинна, если не прямо, то косвенно, эта семейка — Вилен и Лера.

К десяти покончили с винегретом, нагрузили в кастрюлю, замотали крышку тряпицей, поместили в авоську. Марлей прикрыли огромный таз со студнем — его требовалось нести в обеих руках, и емкость поручили Владиду. Свекровь тащила в сумке бутылки: невиданное французское шампанское и армянский коньяк. А в одиннадцать были уже у Флоринского.

Дверь открыл не хозяин, а какой-то незнакомый мужчина с бородой, божьего вида. Объяснил: «Юрий Васильевич сражается с магнитофоном». Магнитофоны в ту пору были редкостью, весили пару десятков кило и воспроизводили запись с магнитной ленты, намотанной на огромную бобину.

Семейство Иноземцевых разделось в крошечном коридорчике, поправило прически перед зеркалом и прошло в гостиную.

— Это, Юрий Васильевич, моя мама, Антонина Дмитриевна Иноземцева. А это, мамочка, мой старший товарищ по работе, Юрий Васильевич Флоринский, — представил их друг другу Владик.

Реакция оказалась неожиданной: мама побледнела, как полотно, на ватных ногах доковыляла до стула, села на него — и лишилась чувств.

Обморок, случившийся с мамой, поразил всех. Владик кинулся к ней. Галя бросилась в кухню, притащила воды в чашке, стала протягивать Ан-

тонине Дмитриевне — та не реагировала, сидела, свесив голову набок. Тогда Флоринский отобрал у Гали чашку, набрал воды в рот — и прыснул на маменьку. Она дернулась, открыла глаза и, увидев, что все столпились вокруг нее, тихо прошептала:

— Извините, что-то мне вдруг нехорошо стало.

— Может, таблетку? Валокордин, нитроглицерин? Вызвать «скорую»? Выйдете на улицу? — наперебой заговорили гости.

И лишь хозяин, сложив руки на груди, молча отошел в сторону.

В хозяйстве у Флоринского нашелся трофейный сервиз, разрисованный маркизами-графинями, поэтому винегрет переложили из кастрюли в супницу, а для холодца нашлось огромное блюдо. Владик с облегчением отметил про себя, что с мамой все в порядке, и она включилась в хлопоты по хозяйству. Расставили бокалы, рюмки, пепельницы, включили радиоприемник, и под водочку с коньяком проводили уходящий, пятьдесят девятый год. Ждали курантов. И вот, наконец, часы пробили двенадцать, и все бросились открывать шампанское и кричать «Ура!» А когда немного успокоились, принялись за закуску. Кроме винегрета с холодцом, на столе имелась черная и красная икра, сырокопченая колбаса. Девушки из ОКБ сварганили огромную бадью пирожков — с грибами, капустой, рисом и яйцами. Наконец, утолив голод и жажду общения, все поднялись из-за стола, и начались танцы. Одним словом, новогодняя ночь удалась.

Когда стрелка часов стала подбираться к четырем, девушки засобирались домой, вскоре в сторону Москвы шла первая электричка.

— Мы, пожалуй, тоже пойдем, — проговорила Галя. — В сторону Болшева тоже скоро первый поезд.

Они втроем — Галя, Владик, Антонина Дмитриевна — принялись собираться. Но когда они вышли на лестничную площадку, хозяин вдруг схватил за руку Антонину Дмитриевну:

— А ты, пожалуйста, останься, — и удержал маму в квартире, бесцеремонно захлопнув входную дверь перед стоящими в недоумении в подъезде молодыми людьми.

Антонина Дмитриевна пробыла в квартире недолго, вскоре она вышла, и они втроем отправились в сторону платформы. Всю дорогу мать Владика шмыгала носом и утирала слезы — а Галя даже не находила слов, чтобы ее утешить, настолько странным показалось ей поведение Флоринского.

В это же время, в новогоднюю ночь, когда Советский Союз встречал год тысяча девятьсот шестидесятый, на противоположном конце Московской области, на персональной даче в Барвихе собралась семья Кудимовых — Старостиных. За праздничным столом их оказалось всего четверо:

двое молодых, Лера и Вилен Кудимовы, и чета родителей Валерии — Федор Кузьмич и Ариадна Степановна Старостины. Столь узкий круг объяснялся важной причиной. После того как в октябре в квартире Старостиных на праздновании дня рождения Леры погибла одна из приглашенных, молодые перестали приглашать в дом друзей и подруг. Справедливости ради надо сказать, что после происшедшего никто к ним и не стремился. Друзья перестали звонить и искать общества Леры и Вилены.

Однако гораздо серьезней, чем бойкот со стороны бывших однокурсников, на Кудимова подействовало изменившееся к нему отношение на службе. Официально никаких претензий Вилену не высказывалось, вдобавок тесть Федор Кузьмич постарался всячески уменьшить влияние инцидента на дела как у себя в «ящике», где возглавлял партком, так и на службе у зятя. Однако начальство все равно стало посматривать на Кудимова косо. А перед самым Новым годом его вызвал начальник отдела подполковник Варчиков, предложил сесть и проговорил следующее:

— Товарищ лейтенант, вы хорошо зарекомендовали себя за время службы, поэтому принято решение поручить вам задание особой важности. По оперативным источникам, нам стало известно, что главный противник предпринимает в настоящее время экстраординарные усилия для того, чтобы внедрить (либо завербовать) агента на нашем ракетно-космическом направлении. Больше того! Мы не знаем: возможно, эти усилия противника увенчались успехом, и на одном из наших совершенно секретных предприятий орудует под личиной обычного советского человека предатель и враг. В каком из «ящиков», в какой службе агент противника действует (или начнет действовать в скором будущем) — такой информации мы не имеем. Поэтому принято решение: сработать на опережение.

Варчиков внушительно глянул на Кудимова, а тот тоскливо подумал: «Не знаю, куда он клонит, но, похоже, меня собираются загнать в какую-то дыру: Тюратам, на северный полигон или куда похуже».

— Наши глаза и уши, — продолжил командир, — должны собирать информацию не только открытыми способами. Поэтому руководством принято решение: под прикрытием легенды, что они являются конструкторами, проектантами или инженерами, внедрить сотрудников органов на предприятия ракетно-космического комплекса. И кто, как ни вы, Вилен Витальевич, имея профильное инженерное образование, подходите для подобной миссии.

Вам предстоит проработать с куратором легенду прикрытия и условия связи. А затем вы должны внедриться (мы вам поможем) и действовать среди широкого круга работников предприятия: изучать их настроения, контакты, высказывания. Вы войдете к ним в доверие, и будете выявлять:

вдруг кто-то начал жить не по средствам, стал поддерживать связи с иностранцами или неблагонадежными элементами, или скрыл от органов свое запятнанное происхождение? Впрочем, подробно вашу будущую деятельность вы обсудите с куратором. С ним отработаете легенду — в частности, где и в качестве кого вы работали в истекшие полгода. Время поджимает, поэтому начинайте подготовку сразу с первого января, а первого февраля вам следует выйти на работу на ваш новый объект. Мне жаль, что наше с вами общение на этом замораживается, — фальшиво добавил подполковник, — однако я думаю, что вы принесете Отчизне гораздо больше пользы, выполняя новое, особо важное задание. Вопросы есть?

Вопросов у Кудимова не было. Кроме одного, но задавать его вслух категорически не рекомендовалось: «Значит, вы, товарищ подполковник, поспешили убрать с глаз долой сотрудника, на которого легла тень? Как говорится в анекдоте, непонятно, кто серебряные ложки стащил, но осадочек остался, да? Лучше такого офицера задвинуть куда-нибудь с глаз долой, пусть торчит в ракетном конструкторском бюро под прикрытием — ловит в черной комнате черного кота — которого, скорее, всего, там нет. То есть охотиться на шпионов, которые, может, и не появятся никогда».

В новогоднюю ночь Вилен хотел обсудить ситуацию с тестем. Когда женщины ушли спать, и Кудимов со Старостиным остались тет-а-тет, оба заметно повеселели. Старший по возрасту (и званию) даже отставил рюмочки — что с ними возиться! — и плеснул коньяк в фужеры. Казалось, он, несмотря на происшедшее, не утратил прежней симпатии к Вилену.

— Знаете, Федор Кузьмич, — взял быка за рога зять, — что меня отправляют работать под прикрытием?

— Как не знать, — усмехнулся генерал-полковник в отставке, — и скажи спасибо, что я вовремя прослышал и вмешался, а то ехали бы вы с Леркой на северный полигон, в Плесецк.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Кудимов. — Давайте выпьем за вас и ваше здоровье.

— То-то же! — крикнул Старостин. Они чокнулись, выпили. — Но ты знаешь, Виля, я буду откровенен: размышлять стал — а тот ли ты человек, на кого можно положиться? Годишься ли ты для нас? Для нашей семьи? А меня вдруг не станет — кто вас с Леркой тогда прикроет?

— Тот я человек. Подходящий. Можете не сомневаться, — глядя на него исподлобья, ответил Вилен.

— Хотелось бы верить. Да и пора бы тебе, паренек, самому выстраивать карьеру! А ты, вишь, наоборот, с самого начала вляпался в историю и вместо спокойного карьерного роста ссылку получил. Теперь сиди в

этом королевском КБ, ищи шпионов — которых там, верно, днем с огнем не сыщешь — откуда им взяться? Поэтому ясно, что для дальнейшего продвижения по службе твоя новая должность — полный тупик. Можешь под крышей инженера в ОКБ лет двадцать просидеть, до пенсии. Капитана тебе еще дадут, а вот майора — вряд ли. Выхода оттуда для тебя два — либо и впрямь отыскать агента ЦРУ, на что имеется один шанс на миллион, либо сваливать под любым соусом, вплоть до увольнения из органов по причине здоровья, и в другом месте, в иной профессии начинать по-новой. Я тебе, Вилен, пока меня самого на пенсию не спровадили, конечно, постараюсь помочь. Но та история, что по вашей с Леркой милости в моей квартире случилась, думаешь, по мне не ударила? Еще как ударила! Думаешь, у меня нет зловредных руководителей? Или завистливых коллег? Еле отбился! Давай еще по одной... — Тесть снова налил себе и зятю добрых грамм по сто коньяку в фужеры. Чокнулись, залпом выпили, и вдруг Старостин спросил в упор:

— Как она, хоть стоила того?

— Вы о ком? — переспросил Вилен, делая вид, что не понимает.

— Дурачка-то из себя не строй! Баба твоя левая, с которой ты Лерке изменял!

Кудимов выдержал паузу, а потом отчетливо проговорил:

— Товарищ генерал-полковник в отставке! У нас с вашей дочерью Лерой — семья. Я — ее муж, и ради нее готов сделать все, что угодно. Даже в тюрьму сесть, если понадобится. А все остальное, что в моей жизни происходит, ни ее, ни вас лично касаться не должно.

— Только почему-то касается! — грохнул кулаком по столу Старостин. — Почему-то мне приходится за тобой подтирать! Мальчишка!

— Виноват, Федор Кузьмич. Больше ничего подобного не повторится. Обещаю вам, — опустив голову, хмуро произнес Вилен.

Вернувшись под утро первого января в свой съемный домик в Болшево, Иноземцевы улеглись спать. А когда Галя ближе к двенадцати проснулась, свекровь уже поднялась, истопила печку и хлопотала в закутке, обозначавшем кухню.

— Вы поспали? — вежливо поинтересовалась Галина.

— Немного. Старческий сон короткий.

— Бог с вами! Сколько вам? Пятьдесят?

— Скоро пятьдесят три.

— Разве это возраст! Вон, вы каким успехом пользуетесь! — подпустила шпильку Иноземцева-младшая.

— Флоринского имеешь в виду? Это не успех, это ностальгия.

— Значит, есть, о чем вам двоим вспоминать?

— Да, мы когда-то встречались, — скупое пояснила Антонина Дмитриевна. — Еще до войны.

— Вот как? Возраст у вас обоих был тогда для романов подходящий.

— Перестань ерничать, Галина, — устало проговорила свекровь. — Это наше с Юрием Васильевичем дело, и никого другого оно не касается.

— Владик приедет, чтобы вас на вокзал проводить? — сменила тему Галя. Свекровь, слава богу, возвращалась сегодня в свой Энск, поезд уходил во второй половине дня.

— Нет, я и не просила меня провожать, а зачем? До станции я одна дойду, а в Москве мне только Комсомольскую площадь перейти.

— Чемодан-то у вас тяжелый! Давайте, я у хозяйки саночки возьму, мы его с вами до платформы довезем.

— Зачем, Галочка, тем более, в твоём положении? Прекрасно доберусь сама.

— Нет, Антонина Дмитриевна, позвольте, я все-таки до станции вас доведу, — твердо произнесла Галя.

Вдруг у нее снова возникло желание, чтобы в ее жизни появился Провоторов. «Что ни говори, даже если ты замужем, дополнительный ухажер не помешает. Или, может, я — слишком испорченная?»

В то же самое время генерал Провоторов как раз думал о Гале. У него с войны повелось: семейные, а, тем более, личные вопросы, решать самому, на помощников-адъютантов не перекладывать. Чем меньше они знают, тем меньше у них искушений наступать — заложить — посплетничать. Зачем кому-то владеть информацией, что товарищ Провоторов оказывает протекцию молодой, но замужней и беременной сотруднице секретного КБ из Подлипков? Сразу начнутся вопросы, домыслы, догадки: зачем да почему, с какой стати?

По той самой причине — чтоб было меньше разговоров — генерал не стал договариваться о родах с «кремлевской» больнице, хотя имел все возможности. Но там слишком много любопытных глаз и болтливых языков. Другое дело — роддом имени Грауэрмана. Тамошние врачи не станут трепаться, что генерал-майор привел туда рожать свою якобы племянницу.

Иван Петрович сам выяснил адрес прописки гражданки Иноземцевой (в общежитии в Подлипках), и адрес фактического проживания, и ее рабочий телефон (домашнего, разумеется, не было). Теперь предстояло встретиться с Галей и договориться принять его бескорыстную помощь. Дома мешался муж, по рабочим телефонам подобные вопросы не обсуждались. Однако не эти тривиальнейшие занозы мешали свиданию Провоторова

с молодой женщиной. Не хватало времени — генерал получил новое назначение. Сам главком ВВС предложил ему дело, интереснее и важнее которого трудно было представить, и, разумеется, он, не колеблясь, согласился. А что за дело? Именно Провоторова назначали начальником спецгруппы ВВС №1. В спецгруппу входили молодые летчики-испытатели, отобранные врачами и мандатными комиссиями для полета в космос. На фоне новой задачи меркли его маленькие матримониальные планы. Да и суеты появилось множество: разместить в Москве двадцать молодых летчиков и их семьи, составить, совместно с учеными и конструкторами, программу подготовки будущих советских астронавтов, выбивать штаты, фонды, квадратные метры. Но все равно, в короткие минуты передышек, когда он, наконец, оставался наедине с самим собой, Иван Петрович вспоминал Гаю, и на душе его теплело: она такая умная, хлесткая, красивая! Она его судьба, и нечего ей делать в компании мужа-мальчишки, в съемном холодном домике на станции Болшево. Ей должна быть уготована гораздо более высокая миссия — быть рядом с ним. В любом качестве.

Когда Галя провожала до станции уезжавшую в свой Энск свекровь, Антонина Дмитриевна ей вдруг сказала:

— После родов приезжай с малышом к нам в Энск.

— К вам? Зачем?

— А что, ты с лялечкой в этом домике фанерном собираешься ютиться? В щели свистит, электропробки выбивает, печка дымит. Воды горячей нет, удобства во дворе. Как ты малыша купать, к примеру, будешь? А ведь надо каждый день. В одиночку неподъемно, а Владька наш на своей работе пропадает, помощи от него не дождешься. Поэтому — приезжай к нам.

— У меня ведь и своя мама есть.

— Твои родные, насколько я знаю, тоже проживают в поселке? В частном доме? Да и мамочка твоя живет одна: и работает, и хозяйство ведет.

Галя с обидой подумала: «Моя мать мне поселиться у нее после родов даже не предлагала». А свекровь продолжала:

— Вдобавок нас трое: Ксения Илларионовна, бабушка Владика, на пенсии, а сил у нее еще много. Аркадий Матвеич, хоть и работает, зато детишек любит, своих у него нет. А главное — у нас в Энске отдельная квартира, с паровым отоплением, ванной. Я работаю в двух шагах от дома, смогу прибегать, обед приготовить, вас накормить. Право, приезжай — на весь срок декретного отпуска.

— Спасибо вам, конечно. — Галя остановилась и от души поцеловала свекровь в холодную щеку. — Я подумаю.

Потом посадила женщину в электричку, помахала ей с перрона рукой — и бросилась к автомату, звонить генералу Провотворову.

— Галочка! — растроганно воскликнул он, услышав ее голос. — Как хорошо, что ты позвонила! С Новым годом тебя! Я никак не мог поздравить — был постоянно в разъездах. Но замечательно, что ты вышла на связь. Знаешь, я договорился о том, где ты будешь рожать — роддом имени Грауэрмана, слышала про такое место, на Арбате? Лучший в Москве!

— Я знаю про этот роддом. Но мне, право, неудобно.

— Перестань. Это не для тебя, а для твоего ребенка. Я тебе дам фамилию врача. Надо просто сказать, что от меня, и там все сделают.

— Спасибо.

— Не имеет значения. И еще — я хочу тебя видеть. Завтра у тебя выходной? Слава богу, я к вечеру сумею освободиться и приеду к тебе.

— Что вы! — испугалась она. — А муж?!

— Да, муж... Тогда давай встретимся на станции. Я повезу тебя кататься. Сходим в кино, в театр. Я в любой достану билеты — только скажи, куда ты хочешь.

— Нет-нет, я думаю, это неудобно.

— Ладно, давай встретимся — а там решим.

— Хорошо, — вдруг согласилась Галя, хотя не собиралась этого делать, — приезжайте завтра в семь вечера на станцию Болшево. Выход с платформы на правую сторону, по направлению движения электрички.

— Слушаюсь. Я буду.

— Тогда до свидания, а то я замерзла.

Вечером первого января Владик приехал с работы довольным.

— Завтра я на службу не иду, — доложил он, уминая остатки новогоднего винегрета. — Поэтому у меня к тебе предложение: а давай махнем в Москву, погуляем, в кино сходим?

— Наконец-то проснулся! — язвительно проговорила Галя. — А я думала, ты навсегда со своей счетной машиной повенчался.

— На завтра мне машинного времени не дали, — бесхитростно объяснил Иноземцев.

— Поэтому ты, наконец, вспомнил, что у тебя есть жена.

— Ласточка, я всегда о тебе помню, — прогудел он.

— Ага, когда тебе вдруг от меня что-то надо. А я уже и не ждала, что ты вдруг на меня внимание обратишь! Поэтому, знаешь ли, договорилась завтра ехать в Москву — но не с тобой.

— Вот как? С кем же?

— Ольга, моя подружка из отдела, ты ее не знаешь. Погуляем, посмотрим вещички для малыша в «Детском мире». Коляску, например.

— Покупать вещи до рождения — плохая примета.

— Ага, а потом, когда я рожу, ты, что ли, будешь по магазинам носиться?

— Я.

— Нет у меня к тебе доверия, Владислав, — вздохнула Галя. — Ты о своих изделиях только и думаешь. Где тебе коляски-кроватьки покупать. Поэтому я завтра еду в город с Олей.

— Ну, и ладно, — легко согласился Владик. — Я тогда завтра отосплюсь, дровишек наколю, книжку почитаю. Мне тут Стругацких принесли, «Страна багровых туч» — отечественная фантастика, говорят, интересно.

Галя отбилась от предложения Владика проводить ее до станции — впрочем, тот особо не настаивал. Он валялся с книжкой на диване и так увлекся, что не заметил, как в дом вошла хозяйка тетя Дуся — вдова, сдававшая им с Галей угол.

— Привет, Владик!

— Здравствуйте, тетя Дуся, — откликнулся молодой человек.

— А ты, я гляжу, один тут хозяйствуешь? — начала издали тетя Дуся.

— Да, блаженствую в одиночестве.

— А куда Галочка отправилась?

— В Москву поехала, будущему малышу приданое присмотреть.

— Ага, — глубокомысленно проговорила хозяйка, помолчала и вдруг спросила: — А что у вас за родственник с машиной объявился?

— Какой родственник? С какой машиной?

— Ой, я, наверное, зря сказала.

— Нет, вы уж, тетя Дуся, договаривайте.

— Да я со станции шла, в Немчиновку, к сестре ездила, с Новым годом ее поздравлять. И вот, возвращаюсь и вижу: идет твоя Галочка, такая красавица, в пальтишке модненьком, и подходит к машине. А оттуда мужчина вылезает, в форме, в генеральских погонах! Видный, немолодой, лет пятидесяти, с седыми висками. Он Галочке твоей руку жмет, дверцу перед ней открывает, в лимузин за ручку подсаживает. А потом сам сел за руль, и они уехали! Вот я и думаю: кто это, родственник? Отец ее, может? Или дядюшка?

— Да нет у нее никого, — ошеломленно проговорил Владик. — Ни отца у нее не имеется, ни дядюшки. Тем более, генерала. И с машиной. А вы уверены, что это она была?

— Она, дорогой ты мой, как же я свою Галочку-то, да не узнаю. И пальто ее, и ботики, и шляпка. И животик. Да ты не волнуйся, может, начальник

ейный, или другой какой сослуживец. Встретил, да и подвезти решил. А, может, заранее сговорились.

Иноземцев потихоньку темнел лицом. «В Москву они поехали, с Ольгой, — подумал он, — приданое малышу присматривать! Да ведь сегодня воскресенье, какое приданое, магазины все закрыты, тем более после Нового года! Эх, ну и дурак же я!» Однако нашел в себе силы сдержать эмоции и картинно хлопнул ладонью по лбу:

— Как же я забыл! Ведь это генерал Остапов (откуда только выскочила вдруг фамилия?), начальник нашего отдела, коляску старую, что от его внучка осталась, отдать обещал!

— Оста-аплов? Начальник? — недоверчиво протянула тетя Дуся, однако потемнела лицом, расстроилась, что разоблачения неверной жены не получилось.

Иноземцев молча отвернулся. Ни видеть тетку Дуську, ни разговаривать с ней он больше не мог.

Утром третьего января Владика вызвал к себе его начальник Константин Петрович Феофанов. Был он хмур, смотрел недобро. «Что это руководитель косится? — подумал чуткий к чужому настроению Владик. — Продолжает расстраиваться, что Королев меня одарил шампанским? Ревнует к моей с ЭСПэ близости? Но ведь он давно знал, что мы с Главным конструктором в Крым на станцию связи с «Луной» летали. Мог бы пережить сей факт. Или плохо провел новогодние праздники? Или с работой у него не ладится? Впрочем, что гадать!»

— Хватит тебе ерундой заниматься. — КаПэ снял очки, устало потер глаза.

— Почему ерундой?

— Ты ответил на вопрос: на какую орбиту должно быть выведено изделие, чтобы в случае отказа тормозной установки замедлиться, за счет трения об атмосферу, и упасть не позднее чем через десять суток?

— Апогей должен быть двести пятьдесят-двести семьдесят километров от поверхности Земли. Перигей — не выше двухсот, не ниже ста семидесяти.

— А рассчитали, куда оно может упасть?

— Задачу решить пока не удалось.

— И не удастся. Рассчитать это невозможно. Поэтому хватит тратить свое собственное рабочее время и зря гонять БЭСМ смежников. Я закрываю эту тему. — Феофанов значительно посмотрел на молодого инженера.

— Слушаю и повинуюсь, — не стал спорить тот. В глубине души он и сам понимал: задача, порученная ему, решения не имеет. А если даже

имеет, то не принесет практического значения. К тому же в голове шумело от вчерашней выпивки и бессонницы. Он только переспросил: — Тогда чем сейчас заниматься?

— ЭСПэ настаивает, чтобы мы для нашего «Востока» сделали резервную тормозную установку. Я — категорически против. Главным образом, потому, что с существующей ракетой у нас резерва по массе нет. Никакую запасную установку мы в космолет не впишем. Поэтому предлагается паллиатив. Знаешь, что такое?

— Да. Полумера.

— Начитанный товарищ, — по-доброму улыбнулся КаПэ. — А именно. Чтобы продублировать датчики автоматической системы ориентации, следует допустить к управлению изделием пилота. Чтобы наш будущий астронавт смог: первое — сориентировать космолет нужным образом, и второе — включить, когда надо, тормозную установку, если она не срабатывает автоматически. Придумай систему, как пилот будет ориентироваться. И ручку какую-нибудь, что ли. Чтобы она была похожа на рычаг управления самолетом и была удобно расположена в кабине. Тут еще один, довольно тонкий момент. Как ты, наверное, слышал, недавно произведен набор в спецгруппу ВВС номер один. Отобраны двадцать человек, один из которых станет нашим первым советским астронавтом. Ребята все — бывшие летчики. Здоровьем обладают отменным, однако институтов они не кончали-с. У всех за плечами летное училище. А это значит, что они — люди действия, а не наблюдения. Рефлектировать и прислушиваться к вибрации корабля, или, допустим, работе тормозных двигателей они не будут. Но и лежать в кабине, сложа руки, словно подопытные морские свинки, этим летчикам будет невмоготу. Следовательно, надо дать им хотя бы иллюзию того, что они управляют космолетом. (Или, как говорит Сергей Палыч, космическим кораблем). А управлять они, фактически, могут лишь одним... Ну-ка, коллега, чем именно? — задал неожиданный вопрос Феофанов.

— Тормозной двигательной установкой.

— Вот именно! Понял, какое еще значение имеет твоя работа, Иноземцев? Пси-хо-ло-ги-ческое... Поэтому давай, приступай, не медля. Я тебя назначаю руководителем группы, можешь брать какие угодно документы по изделию, кого угодно привлекать из расчетчиков и чертежников, но чтобы к 17 января эскизный проект был готов. А потом тебе предстоит написать подробную инструкцию — как пользоваться ручной системой ориентации. Вопросы есть?

— Да.

— Задавай.

— Семнадцатое января — нереальный срок.

— Я сказал, первые прикидочные эскизы. Ты ведь знаешь: наш ЭсПэ всегда дает нереальные сроки. А мне ему двадцатого по теме докладывать. Ясно?

— Ясно.

— Ну, тогда иди, Иноземцев.

Забуться работой — только это теперь Владу и оставалось.

Вчера, после того как хозяйка донесла на Гаю, он, прямо говоря, напился. Вылакал полбутылки водки и рухнул на кровать, ни печь не протопив, ни носки не сняв.

Среди ночи проснулся. Галя лежала рядом. Он не стал зажигать свет, начал принюхиваться. От жены не пахло ничем посторонним: ни вином, ни чужой любовью. Это успокоило, хотя как она пахнет, эта чужая любовь, Иноземцев не знал.

Он тихонечко встал, прошелся по комнате, зажег ночник. Будильник показывал половину четвертого утра. Но спать ему больше не хотелось. Он вскипятил на кухне воду, заварил чай — густой, крепкий, все равно не уснуть — и выпил две добрых кружки. А утром, стараясь не разбудить Гаю, пожевал пирожки, прихваченные вчера с праздничного стола у Флоринского, и отправился на работу.

В коридоре ОКБ Владик наткнулся вдруг на знакомую фигуру: Вилен! Тот обрадовался (или сделал вид, что рад), заулыбался, долго тряс руку. Будто и не случилось ничего в прошлом октябре, словно и не было бойкота, который, не сговариваясь, объявили Кудимову старые друзья, знавшие правду о смерти Жанны.

— Здорово, Владька! Страшно рад тебя видеть!

— А ты к нам как? В местной командировке?

— Нет, брат! Теперь я у вас работаю, понял! В семнадцатом отделе. Проектант.

— А почему с места распределения сбежал?

Впоследствии Владик ругал себя за непринужденный разговор с Кудимовым. Хотя, одновременно, перед собой и оправдывался: а что мне было делать? Пройти мимо? Сделать вид, что не заметил? Вдобавок неожиданно встреча случилась, сразу не сообразишь, как себя вести.

Вилен доверительно понизил голос и начал излагать легенду, разработанную совместно с куратором для прикрытия внедрения на ОКБ-1:

— Скучно мне в том ящике стало, и я узнал, только не спрашивай, откуда, что у вас тут местечко образовалось для молодого-перспективного. Пошел к своему руководителю — а что он, не человек, что ли? Вошел

в положение и отпустил — даже переводом, ни одного рабочего дня я не потерял. Так что вместе теперь пахать будем! Ты заходи, я в этой комнате сижу, а ты?

Ничего не оставалось, как назвать номер комнаты, где он работает. «Может, и впрямь восстановить отношения? — думал Владик, сидя в своем кабинете. — Кудимов, конечно, прощельга, и с Жанной поступил отвратительно и ужасно — но все-таки почти шесть лет в одной комнате прожили, теперь работать вместе будем. Может, простить его?»

На работе у него было полно дел. Для начала следовало изучить чертежи и другие материалы по изделию «Восток». Они хранились в первом отделе и выдавались для ознакомления только там, на месте. Владик просматривал чертежи, эскизы и пояснительную записку к проекту космолета (как упорно называл «Восток» Феофанов) или космического корабля (как его не менее упорно именовал Королев), и изделие (как величали его режимщики) ему нравилось. Все просто, безыскусно и грамотно. И красиво.

Пока он знать не знал, и ведать не ведал, что созданный им механизм останется невостребованным во время первого — а также шести последующих — космических полетов. А вот на седьмой раз, пять лет спустя, — спасет жизни двум советским космонавтам. Но все это будет далеко впереди. А сейчас — запустить бы на орбиту и вернуть первого человека!

Его вызвал к себе Феофанов:

— Спецгруппа ВВС номер один прибыла для прохождения дальнейшей службы в Москву. Надо их готовить к полету и тренировать. Но вот как — никто не знает. То есть, с точки зрения физических упражнений, в целом понятно: центрифуга, вибростенды, сурдокамера, медленное поджаривание или суперохлаждение, прыжки с парашютом. Но ведь должны быть, черт возьми, у них и теоретические занятия. Не одной же марксистко-ленинской подготовкой заниматься — с ума сойдут! Поэтому решено, что я будущим астронавтам прочту курс лекций об устройстве космолета, или, если угодно, космического корабля. И тебе, товарищ Иноземцев, поручается прочесть спецгруппе ВВС номер один доклад на тему, с какими испытаниями — при разных раскладах, в особенности, при плохом, — придется встретиться пилотам во время полета. Перегрузка, вибрация, жара, холод, одиночество, невесомость. Надо обосновать, понимаешь ли, для чего мы здесь, на Земле, подвергаем их столь суровым тренировкам. Задача ясна?

— Так точно, — выдохнул Владик.

— Поэтому ровно через неделю, время на подготовку есть, тебе надлежит прочитать этим парням из ВВС часовую лекцию. Эти парни-летчики — твои ровесники, поэтому, думаю, вы найдете общий язык. Только имей

в виду, что они вузов не кончали, и, хоть ребята здоровые, смышленные и даже остроумные — все ж таки военные, и рассказывать им надо попроще, без интегралов с дифференциалами.

Давай — вперед, и с песней!

Тем временем Гале подходило время рожать. Страшно было, но она подбадривала себя: неужели страшней, чем первый раз из самолета выпрыгнуть? Провоторов несколько раз звонил ей на работу. Обещал, что роды принимать будут лучшие врачи, они сделают все, как надо, и все будет хорошо. Тон генерала в телефонной трубке звучал сухо и деловому. Единственное, что радовало в тех разговорах — короткие реплики Ивана Петровича: «Я все для тебя сделаю, Галя. Для тебя и твоего сына».

Владик тоже хлопотал вокруг будущего отпрыска. Купил им билеты в Энс, в мягком вагоне — в те времена запасаться проездным документом следовало заранее, иначе не достанешь. Даже странно было, что они, по этим имевшимся двум билетам, покатают втроем, и третьим человеком станет тот, кто сейчас бьется у нее под сердцем.

Галя рассказала Владу, что рожать она станет у Грауэрмана — тот был, конечно, в курсе, что это лучший роддом Москвы. Спросил: «Каким образом ты туда устроилась?» Она наврала, краснея, про сотрудницу из отдела, у которой там работает мать, и которая оказала ей столь нужную любезность. Муж вроде бы поверил — однако роды в самом престижном столичном роддоме стали еще одним камнем в здании его подозрений.

Больница в центре Москвы потребовала заранее решить и другую проблему: как довезти туда роженицу? «Скорую» вызывать нельзя было — она, согласно инструкции, доставит будущую мамашу в ближайший или дежурный роддом. Помыслить о том, что можно подкупить врача из «неотложки», чтобы отправил ее на Арбат, Владик тогда даже не мог. Вызывать такси, когда начнутся схватки, тоже было боязно — вдруг опоздает или завязнет в сугробах. Требовалось что-то придумать.

Частных машин у них в поселке было — раз-два, и обчелся. Однако одна из них принадлежала семейству Смирновых, жившему неподалеку. Семья была большая — три поколения существовали под одной крышей. Самые старшие, Федор Никифорович и Вера Павловна, средние — их сын Евгений Федорович и его жена, полячка Ядвига, и третье, в лице их сына, Женика-младшего. Трудились все, за исключением шестилетнего Женика, в ОКБ-1, Федор Никифорович еще с тех времен, когда нынешняя «королевская шарашка» была артиллерийским заводом. Руки у всех были золотые, головы ясные.

Евгений Федорович, сорокалетний крепкий мужчина, прошел войну. В тяжелейшем сорок первом, когда медалями не баловали, награжден был орденом Красной Звезды, в сорок втором ранен и комиссован по болезни. Выучился в техникуме, потом в институте, работал инженером — вот на таких людях, как он, рукастых, головастых и безотказных, держалось тогда производство королёвских ракет и спутников. Владик даже немного робел перед ним, кто он, в сравнении с Евгением Федоровичем, — сосунок, теоретик, без году неделя.

Вот к этому человеку он и отправился договориться, чтобы тот, как придет время, доставил Галю в роддом Грауэрмана. «Отвезу! — Похлопал его по плечу Евгений Федорович. — Если вечером или ночью случится, беги прямо домой ко мне, я никуда не собираюсь в ближайшее время. А если днем вдруг прихватит — на завод звони, отпрошусь, приеду. Доставим женушку, куда скажешь». — «Бензин я вам компенсирую», — проблеял Иноземцев. «Стыдно мне даже слышать такие речи», — усмехнулся Смирнов.

Роды, как это часто бывает, начались в самое неподходящее время: в ночь на тот самый понедельник, когда Владiku предстояло прочесть лекцию спецотряду ВВС. Галя разбудила его среди ночи, и он, натянув брюки, впрыгнув в валенки и на ходу застегивая тулуп, бросился по тропинке к Смирновым. «Как бы не опоздать, как бы не опоздать», — билось в голове. Подбежал к дому, стал барабанить, как условлено, в окошко. Буквально через секунду показался заспанный Евгений Федорович в нательной рубашке. Закивал головой, прокричал сквозь рамы: «Сейчас буду», и Владик понесся назад.

Галя уже оделась и безучастно сидела на диване. Кажется, схватки немного отпустили. «Может, ложная тревога?» — с надеждой спросила она. «Все равно поедем, — мотнул он головой, — врачи разберутся». Через пять минут подъехал поднятый по тревоге Евгений Федорович. Владик помог Гале надеть пальто и ботинки, они сели в «Москвич», и машина помчалась в сторону Москвы.

Вскоре они были уже на Арбате и остановились перед клиникой Грауэрмана.

Владик подхватил жену под руку с одной стороны, Смирнов с другой, и все трое пошли в приемный покой.

— Вас просили принять, от Семена Аркадьевича, — произнес в окошко Иноземцев условленную фразу и протянул паспорт супруги. Санитарка пошуршала бумажками, а потом крикнула куда-то за спину: «Вера! Люба!» Через пару минут из больничных покоев вышла, позевывая, тетка в белом халате, провела Галю и Владика в комнату с голыми стенами и кушеткой, застеленной клеенкой, и с равнодушным радушием сказала: «Переоде-

вайся, касатка, в больничное. А ты, парень, одежду-то ее забирай». — И вышла.

Владик помог Гале переодеться. Когда все было готово, она стояла в уродливом больничном халате, растерянная и почему-то суровая, и неожиданно произнесла: «Если что, ты прости меня, Владик, за все». Сроду Галя никогда перед ним ни за что не извинялась, а тут вдруг... «Перестань, — поморщился он, — все будет хорошо, к утру ты станешь мамой». Пришла санитарка и увела ее куда-то по коридорам, а Иноземцев схватил узел с ее одеждой и выбежал из приемного покоя.

Было пять утра. Домой его Смирнов привез к шести, а в семь надо было выезжать, читать лекцию будущим советским астронавтам.

Владик вышел заранее, и со станции Болшево, из автомата, позвонил в роддом. Сердце колотилось. Дежурная пошелестела бумагами, равнодушно ответила: «Иноземцева? Нет, пока не родила».

Ехать ему следовало на станцию Чкаловская, по той же Ярославской дороге. На платформе его встретил солдатик на новом «газике», молодецкато отдал честь:

— Здравия желаю, товарищ инженер!

Ехали проселком, лесом, среди величавых сосен. Наконец «газик» подъехал к двухэтажному корпусу. Вокруг дома кипела работа — десятки солдатиков одновременно рыли траншею, ставили столбы для линии связи, мостили дорогу, заливали бетон для фундамента новых зданий. Владик быстро взбежал по лестнице на второй этаж. Солдатик шел впереди, показывал ему дорогу.

В обыкновенном классе, с партами в два ряда и черной школьной доской, сидело человек двадцать молодых офицеров. Примерно его возраста, в летчицкой форме. Один майор, пара капитанов, остальные — в основном старлеи. Преподавательское место занимал генерал — немолодой, лет пятидесяти, тоже в летчицких погонах и с золотой звездой Героя на груди. Он сурово глянул на вошедшего штатского, затем выразительно посмотрел на свой наручный хронометр и скомандовал:

— Товарищи офицеры! Представляю вам инженера с завода, который создает технику, на которой вам придется работать. Его зовут... — вопросительно повернулся он к молодому человеку.

— Иноземцев Владислав, — представился тот и добавил: — Дмитриевич.

Если бы Владик не был настолько поглощен предстоящей лекцией перед молодыми военными, то заметил бы, как дрогнуло лицо у генерала, и насколько внимательными стали глаза, рассматривающие его.

«Не может быть! — думал Провоторов. — Иноземцев?! Муж?! А почему бы нет, спрашивается? Они с ним в одном КБ работают, Галя говорила. Господи, кто он такой? Мозгляк, мальчишка, стилияга! Ишь, белая рубашечка, галстучек-шнурочек. Щенок! Я в его годы уже сотни часов налетал, из горящего самолета дважды прыгал, эскадрильей командовал. Мне орден Красного Знамени перед строем полка вручали! А этот? Пижон! И Галя выбрала его?! Да я его без хлеба скушаю!»

Эти мысли вихрем пронеслись в голове, а вслух Провоторов сказал:

— Вы, товарищ инженер, начинайте свою лекцию, занимайте место у доски, вам дается два академических часа с перекуром пять минут. Товарищи офицеры, без команды передаю слово товарищу Иноземцеву. — И вышел из класса.

— Товарищи офицеры, — начал Владик, — я хотел бы вам рассказать, как будет происходить ваш будущий полет на изделии, что мы создаем, какие возможны в ходе его осуществления трудности и препятствия, которые вам придется преодолеть. Итак, начнем. Первый этап полета — это вывод космолета, которым вы будете управлять, на орбиту вокруг Земли. — Он нарисовал на доске мелком шар — Землю, палочку-ракету и пунктир: ее путь от старта до орбиты. — В ходе старта космолет и все, что находится внутри него, обязательно подвергается перегрузкам, как установлено, до четырех-пяти «же». Более того, если вдруг не сработают двигатели третьей ступени, космолет может, не выйдя на орбиту, совершить аварийную посадку по баллистической траектории, и в этом случае перегрузки могут достигнуть двадцати «же». «Же» — это ускорение свободного падения, и оно составляет, в зависимости от широты местности, около девяти целых и восьми десятых метров на секунду за секунду.

На лице одного из летчиков, сидевшего на второй парте, заблистала улыбка:

— Товарищ лектор! — воскликнул он с места самым невинным тоном. — Вы нам еще про дважды два четыре расскажите — вдруг мы не в курсе.

Класс грохнул. Владик покраснел и быстро понял: испытатели далеко не так просты, как кажется, с мозгами и с юмором у них все в порядке. А этот старлей — наверняка неформальный лидер коллектива, такому палец в рот не клади.

— Простите, кто это сказал?

— Старший лейтенант Гагарин! — послушно поднялся старлей, хлопнув крышкой парты.

— Я понял смысл вашего замечания, товарищ старший лейтенант: вы совсем не дураки, и люди образованные. Поэтому в дальнейшем не буду делать ни вам, ни другим товарищам офицерам никаких скидок. Можете садиться.

Аудитория откликнулась одобрительным гулом и смешками.

И дальше Иноземцев продолжил лекцию безо всяких скидок, как с равными говорил. Он рассказал о том, что, в связи с будущими перегрузками пилотов космолета на земле ждут занятия на центрифуге. Пояснил, что на этапе выведения неизбежно придется столкнуться с сильнейшей вибрацией — потому следует тренироваться на вибростенде. Затем рассказал о других трудностях и опасностях, которые могут ждать астронавтов в ходе первого полета, и закончил словами:

— Каждый из вас пройдет испытания в так называемой сурдокамере. Это наглухо закрытое небольшое помещение, в которое не будет доноситься ни звука извне. И вы будете обязаны там пробыть в течение десяти суток, в полном одиночестве, в отсутствии всякой связи с внешним миром.

— Хорошо, хоть отоспимся, — благодушно протянул все тот же старлей Гагарин.

— А пистолет в кабине будет? — спросил вдруг кто-то.

— Позвольте узнать, а зачем вам пистолет? — удивился Иноземцев.

— От диких зверей отстреливаться, если в тайгу приземлишься. Или в пустыню.

Остальные одобрительно зашумели.

— Я доложу о вашем пожелании руководству нашего предприятия, — сказал Владик.

Лекция закончилась, но на выходе его обступила группка любознательных молодых офицеров во главе все с тем же Гагариным. Они стали задавать ему вопросы о космолете — в основном, умные и дельные.

Тут в класс вошел еще один военный, тоже в форме летчика. Полковник — немолодой, огромный, бритый наголо.

— Я — замполит войсковой части. Зовут меня Марокасов Николай Федорович, — представился он Владиславу. — Вы закончили, товарищ ученый?

— Закончил, товарищ полковник.

— Я провожу вас.

— До свидания, товарищи офицеры, — попрощался со всеми испытателями Иноземцев. — Я уверен, что все в ваших полетах пройдет, согласно заданной программе, однако, как говорили римляне, — щегольнул он, — си виз пасум, пара белум, то есть хочешь мира — готовься к войне».

— Или, как говаривал наш полководец Суворов: тяжело в учении — легко в бою, — тут же подхватил Гагарин.

Все добродушно заулыбались, и Иноземцев, кивнув напоследок, вместе с полковником покинул класс.

Идя по коридору, он думал о Гале. «Надо найти телефон. Не может быть, чтобы здесь не было московского телефона! Я не выдержу ожидания до Подлипок, а кто его знает, есть ли автомат на станции Чкаловская?»

— Товарищ полковник, извините, могу ли я откуда-либо позвонить в Москву? Срочное дело.

— Пойдемте, — ответил Марокасов и отвел его в маленький кабинетик, где за столом сидел и что-то писал давешний генерал.

— Товарищу ученому срочно надо позвонить, — пояснил полковник.

— Пусть звонит, — мотнул головой генерал на приставную тумбочку, на которой громоздились три телефона. — Этот — прямой московский

— Извините, — пробормотал Иноземцев и, сверяясь по бумажке, принялся набирать номер. Чувствовал он себя в высшей степени неудобно, но случай был такой, что наплевать на приличия и смущение.

Когда в трубке послышалось «Але?», Владик вполголоса прошептал:

— Скажите, как там Иноземцева Галина?

— Вас не слышно, — раздраженно буркнула трубка. — Говорите громче!

— Иноземцева. Галина. Как она? — уже громче повторил Владик.

Послышалось шелестение бумажек, а потом размеренный голос произнес:

— Поздравляю. У вас мальчик. Пятьдесят один сантиметр рост, три во-
семьсот вес.

— А мать, как она?

— Состояние роженицы — удовлетворительное.

— Спасибо, — пролепетал Иноземцев.

— Что? — радостно гаркнул Марокасов. — Что я слышу? Прибавление в семействе?

— Так точно, — расплылся в глупой улыбке Владик. — У меня сын родился. Парень.

— Ну, поздравляю, — похлопал его по плечу полковник. — Быть ему летчиком-испытателем, раз ты сегодня у нас оказался.

А генерал ничего не сказал, только сухо кивнул. На лице его появилось странное выражение, которое Владик, впрочем, тоже не заметил — а если б даже заметил, смысла его все равно бы не понял.

«Газик» отвез Иноземцева назад на станцию Чкаловская. Он теперь не замечал ничего вокруг, только повторял про себя: «Итак, я отец. У меня родился сын. Я стал отцом».

Ближайшая электричка на Москву ожидалась через четверть часа.

Оказавшись на Комсомольской площади, Владик сразу кинулся в ресторан при гостинице «Ленинградская» и купил там втридорога пару яблок и кисточку винограда. Виноград в конце марта был в те годы в Москве чудом, поэтому стоил сумасшедших денег. Но чего только не сделаешь по случаю рождения сына. А еще взял пяток чудесных эклеров, которые пекли тут же, при ресторане, и которые славились по всей Москве.

Спустя двадцать минут он вышел на станции «Арбатская» и помчался к роддому.

Санитарка, сидевшая в специальном окошке для передач, приняла у Владика яблоки, а эклеры отвергла категорически: «Не положено!» «Но почему?!» «Кто знает, кто их пек! И сколько они лежали». Не хотела брать и дефицитный виноград: «Не положено!» Но обаяние молодого Владислава сыграло свою роль, санитарка смягчилась, и он, отдав передачу, со вздохом облегчения отошел от окошка, уступив место другому папаше.

И тут Владик вдруг увидел, как по холлу роддома важно шествует с огромным букетом красных роз в руке генерал авиации со звездой Героя Советского Союза на лацкане мундира. Это был тот самый генерал, что представлял сегодня Иноземцева отряду будущих астронавтов. Тот самый, в кабинете которого Владик узнал весть, что у него родился сын. Он, кажется, не заметил Владика — как не замечал никого вокруг. Плавно проплыл к неприметной дверце, она открылась, на пороге возник суетный мужчина в белом халате, угодливо поклонился и пропустил генерала вовнутрь. Тот вошел, и дверь за ним захлопнулась.

Потрясенный Владик вышел на ступеньки роддома. В его голове вдруг сложилась вся головоломка. Он вспомнил то, чему поначалу не придавал значения: как сегодня в своем кабинете этот генерал прислушивался к телефонным переговорам Иноземцева с роддомом. Как изменилось его лицо, когда он вдруг узнал его фамилию. «Я сам, сам сообщил ему, что Галя родила! — вспыхнуло у него в мозгу. — А откуда он узнал, в каком она роддоме? Ответ простой: это он! Он, а не какая-то сослуживица со своей мамашей, Галя сюда устраивал! А как иначе попала она в лучшее родильное отделение в столице?! Боже мой!» — Он закрыл лицо обеими руками.

— Что с тобой, паря? — Тронул его за рукав простоватый молодой мужичок — тоже, видать, молодой отец. — Случилось чего? Помочь?

— Нет-нет, спасибо, все в порядке, — откликнулся Владик и, оглушенный, поплелся к метро — не дожидаясь никакого письменного ответа от Гали. Да и что она могла ему написать?

...А в этот самый момент Провоторов, в наброшенном на китель белом халате, в бахилах, в сопровождении угодливого заместителя главного врача, входил в палату Гали.

Она не спала, не читала. Сидела на койке, смотрела в окно, где потихоньку спускались весенние сумерки. Увидев генерала с букетом, она не приподнялась, не улыбнулась, только сухо произнесла:

— Вы? Зачем вы здесь?

— Галя! — воскликнул генерал. — Галя! Как я рад, что ты родила мальчика!

— Откуда вы узнали?

— Это военная тайна, — улыбнулся Провоторов. — Возьми, это тебе, — протянул он ей букет. Она не взяла, и генерал положил его на тумбочку.

— Не надо было этого делать, — покачала головой Галя. — Да и запрещено нам тут цветы. Отнесите докторше, что принимала роды. А я устала и не хочу вас видеть. Зачем вы явились?

— Галя! Галя! Я... чтобы поддержать тебя...

— Совершенно не нужно. Уходите!! И цветы свои забирайте!

Она схватила роскошные, невиданные в Москве в марте розы и швырнула букет в сторону Провотворова. Цветы в беспорядке упали к его ногам. Он не стал собирать их. Лицо его закаменело. Щелкнул каблуками: «Честь имею!» — сделал поворот кругом и удалился. Розы остались лежать на полу.

...А Владик тем временем покупал на Ярославском вокзале билет до станции Болшево. На смену ошеломлению и горечи пришла апатия. В голову лезли недавно прочитанные строки Бунина, которого вдруг стали издавать: «Что ж, до весны, проживу как-нибудь, и один, без жены». Но что-то не складывалось — без жены прожить, конечно, можно, а как же ребенок?

Ребенок в любом случае должен остаться у него! Тем более, сын. Галя ему сегодня родила сына. Надо же, это было сегодня. Какой длинный день! Как много всего произошло!

...А на крыльце домика в Болшеве, где жили Иноземцевы, Владика дождался Вилен Кудимов. Курил, мерз. Из объемистой сетки-авоськи выглядывали горлышки бутылок.

— Вот он, наконец! Папашка! Я тебя поздравляю! Ну, веди меня в дом, а то я замерзнуть успел тридцать три раза, тебя ожидаючи!

Наши дни. Город М. Виктория Веселова

Список людей, один из которых погубил в пятьдесят девятом году бабушку Жанну, провалялся у матери без дела с семьдесят четвертого года по восемьдесят восьмой. Она не дура была, вдобавок журналистка — понимала: искать в той истории правды, и найти того, кто действительно виноват, — задача безнадежная. Если бабушка Елизавета по горячим следам ничего раскопать не смогла — то теперь точно все концы в воду канули. Однако фамилии виновных, как считала мама, в гибели ее дочери она помнила наизусть: Старостины (генерал и его жена), Кудимовы (Вилен и его супруга Лера), Иноземцевы (Владислав и Галина). Флоринский, Рыжов. И прислуга Варвара, чьей фамилии никто не знал, и которая давно уже, наверное, отправилась к праотцам.

Год восемьдесят восьмой возник в рассказе не случайно. Именно тогда моя мамочка предприняла новую попытку разгадать тайну гибели Жанны Веселовой. Она рассказывала мне о своих поисках в две тысячи девятом

году, смертельно больная, когда после очередной инъекции обезболивающего, которую делала я, немного пришла в себя.

Рассказ Валентины Веселовой, записанный ее дочерью Викторией Веселовой.

Несмотря на постоянные интриги — за место на полосе, за балл на ленточке, за путевку в пансионат, в газете нашей царила если не дружеская, то уважительная атмосфера. Я старалась быть с коллегами особенно ровной, вежливой и предупредительной. И меня в конторе ценили. За бойкое перо и острый язычок. За умение отыскивать правду и объегоривать советских чиновников, обходя их запреты. А еще знали, что мой невенчаный супруг и отец моей дочки — политобозреватель Шербинский, находится в длительной командировке во Франции (а, значит, человек, приближенный к редколлегии, главреду и, опосредовано, тайнам кремлевского двора). Поэтому свои розыски я начала, не выходя из редакции. И первым делом отправилась к редактору отдела науки Аркадию Казимировичу Касимскому, с которым у меня были хорошие отношения.

— Что ты можешь сказать, Аркаша, об этих людях? — положила я перед ним список участников вечеринки, закончившейся смертью мамы.

Касимский не был бы журналистом, если бы не переспросил:

— А кто это? И зачем они тебе?

Всех карт я перед ним раскрывать не стал, бросила небрежно:

— Копаюсь в одной темке. Убийство, случившееся в пятьдесят девятом. Все имена — из тех времен, конца пятидесятых — начала шестидесятых. Возможно, они связаны с авиацией, космосом — поэтому я к тебе, как к знатоку научных сфер, и пришла.

Аркаша, очень немногословный и деловой человек, просмотрел перечень имен и попросил оставить его до завтрашнего дня.

Назавтра я снова пришла к нему, и он сходу начал:

— Знаю только одного. Старостин, Федор Кузьмич. Был освобожденным секретарем парткома одного крупного «ящика» в Москве — авиамоторного завода. В начале семидесятых вышел на пенсию, а году в восемьдесят третьем или четвертом скончался.

— А мог он быть генералом? — спросила я.

— В отставке — разумеется.

— А иметь пятикомнатную квартиру на Кутузовском?

— Как нечего делать.

— Спасибо тебе, Аркаша! — с чувством проговорила я.

— Заходи еще, даже без всякого дела. Всегда рад тебе, Валентина, — улыбнулся Касимский.

Затем я отправилась в отдел проверки — в каждой редакции в ту пору имелся подобный. У нас, в кабинетике-закутке, царила востроглазая Инга в больших очках. Она прочитывала все сдаваемые материалы и сверяла в них имена собственные и всякую официальную информацию. Инга быстро прошерстила списки и дала мне ответ: никто из моих разыскиваемых не значится. Узнав это, я испытала одновременно злорадство и надежду. Значит, судьба у этих типчиков сложилась не блестяще. Они не достигли золотых высот, и посему вряд ли смогут особо мешать мне в установлении истины. Правда, кто-то из них — особо учитывая род их занятий — мог быть засекречен. Но вряд ли все они, вместе взятые.

В те далекие доинтернетовские времена существовали другие способы поиска информации. К примеру, московская адресная справочная. В людных местах стояли киоски, где за умеренную плату можно было узнать адрес и телефон любого жителя столицы. Одна из подобных будок размещалась неподалеку от редакции. Заплатив за всех рубля два, я подала список имен (Кудимовы Вилен и Валерия, Иноземцевы Галина и Владислав, Рыжов Радий и Флоринский Юрий Васильевич). Как звали жену генерала Старостина, я не знала, не знала и фамилию прислуги, поэтому про них узнавать не стала. Ответ, за которым я зашла пару часов спустя, меня ошеломил. НИ ОДИН ИЗ ЗАПРОШЕННЫХ В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ. Это могло означать три вещи. Во-первых, все они умерли. Но если с Флоринским это было неудивительно — мужчине к восьмидесяти восьмому явно перевалило за восьмой десяток, то пятеро оставшихся лишь разменяли «полтинник». Уходить в мир иной, по нынешним временам, в пятьдесят явно рановато. Однако имелись и другие варианты, почему они отсутствовали в базе московской справочной. Например, все они проживали не в Москве (а, может, выбыли и из страны). В конце концов, как рассказывала бабка Лиза, Иноземцевы в пятьдесят девятом ютились в подмосковном Болшеве. Может, они так и не прописались в столице, продолжая жить там. Мои «клиенты» также могли поменять фамилии. У меня оставалась еще одна зацепка: адрес генерала в отставке Старостина на Кутузовском проспекте — где, собственно, и случилась трагедия. Самого генерала, если верить Касимскому, на свете больше нет, однако его супруга вполне еще могла скрипеть: лет ей в 88-м было около восьмидесяти. Вдобавок, Валерия Кудимова — родная дочь Старостина, и, если верить бабуле, на момент происшествия в пятьдесят девятом, она была прописана на Кутузовском. А таким жильем, пятикомнатным, на правительственной трассе, не разбрасываются. Поэтому очень вероятно, что Валерия Кудимова с мужем Виленом (если, конечно, они не развелись) продолжают проживать в той же квартире. И я отправилась в дом номер ^{***}, неподалеку от метро

«Кутузовская». Как представляюсь хозяевам, что скажу — я предпочла заранее не придумывать, положиться на вдохновение.

И вот я оказалась в том самом дворе, куда моя юная мама пришла, на свою беду, в осенний день пятьдесят девятого, и где наша бабушка Елизавета пыталась найти правду после ее убийства. Эпоха консьержей, стальных дверей и домофонов еще не наступила, поэтому я без труда проникла в нужный мне подъезд. Дело было в воскресенье, под вечер — я рассудила, что к тому моменту Кудимовы переделают все свои воскресные дела или вернутся с дачи (если таковая у семьи имеется). Я позвонила в дверь, и она тут же открылась. На пороге возник человек лет пятидесяти с небольшим, в спортивном костюме марки «Адидас». Был он мощен головой и торсом, седоват, имел очевидное брюшко, и я почему-то сразу подумала, что зверь прибежал на ловца, и предо мною не кто иной, как Вилен Кудимов, соучастник трагедии в пятьдесят девятом.

Мило улыбаясь, я вытащила из сумочки журналистское удостоверение — золотистые буквы ПРЕССА на красной книжице на всех производили тогда сильное впечатление.

— Здравствуйте, я из газеты «Советская промышленность», и мы проводим блицопрос (на ходу придумывала я), об отношении москвичей к визиту Рональда Рейгана в Москву и его переговорам с Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

— Что ж! — воскликнул хозяин и еще шире распахнул дверь. — Мы уважаем прессу, и потому: добро пожаловать! Обувь не снимайте ни в коем случае, и пройдемте на кухню, я угощу вас кофе, у меня настоящий «арабика», только что друзья привезли с Острова Свободы.

Кухня превышала по размерам гостиную в той квартирке, что я снимала в Медведках. «Хорошо живут нынче убийцы, — невольно мелькнуло у меня в голове. — Хотя кто знает, может, виноват не лично он?» Я села, изображая из себя послушную школьницу, раскрыла блокнот, достала ручку. А хозяин и впрямь сварил кофе, разлил по чашкам, достал вазочку с конфетами и, разумеется, коньяк — французский.

— Кофе без коньяка, как говорится, — прогудел он, — деньги на ветер. Давайте выпьем за судьбу, что привела на мой порог столь прекрасную особу, как вы.

— Спасибо вам за гостеприимство, но я на работе, — отказалась я, — мне сегодня еще писать в номер, поэтому давайте сразу приступим к делу.

— Слушаю вас внимательно.

— Итак, как вы относитесь к визиту в советскую столицу президента США Рональда Рейгана, его переговорам с генеральным секретарем Ми-

хаилом Сергеевичем Горбачевым и подписанию соглашения о сокращении ракет средней дальности?

Хозяин, почти не думая, начал отвечать. Округло, взвешенно — так, что хоть без правки в газете печатай.

— Прекрасно, — с чувством проговорила я, когда он закончил. — А как нам подписать этот отклик? Ваше фамилия, имя, отчество? Кем вы работаете?

— Я? — немножко даже удивился хозяин, но глаза его смеялись. — Я — Иванов Иван Иванович. Слесарь-сантехник. Да, именно так и подпишите: Иванов Иван, сантехник.

Помню, я тогда разозлилась на него, и потому, не подумав, выпалила в лоб:

— Н-да? Иванов, сантехник? А у меня есть другие данные. Вы — Вилен Кудимов.

Лицо хозяина потемнело, однако он продолжал валять дурака:

— Да что вы? Как вы сказали? Ку... — кто?

— Ведь это квартира принадлежала бывшему генералу и секретарю парткома Старостину? А вы его зять, Вилен Кудимов?

— Бог с вами, миленькая! С чего вы взяли?!

— А с того! Ведь именно здесь, в этой квартире, в октябре пятьдесят девятого года была убита молодая девушка Жанна Веселова — моя мать, между прочим! И я хочу знать, кто это сделал и за что.

— Ой, вы такие страсти, девушка, рассказываете! Убийство! Господь с вами! Вы не бредите, часом? — Взгляд Кудимова стал жестким. — Может, вызвать «скорую психиатрическую»?

— Не выйдет! Карательную психиатрию в СССР отменили! А вот за такими, как вы, очень скоро приедут. Или, по крайней мере, вскроют всю вашу подноготную.

— Боже, боже! — продолжал ерничать Вилен (я несколько не сомневалась, что это именно он!). — Какая может быть подноготная у слесаря-сантехника Иванова?

— А вот увидите! — угрожающе гаркнула я.

— Ладно, крошка, — вдруг проговорил он, и глаза его превратились в щелочки, — только прекрасное воспитание мешает мне вышвырнуть вас отсюда. Так и быть, допивайте кофе и уходите отсюда своими прелестными ножками, пока вам их никто не обломал.

Я вскочила и рванулась к выходу. Сама отомкнула английский замок и намеревалась хлопнуть дверью, но подоспевший хозяин перехватил ее.

— Осторожнее, девушка, осторожнее! Не надо так горячиться, можно и на ступеньках поскользнуться.

— Да пошел ты! — сквозь зубы бросила я и скатилась с лестницы.

Во дворе села на лавочку и закурила, пытаюсь привести себя в чувство. Не было никаких сомнений, что тот мужчина и есть Вилен Кудимов. Но

после столь короткого и бесславного интервью стало ясно, что повторная встреча с ним, как и с членами его семьи, мне не светит. И что оставалось теперь делать?

...Мой визит на Кутузовский имел неожиданное продолжение. Прошла неделя, и меня вызвал к себе наш главный. Так как главред никогда раньше меня для разговоров один на один в кабинет не приглашал, одно это заставило меня напрячься.

— Вы над какими сейчас темами работаете, Веселова? — начал Знаменов.

Я добросовестно перечислила: рецензия на фильм «Асса», серия интервью с молодыми музыкантами: Бутусовым, Агузаровой, Кельми.

— А кто поручал вам брать комментарии к визиту Рейгана в СССР? — вдруг спросил главный, глядя на меня холодными глазами.

«Доложили, — промелькнуло у меня. — Нажаловались. Значит, их — Вилена и компанию — мой визит задел. Значит, им есть чего бояться».

— Никто мне не поручал. Но позвольте я вам, Василий Семенович, все объясню.

— Попробуйте, — кивнул он.

И я рассказала Знаменову все, что знала. Про маму Жанну, про квартиру на Кутузовском, где произошло убийство, назвала даже фамилии подозреваемых, и сказала, что моей бабушке, Елизавете Семеновне, в прежние времена расследовать сие дело не позволили.

— Понятно, — протянул главный, когда я закончила, и побарабанил по полировке стола пальцами. — И теперь вы, Веселова, решили использовать нашу газету для сведения личных счетов?

— Нет! Для того, чтобы найти хороший материал! И выстрелить «гвоздем»!

— Похвальная инициатива. Только позвольте вам напомнить: темы, которыми вы занимаетесь, сначала утверждаются — хотя бы на уровне вашего непосредственного начальника, редактора отдела. И второе: принципы партийной журналистики не позволяют вам вламываться в квартиры советских граждан и задавать им провокационные вопросы.

— Я не видела другого способа.

— Вы, Веселова, должны понимать: есть люди, к которым просто нельзя подойти на улице и задавать вопросы, тем более, являться к ним домой. Они живут и работают под прикрытием, и к ним нельзя, просто запрещено лезть, как вы — напропалую. Поэтому вы должны забыть и дом тот, и квартиру, и фамилию «Кудимов». А если вы, Веселова, и впрямь желаете добиться пересмотра дела в отношении вашей, как вы утверждаете, убитой матушки, — напишите запрос в Генеральную прокуратуру СССР. Сейчас, вы сами знаете, многие архивы открываются, дела пересматриваются.

— А вы подпишите это письмо? — немедленно ухватилась я за предложение.

— Я не думаю, — моментально ускользнул главный, — что целесообразно вмешивать газету в ваше личное дело. Впрочем, можете написать запрос на бланке нашей газеты и даже подписаться, как корреспондент отдела информации.

— Я — старший корреспондент, — поправила я.

— После вашей выходки, — посуровел Знаменов, — я перевел вас, за нарушение журналистской этики, на должность корреспондента, с соответствующим понижением зарплаты. Думаю, наш профсоюз против не будет. А еще одна подобная эскапада — вы вообще будете уволены из газеты. С волчьим билетом. Вам ясно?

Письмо в Генпрокуратуру я, конечно, написала — однако результат оказался, как я и предчувствовала, нулевой. Пришел формальный ответ-отписка: «Дело в отношении вашей матери Веселовой Ж.Д. было закрыто в октябре 1959 года за отсутствием состава преступления. В архиве оно не сохранилось ввиду действующего правила об утилизации подобного рода дел по истечении пятнадцатилетнего срока хранения. На основании вышеизложенного пересмотр дела является невозможным».

Конечно, я боялась ослушаться главного. В те времена вылететь из центральной газеты с волчьим билетом — означало никуда больше не устроиться, даже в многотиражку. И я притихла со своей темой — однако не хотела отступаться совсем. Решила выждать: вдруг благосклонная Судьба подскажет мне новый путь.

Нечего говорить, что при каждом удобном случае я срывалась в наш город, где на попечении бабки Лизы и ее сестры Фроси росла и воспитывалась двухлетняя ты. Обычно я приурочивала свои визиты к посылочкам, доходившим ко мне в Москву из Парижа. Присылал Шербинский, в основном, детские вещички и игрушки, покупал их, как я теперь понимаю, в самых дешевых магазинах типа «Тати», однако все равно: по сравнению с советским ширпотребом то были восхитительные подарки. Я забирала их в Москве, а потом, как только выпадала возможность, мчалась к вам в М. Порой, чтоб не тратиться, выпрашивала у руководства командировки — в городе я многих знала, была в курсе интриг, событий и сплетен, поэтому всякий раз привозила оттуда забойный материал. Ездила я обычно поездом, и однажды в купе познакомилась с замечательным мужчиной. Звали его Михаилом Ярославовичем Бровкиным, и был он тоже журналистом. Яркий, веселый, полный анекдотов и занимательных историй, сплетен и новейших слухов с самого кремлевского верха. Ему было уже за пятьдесят, в журналистике он трудился лет тридцать и сейчас занимал пост обозревателя «Молодежных вестей»: освещал вопросы науки, техники и космонавтики.

На прощание мы обменялись с ним визитками, а буквально через два дня он позвонил мне и пригласил в театр Ленком. Мы начали постоянно встречаться, и вскоре стали любовниками. Он с самого начала сказал, чтобы я ни на что не претендовала, он давно женат. Как бы там ни было, с Мишей оказалось интересно. Где он только ни побывал: и на Байконуре, и на острове Пасхи, и в закрытых «атомных» городах, и в воюющем против американцев Вьетнаме, и в Тибете, и в Антарктиде.

И вот ему — знавшему, казалось, все и вся — я в один прекрасный момент и рассказала историю своей убиенной мамочки. Я благоразумно не стала упоминать о квартире на Кутузовском и о Кудимове. Попросила лишь — очень осторожно! — выяснить об остальных соучастниках трагедии: Иноземцевых, Рыжове, Флоринском. Он обещал просмотреть свои блокноты прошлых времен — вдруг попадутся названные мной имена! — и поклялся об убийстве никому не рассказывать. Примерно через неделю Миша доложил мне: Флоринский — один из соратников Сергея Павловича Королева, они работали вместе еще со времен тридцатых, он участвовал в запуске самых первых советских космических ракет. Флоринский скончался, но когда и где похоронен, и есть ли наследники, Миша не знал. Из «космической» обоймы оказались также Рыжов и Иноземцев: есть сведения, что оба трудились на Байконуре, обеспечивали запуск Гагарина. Радия Рыжова мой Миша вроде даже встречал на Байконуре, когда туда стали пускать журналистов, — разговор был мимолетным, но фамилия в блокноте сохранилась: тогда он был военнотружущим, капитаном. Как сложилась их судьба, что случилось с обоими, Бровкин не знал, а про Галину Иноземцеву и вовсе не слышал.

Гром грянул примерно через месяц. Меня снова вызвал Знаменов — во второй раз в жизни, первый случился после моего визита на Кутузовский. Снова главный был хмур, но теперь царил за своим огромным столом и даже не предложил мне сесть.

— Я думал, вы умнее, Веселова, — заговорил он. — Почему вы, несмотря на нашу договоренность оставить в покое ту тему, продолжаете над ней работать?

Я решила прикинуться дурочкой:

— Я? Да я — ничего! Ни сном ни духом.

— Значит, ею занимаются другие — по вашей наводке. Что еще хуже.

— Но я ведь ничего не делала!

— Разговор окончен, Веселова. Садитесь и пишите заявление по собственному желанию. Скажите спасибо, что не увольняю по статье. И не болтайте больше по Москве, места не ищите, все равно не получите. Езжайте немедленно к дочке, в этот самый ваш М. — сколько ей уже, вашей Виктории, годика три исполнилось? Ребенку нужна мать.

Что мне оставалось делать после этого? Только одно: и впрямь уволиться. Меня даже отработать положенный месяц не заставили.

Однако Мишу я не простила. На последнем нашем свидании обвинила его в предательстве, в том, что он, несмотря на мой строжайший запрет, принялся копать тему, на которую навела его я, и тем самым подставил меня.

— Прости, старушка, — пожал плечами Бровкин. — А ты бы как поступила? Ты ведь журналистка! Представь: ты получаешь информацию по столь горячей теме — и что? Отступилась бы? Отошла в сторонку? Ну, извини.

— Но ведь я же просила тебя: не трогай!

— Прости, я не знал, что так все обернется.

— Ты сволочь, Миша! Ты загубил мою жизнь!

— Хочешь, я устрою тебя в «Молодежные вести»? У меня в отделе как раз вакансия корра свободна.

— А потом опять подставишь? Нет! С тобой работать я не хочу!

— А с кем хочешь? Давай, поговорю в других изданиях. У меня большие связи, ты знаешь.

— Нет! От тебя я ничего не хочу! И вообще не желаю тебя видеть!

Неделю я еще оставалась в Москве, улаживала свои дела — и все-таки ждала, что он позвонит, извинится, опять что-нибудь предложит в смысле трудоустройства... Но он не позвонил. Я тоже набирать его номер не стала. Так и уехала... А в девяносто девятом году бедненький Миша умер. Мы с ним больше ни разу не встретились...

Наши дни. Москва. Агент Сапфир

Мы с американкой Лаурой — Ларой часто разговариваем о космосе. Не думаю, что потому, что тема интересует ее хозяев из конторы. Все, что им было действительно нужно, они узнали от меня и безо всяких разговоров — из подробнейших опросников, передаваемых мне другими связниками, предшественниками Лауры.

История космонавтики, похоже, волнует девушку сама по себе — и я, насколько могу (и насколько позволяет мой английский), удовлетворяю ее любопытство.

— Скажи, почему, — спрашивала она меня, — российские космонавты погибли только при посадке? Почему они не терпели катастрофы при взлете — как наш «Челленджер» в 1986 году?

— Королев сделал надежную ракету, — пыталась я отшутиться. — Самую надежную в мире. До сих пор летает.

— Может, дело в другом?

— В чем?

— В Советском Союзе не извещали о предстоящих ракетных запусках, о них никто не знал. Однако об уже состоявшихся пусках уведомляли. Поэтому, когда космический аппарат садился, деваться было некуда, приходилось рапортовать о неполадках. А вот когда ваши космонавты гибли на старте, они умирали втайне. О них никто не знал.

— Какая старая песня! — усмехнулась я. — Об этом желтая пресса стала писать еще в конце пятидесятых. И знаешь, что? Ни одного факта не подтвердилось. Ни единого. Даю тебе гарантию сто процентов. Нет никаких сведений о том, что в Союзе летали какие-то астронавты, кроме тех, о которых было объявлено.

— А Бондаренко?

— О, Лара, — вздохнула я, — ты знаешь о Бондаренко! Ты хорошо подготовилась.

— О нем никто не знал до тех пор, пока у вас не началась пе-ре-строй-ка, и ваш журналист Го-ло-ва-нов не обнародовал о нем информацию. Но это случилось в конце восьмидесятых. А Бондаренко погиб в шестидесятом.

— В шестьдесят первом, — поправила я. — В марте шестьдесят первого года. Кстати, в доме, куда заселили первых космонавтов — в районе платформы Чкаловская, Валентин Бондаренко жил на последнем, пятом этаже. Обычная, кстати, была «хрущоба». — Лара кивнула, она знала это русское слово. — Перед тренировкой он сбегал со своего этажа и звонил во все квартиры подряд, подгонял товарищей. Поэтому ему дали прозвище «Звоночек» — не знаю, как перевести, маленький колокол, что ли? Так вот, старший лейтенант Валентин «Звоночек» Бондаренко проходил тренировку в сурдокамере. Камера была наполнена практически чистым кислородом. Он брал сам у себя анализ крови, отбросил ватку, она упала на спираль электроплитки, и воздух в камере запылал. Кислород хорошо горит, я думаю, ты знаешь. Примерно так, из-за пожара в атмосфере из чистого кислорода, погибло трое ваших астронавтов — в шестьдесят седьмом году, если я не ошибаюсь.

— Не переводи стрелки, — засмеялась она. — Ты точно знаешь, что все именно так и было? Не много ли деталей? Не слишком ли хорошо проработана легенда? Электроплитка, анализ крови, ватка, смоченная спиртом? Может, все на самом деле не так? Дело было меньше чем за месяц до полета Гагарина. Может, первым в космос собирались послать Валентина, но не получилось? Запуск, как все у вас, засекретили. А потом для отвода глаз придумали байку про сурдокамеру.

— Исключено, — отрезала я. — В те дни, в марте шестьдесят первого, не было никаких запусков. Это и вы, штатовцы, могли знать, несмотря на всю нашу секретность. Над Байконуром всю вашу самолеты-шпионы шныряли. А в шестьдесят первом — и ваши спутники.

— А кто говорит, что несчастный Бондаренко погиб именно в марте шестьдесят первого? Про эту дату придумали позже, чтобы замести следы. А он взорвался вместе с ракетой, например, дай вспомнить, в октябре шестидесятого. Тогда на вашем полигоне Байконур была страшнейшая ракетная авария, о которой тоже стало известно только четверть века спустя.

— Ты имеешь в виду катастрофу с ракетой Р-16, когда погиб маршал Неделин?

— Именно.

— И в ней, по-твоему, находился Бондаренко?

— Да.

— Какая чушь!

— Почему? — невозмутимо переспросила Лара.

— Да по многим причинам! Хотя бы потому, что взорвавшаяся ракета принадлежала совершенно другому КБ, находившемуся в Днепропетровске. Они конкурировали с Королевым, и он никогда не дал бы свой космический корабль и своего космонавта, чтобы использовать их в чужой ракете! Это исключено!

— Но ведь не Королев был тогда самым главным в вашей стране. И не ему подчинялись ракеты, корабли и космонавты. Они подчинялись мистериу Хрущеву. А, по твоим словам, он был са-мо-дур, то есть вздорный человек. Вот и придумал (или его убедили), что надо лететь в космос прямо тогда. Попытались послать Бондаренко, однако, увы, ничего не вышло.

— Все это демагогия, Лара. И бесплодные фантазии. Никаких доказательств у тебя нет, и быть не может. У ракеты Р-16 тогда был первый пуск, понимаешь, первый. И ни один главный конструктор (а Р-16 делал Янгель, замечательный, умнейший, совестливый человек) не посадит на неотработанную ракету космонавта. Знаешь, как Королев говорил? До того момента, как полетит человек, должно состояться два полностью успешных беспилотных полета по намеченной программе. Так и произошло, когда полетел Гагарин. А все остальное — беспочвенные выдумки.

— Хорошо же советская пропаганда промыла тебе мозги, — засмеялась Лаура.

— А тебе — американская! — фыркнула я.

И она перевела разговор на другую тему.

Город М. Виктория Веселова

Я должна узнать, кто в действительности погубил в пятьдесят девятом году мою бабушку. Эта мысль так завладела мной, что стала

навязчивой идеей. Почему? Я вообще не люблю несправедливость. А в том, что касается моей семьи, — тройне. И мне жалко мою маму, которая всю жизнь прожила сиротой. И еще я жалела свою бабушку — уйти из жизни по чьей-то злой воле в двадцать пять лет! Причем преступник так и не найден и не наказан! А я почему-то чувствовала: убийца жив, он на свободе, и я могу найти его. Для начала — найти. А там — разберемся.

Успокоив себя этой мыслью, я взялась за список моей прабабушки: Старостин, Кудимовы, Иноземцевы и прочие. Я думала: убийство произошло больше пятидесяти лет назад, большинству из участников дела тогда было лет двадцать пять. Что они могли тогда? Как сумели бы замять убийство? Без старших товарищей — по возрасту и по положению — в ту пору явно не обошлось. Наверняка верховодил всем хозяин квартиры Старостин, некогда генерал, а в конце пятидесятих освобожденный секретарь парткома. Правда, он, по словам мамы, скончался в начале восьмидесятых. Но найти его могилу следовало. Хотя бы для того, чтобы понять: покарал его Бог или нет. Умереть ведь тоже можно по-разному, и память после себя оставить разную. Но, главное, через покойного Старостина я надеялась выйти на молодых: на дочку его, Валерию Старостину-Кудимову, на зятя, Кудимова Вилена. Остальные участники вечеринки, как я подозревала, просто статисты. Свидетели. И единственная их вина в том, что они покрывали убийцу.

Поиск я начала с Вилена Кудимова. Забила тэг в поисковик, и пришел невод с тиной морской. Не встречалось ни разу подобного имени-фамилии ни в яндексе, ни в гугле, ни в мэйле, ни в яху. Тогда я проверила словосочетание по более серьезным базам. Ничего. Не числился Кудимов Вилен в списке живых. Однако и это ничего не значило. Я вспомнила, что рассказывала мне покойная мамочка — как втирал ей главный редактор Знаменов: есть в СССР люди, к которым не положено подходить на улице или позвонить в квартиру. Бойцы невидимого фронта. Они есть — но их как бы и нет. Кто знает — может, Кудимов Вилен и теперь прекраснейшим образом существует под именем и под документами какого-нибудь Васи Пупкина, и достать его можно только каким-нибудь кривым образом, через третьих лиц.

Без особой надежды я пробила Кудимову Валерию. Имя было не таким редким, поэтому в Сети Валерии Кудимовы встречались: в одноклассниках, в контакте, фейсбуке, однако явно не те: тринадцатилетняя девочка из города Серова или девятнадцатилетняя из Луганска вряд ли могли быть искомой величиной. Да, с женщинами сложнее всего. Она вообще могла триста раз за свою долгую жизнь развестись, снова выйти замуж, жить и под другой звездой, и в другой стране, и на иной планете.

Однако я не опускала руки. Первые неудачи вообще никогда не сбивают меня с пути, а заставляют только азартнее вгрызаться в работу. Я проверила в сети товарища Старостина. А вот он взял и обнаружился, и не где-нибудь — в Википедии.

Старостин Федор Кузьмич, советский военачальник и организатор производства. Родился в 1904 году в городе Чебуркале К-ской области. В 1922 году поступил на службу в органы ВЧК-ГПУ. (Далее шла длинная история неуклонного служебного роста товарища Старостина, даже репрессии конца тридцатых каким-то чудом обошли его стороной.) Во время Великой Отечественной войны служил в системе СМЕРШ. Награжден орденами и медалями. В 1954 году уволен из органов. В том же году избран освобожденным секретарем парткома (на правах райкома КПСС) Московского авиастроительного завода. Проработал на предприятии, занимая ответственные партийные и хозяйственные должности, вплоть до 1978 года. Скончался в 1982 году. Похоронен на Богословском кладбище под Москвой.

Итак, генерал Старостин нашелся, и теперь у меня было, как минимум, два направления дальнейших поисков: его предприятие — там он больше двадцати лет проработал, и там его должны помнить. И кладбище, где он похоронен.

Перед тем как взяться за покойного Старостина, я решила пробить еще одного участника той злосчастной вечеринки. Попаду — можно быть совершенно уверенной: это он, а не однофамилец. Я, правда, приготовилась, как в случае с Виленом Кудимовым, получить ноль целых ноль десятых совпадений, но все-таки вписала в поисковую строку Радия Рыжова. И — о, чудо! — совпадений оказалось множество, но речь в каждом шла об одном и том же человеке. У него даже имелся личный сайт! Я быстренько открыла его, и фотография на главной странице убедила меня, что это он, гость вечеринки из пятьдесят девятого года, и есть. Передо мной предстал старенький, седенький, лысенький старичок с бравой выправкой — и с гитарой в руке. Я нашла и быстро пробежала глазами биографию: родился в 1935 году в с.Терновка Горьковской (Нижегородской) области, в 1953 году поступил в Московский авиационный институт, закончил его и защитил диплом в 1959 году, тогда же был призван в ряды Советской армии в звании лейтенанта. Службу проходил на космодроме Байконур, был свидетелем и непосредственным участником запуска в космос Ю.А.Гагарина и последующих космонавтов. В 1970 году, в звании майора, переведен в Центр управления полетами в закрытый город Голицыно-2 в Подмосковье. Еще в годы службы на Байконуре Рыжов начал участвовать в КВН и в выступлениях молодежного театра и литературного объединения. В 1967 году стал писать и исполнять собственные стихи и песни. Первые же выступления Радия Рыжова в доме культуры города Ленинска (теперь —

Байконур) имели большой успех. С 1973 года он регулярно принимал участие в слетах Клуба самодеятельной песни (КСП). В 1989 году уволен из рядов Вооруженных сил в звании подполковника. Награжден рядом орденов и медалей. После ухода в отставку Радий Егорович полностью посвятил себя авторской песне. Им издано три книги стихов и записано два магнитоальбома. Постоянно проживает в подмосковном поселке Черенково. Дальше следовал телефон для контактов и форма обратной связи для писем.

Обнаружив двух этих человек, Старостина и Рыжова, я вдруг остро поняла, что мне пора собираться туда, где судьбы этих людей пересекались — в Москву.

Слава богу, у меня теперь имелась квартира в столице. Я ее предусмотрительно держала для себя. Всякий скулеж моего Ярослава Премудрого по поводу того, что жилье надо сдать, и что мы упускаем конкретную выгоду в размере полумиллиона, как минимум, в год, я в корне пресекала, чувствуя, что квартирка мне еще понадобится — возможно, в самый неожиданный момент.

Перед поездкой следовало договориться о коротком отпуске на работе и забросить первые крючки по поводу Старостина и Рыжова. Я взяла отгул, но завела будильник на семь — на производстве начинают рано. Проснувшись, стала названивать в Москву в объединение, где некогда трудился Старостин, и представилась корреспондентом газеты «К-ские ведомости» (оттуда, согласно Википедии, был родом мой контрагент). Меня вежливо выслушали и переадресовали к заместителю директора по кадрам, оттуда — в музей объединения. В музее тоже оказались внимательны и терпеливы. Дама, взявшая трубку, сказала: «Да-да, мы помним Федора Кузьмича. У нас есть стенд, посвященный тем временам, и несколько фотографий товарища Старостина. Но вам лучше поговорить с членом Совета ветеранов Пайчадзе — он лично знал его. Скажите ваш номер — мы передадим ему, и он позвонит». — Слово «ветеранов» меня напрягло. «А сколько Пайчадзе лет?» — осторожно спросила я. Дама на другом конце провода рассмеялась: «Восемьдесят пять, но это ничего значит. Он в полном уме, бодр, и всегда выполняет свои обязательства. Не волнуйтесь, он вам перезвонит». Оставалось надеяться, что дед Пайчадзе не станет проверять префикс моего мобильного телефона и не спросит, с какой стати корреспондентша газеты «К-ские ведомости» звонит ему из М-ской области. Ветеран проявился к концу дня, и голос действительно звучал свежо и бодро: «Я — Пайчадзе». Я изложила ему суть дела, и мы договорились встретиться через два дня в Москве, в десять утра, на проходной его замечательного предприятия.

После этого вопрос о моей поездке в столицу можно было считать решенным. Для закрепления успеха я позвонила по контактному телефону,

имевшемуся на сайте Радия Рыжова. Телефон молчал, и тогда я написала ему короткое письмо: дескать, я такая-то, тружусь корреспондентом газеты «Губернский вестник» (город М.), хочу сделать интервью. Буду в столице в самое ближайшее время, и могу встретиться с вами, если вы соизволите. Мэйл от Рыжова пришел уже на следующий день. Он был весьма лаконичный: «Позвоните» — и прилагался номер телефона. Я набрала его, представилась и попросила о встрече. «Хорошо, приезжайте» — согласился Рыжов и продиктовал свой адрес в поселке Черенково. Мы условились, что я прибуду к нему послезавтра, к четырем часам дня. Итак, послезавтрашний день в столице обещал стать для меня днем престарелых — в десять встреча на Яузской набережной со старым грибом Пайчадзе, а потом рандеву в Подмоскovie с другим олд-чизом, Рыжовым.

На следующий день, прилетев в Москву, я сразу отправилась в свою квартиру неподалеку от метро «Рижская». Возможно, вам интересно, откуда у меня взялось жилье в Москве? Я должна это рассказать, поскольку иначе история моей семьи будет неполной. Когда маме поставили ужасный диагноз, я написала папаше Шербинскому. Старикан запросто владел электронной почтой и вообще шагал в ногу со временем. Ответ отца на мой мэйл о болезни мамули оказался трогателен и прост: выезжаю, встречайте завтра, поезд номер такой-то. Я показала послание маме, и она пришла в ужас. Не хотела, чтобы возлюбленный былых времен увидел ее такой: еле добирающейся до туалета и обритой после химиотерапии. «Я его не пущу!» — кричала она и плакала навзрыд. Я уговаривала ее, словно девушку, которую насильно тащат под венец, и она, наконец, смирилась. «Что мы можем сделать?! — прикрикнула я на нее. — Он — едет! Не встретить его на вокзале? Не открыть ему дверь? Он — мой отец!» Она смирилась. Правда, заставила меня принести из магазина, как минимум, тридцать париков, перемерила их все, выбрала три. Надела платье, которое Шербинский привез ей из Парижа двадцать лет назад, — более поздние болтались на ней, как на вешалке. Заставила меня своими руками вылизать всю квартиру и приготовить парадный обед.

И вот он явился на перроне М-ского вокзала: старый, седой, импозантный, с полным ртом керамических зубов. Все такой же самовлюбленный и общительный. Я подхватила его саквояж, усадила в свой красный «поло», довезла до нашей квартиры в центре М. Он и глазом не моргнул, увидев исхудавшую, измученную мать в парике: «Прекрасно выглядишь, старушка! Похудела — молодец! Тебе гораздо больше идет худоба, чем полнота, и платьице какое красивое!» Он бродил по квартире, рассматривая все наши три комнаты, полученные еще прабабкой Лизаветой в пятидесятые, разглядывал нашу рухлядь: самодельные шкафчики и китайские ширмы хрущевских времен, журнальный столик на тонких ножках — из шестиде-

сятых; полированный румынский гарнитур — наследие семидесятых; тома книг и журналов, купленных в конце восьмидесятых; старинный «комп» из девяностых. И я увидела нашу обстановку другими глазами: захолустье, провинция, позор! Отец был в своем репертуаре: ничего не расспрашивал о болезни, не выяснял, как и чем мог бы помочь. Однако, как всегда, привез нам подарочки: литровую банку икры с Камчатки, пару пашмин с Ближнего Востока, колечки с изумрудами из Индии. (Несмотря на почтеннейший возраст, он много путешествовал.) Мы усадили его за парадный обед, приготовленный мною. Мама изо всех сил держалась, но после десерта все-таки сказала, что хочет прилечь. Это означало, что ей совсем неважно. Я сделала ей укол, и она уснула.

А вечером мы снова все вместе пили чай, словно образцовая семья, и тут отец сделал свой феноменальный подарок: вытащил дарственную на мое имя на квартиру в Москве! Пусть однокомнатную, зато в самом центре. «Стоит она миллионов двенадцать, — с небрежной щедростью провозгласил он, и ты можешь делать с ней, что хочешь».

Утром я проводила отца на вокзал — и больше никогда его живым не видела.

Следующая встреча случилась на отпевании в московской церквушке, куда меня пригласила его вдова. Он и на год не пережил мать, сраженный в одночасье обширным инфарктом. На поминках говорили, каким отец был умным, ярким, разносторонним, талантливым. Выступал, кстати, бывший главред газеты, где работали отец и мать, товарищ Знаменов — тот самый, что гнобил ее за чрезмерный интерес к судьбе бабки, и, в конце концов, уволил. Был он маленький, старенький, лысенький, но держался уверенно и говорил округло. Потом, когда все вышли из-за стола курить, я набралась наглости и подошла к нему. Спросила, почему он мешал матери заниматься расследованием смерти Жанны Веселовой. «Не понимаю, о чем речь», — сказал он и надменно отвернулся. Тогда я громко напомнила ему детали: пятьдесят девятый год, квартира, Кутузовский, убийство. Восемьдесят восьмой, мама, Кутузовский, Вилен... «Представления не имею, о чем вы», — буркнул он и кинулся к коляске вдовы — выказывать соболезнования.

Вот какую вереницу воспоминаний вызвал у меня переезд из апартаментов в М. в мою московскую квартиру. Да, богатая я получилась наследница — однако я отдала бы все, что у меня имелось, лишь бы они — мама, отец, прабабка с теткой Фросей — подольше от меня не уходили. Только сейчас я поняла со всей остротой, насколько мне их не хватает. Не стало тех людей, что любили меня ни за что, просто так. Просто за то, что я есть...

Квартиру мне Шербинский подарил не абы какую, а со свежим ремонтом и мебелью. Ничего сверхъестественного, но хорошая техника и сан-

техника, веселенькие обои, кровать и шкаф из натурального дерева. Я подключила холодильник, поставила в него йогурт, кефир и диетическую колу, купленные в магазинчике на углу, и стала готовиться к завтрашней встрече с ветераном Пайчадзе и с поэтом Рыжовым.

Конструкторское бюро и музей при нем располагались в величественном здании постройки пятидесятых годов. Старик Пайчадзе ждал меня на проходной. Музейная дама меня не обманула. Был он живой и статный, только седой, как лунь, и с густыми седыми бровями. Пропуск для меня оказался приготовлен. Вдохновленный тем, что хоть какое-то масс-медиа проявило интерес к ветеранам любимого предприятия, он довольно быстро промчал меня по коридорам учреждения. Вряд ли завод и проектное бюро переживали сейчас счастливые времена, потому что в коридорах мы пробежали мимо изрядного количества вывесок различных туристических и рекламных бюро и торговых фирм. Наконец старичок втолкнул меня в большое помещение музея. Оно было уставлено макетами разнообразных воздушных судов, военных и гражданских, а по стенам увешано бесчисленными фотографиями. «История нашего предприятия, — торжественно и громко провозгласил Георгий Михайлович, — уходит своими корнями в дореволюционную Россию!» И — началось! Пайчадзе обрушил на меня ворох информации. Сыпал названиями моторов. Объяснял, чем они отличаются и как совершенствуются. Рассказывал, на какие марки воздушных судов, военных и мирных, устанавливаются. Какую роль сыграли в победе в Великой Отечественной войне и в сдерживании вероятного противника во времена войны холодной.

— Простите, — наконец прорвалась я, — а что Старостин, Федор Кузьмич? Я ведь о нем собираюсь писать.

Он на мгновенье сбился, но тут же сориентировался:

— Федор Кузьмич Старостин являлся на нашем предприятии одним из видных организаторов производства. Будучи освобожденным секретарем партийного бюро, он осуществлял руководство коллективом в течение долгого периода времени, более двадцати лет. Его вклад в общие успехи того периода трудно переоценить!

— А о его военной биографии вы можете что-нибудь рассказать? — попросила я, невольно входя в роль журналистки. — Ведь Федор Кузьмич, насколько я знаю, был генерал-полковником в отставке.

— В военные годы, — торжественно провозгласил Пайчадзе, — Федор Кузьмич был полковником, а затем генералом военной контрразведки СМЕРШ. А потом служил в органах. Поэтому за такого рода информацией вам следует обратиться в соответствующие инстанции с официальным запросом. — Слова «органы» и «инстанции» он произнес, благоговейно понизив голос.

— Хорошо, а после того, как Старостин вышел на пенсию, чем он занимался? Как поживают его дети, другие родственники? — спросила я.

И вот тут Пайчадзе впервые заговорил человеческим голосом. Вероятно, вопрос пенсионерского бытия и последующей скорой кончины задел его за живое.

— Федор Кузьмич, конечно, будучи на заслуженном отдыхе, встречался и с работниками предприятия, и с пионерами и школьниками, — вздохнул он. — Выступал в различных аудиториях... Но довольно скоро перестал иметь возможность делать это.

— А что такое?

— Он захворал.

— Чем?

— Сейчас это называется болезнь Альцгеймера. Тогда именовалось проще: старческий маразм, — снова вздохнул Пайчадзе.

— И когда это случилось?

— Точно не могу сказать, но в течение двух или даже трех лет он был, что называется, мало вменяемым. Родным его, конечно, пришлось тяжело, и даже очень тяжело. Помню, мне дочка его, Лера, жаловалась: отец на всех кричит, командует, стучит палкой, даже пытается распускать руки.

«Вот оно!» — с восторгом подумала я. В разговоре, наконец-то, наступил момент истины. Не зря я приезжала сюда и выслушивала Пайчадзе.

— И чем дело кончилось?

— А чем оно могло кончиться? — грустно переспросил старик. — Лера нанимала ему сиделок круглосуточных, платила им огромные деньги. Ведь и она, и супруг ее, Вилен Витальевич, работали. Намучились они все, короче говоря. Поэтому когда Федор Кузьмич умер, близкие, конечно, восприняли это как избавление. — Тут он спохватился: — Только это я вам сказал не для записи! Не вздумайте об этом писать! Если такое случится, я первым опротестую вашу публикацию!

— Что вы, что вы, — успокоила я старичка. — Совершенно не собираюсь делать эти факты достоянием гласности. Можете быть абсолютно уверены. А, случайно, нет ли у вас телефона дочери Старостина?

— Конечно, есть, — сказал Пайчадзе, вынул из кармана пиджака старую записную книжку в кожаном переплете и, пролистав странички, продиктовал мне номера Валерии Федоровны Кудимовой, в девичестве Старостиной.

Это была неоценимая находка. Чувствуя, что ухватила удачу за хвост, я спросила, а не знает ли он ее адрес? Ветеран секунду поколебался, но продиктовал — это был тот самый дом на Кутузовском проспекте! В третий раз пытая удачу, я осведомилась, не знает ли Григорий Михайлович, на каком

кладбище Федор Кузьмич похоронен. И этот факт оказался отражен в кондуите бравого старичка! Он назвал мне не только кладбище — Богословское, но и номер участка.

Я тепло распрощалась с Пайчадзе и даже погладила его холодную восковую руку. У меня мелькнула мысль: а не послать ли Рыжова с его подмосковным поселком куда подальше и немедленно заняться Лерой Кудимовой (Старостиной)? А также съездить на могилку экс-генерала (мне почему-то это тоже казалось важным). Но потом решила, что обижать барда и отменять назначенную встречу будет явным свинством, и, отправившись на Белорусский вокзал, покатила в Черенково, где проживал отставник.

Поселок оказался старым и потому довольно разношерстным. Лачуга и халупа вдруг сменялись форменным дворцом, за ним следовала русская изба, за которой выросло альпийское шале. По нужному мне адресу оказался забор среднего достатка. За ним просматривался дом — довольно большой, но построенный, видать, в советские времена нехваткой стройматериала: замурзанный кирпич, шифер на крыше, решетки на окнах, сваренные из арматуры. Я нажала кнопку беспроводного звонка. Минуту спустя мне открыл сам хозяин, Радий Рыжов — я узнала его по фотографии на сайте. Был он из той же серии, что старик Пайчадзе, — в рубашке, заправленной в брючки, с седым венчиком волос, однако бравый, подтянутый, даже весьма бодрый.

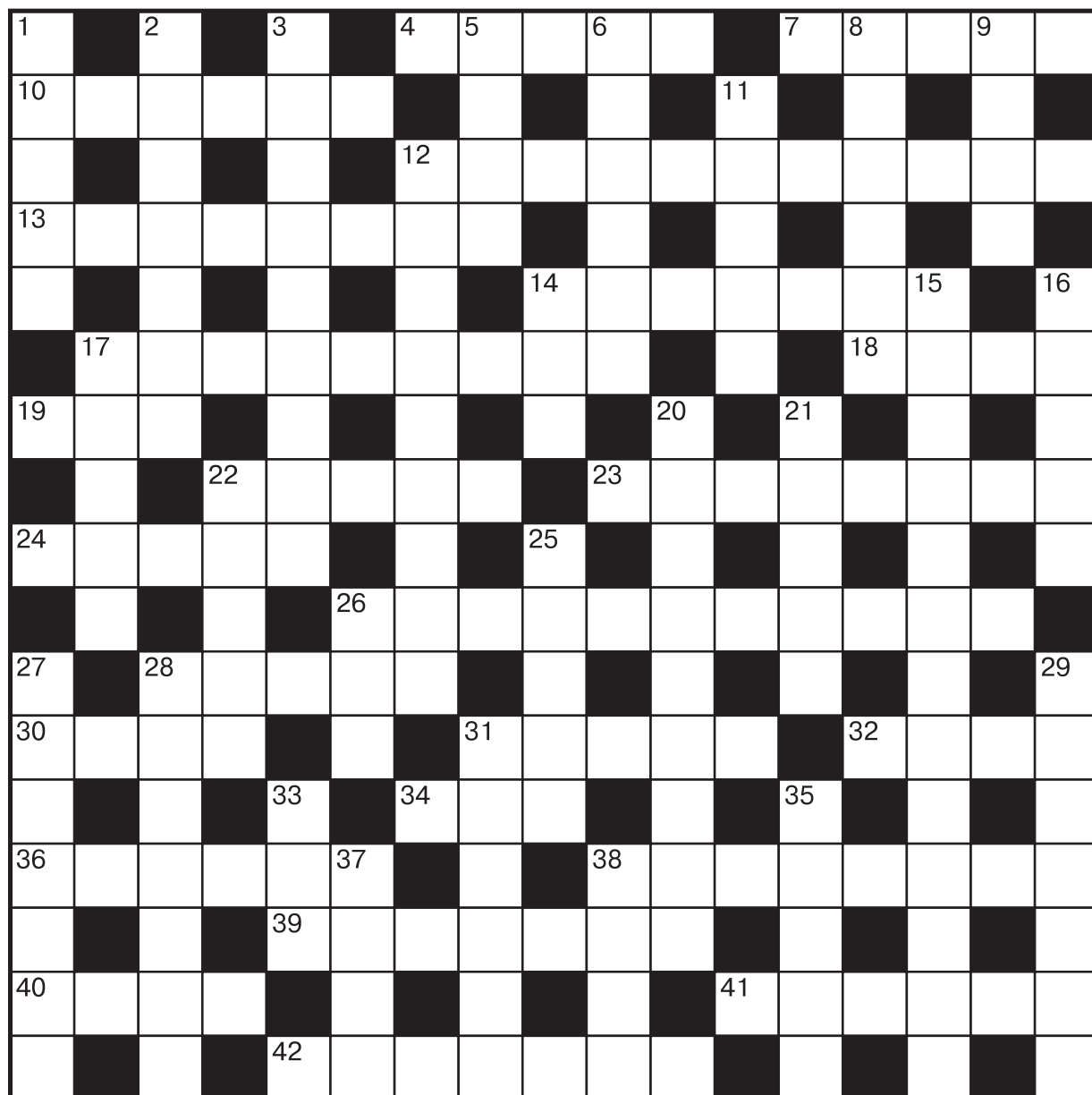
Я поздоровалась с ним — громче, чем нужно. Почему-то я предвидела, что у отставника могут быть проблемы со слухом.

Рыжов посмотрел на меня в некотором остолбенении. Казалось, он был не в силах выговорить ни слова, я даже подумала, что он не в себе. Но Рыжов вдруг пристально посмотрел на меня, внимательно вглядываясь в лицо, и пораженно прошептал: «Жанна?! Ты?!»

Потом закрыл лицо руками и навзрыд заплакал. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Дух несчастий из славянских мифов. **7.** Плод хурмы. **10.** Переводчик из кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию» Леонида Гайдая. **12.** Киноактер, жаловавшийся на то, что Эльдар Рязанов доверяет ему лишь роли подлецов. **13.** Кем вакансию можно закрыть? **14.** Что бывает не

только речным и морским, но также каменноугольным и железорудным? **17.** Где открыли первый в России памятник Адаму Козлевичу? **18.** Валюта участника АТЭС. **19.** Что помогло Дмитрию Менделееву составить периодическую систему элементов? **22.** «Модный ...» **23.** «Предмет слепого обожания». **24.** Пат-

риарх французского кино, чей прах развеяли над морем. **26.** Московская княгиня из романа «Идиот» Федора Достоевского. **28.** Хлеб к харчо. **30.** На каком чувстве построил свою литературную карьеру Говард Лавкрафт? **31.** Делу начало. **32.** Какой город заменил Лондон на съемках нашего сериала о Шерлоке Холмсе? **34.** «И клятву верности сдержали мы в бородинский ...» **36.** С каким проливом связан первый в истории бой паровых судов? **38.** Кто стал посредником между Григорием Распутиным и царской семьей? **39.** Совет от Михаила Галустяна: «Берегите себя, не заглядывайте в ... мужа!» **40.** Денежный ... **41.** Гонорар из УК. **42.** «Гарнир» к фену.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Половина пары. **2.** Какой Билл играет самого себя в фильме «Желание ребенка»? **3.** Герой фрески на куполе Ротонды американского Капитолия. **5.** Самые нужные связи. **6.** «Священная война» у мусульман. **8.** В каком из аме-

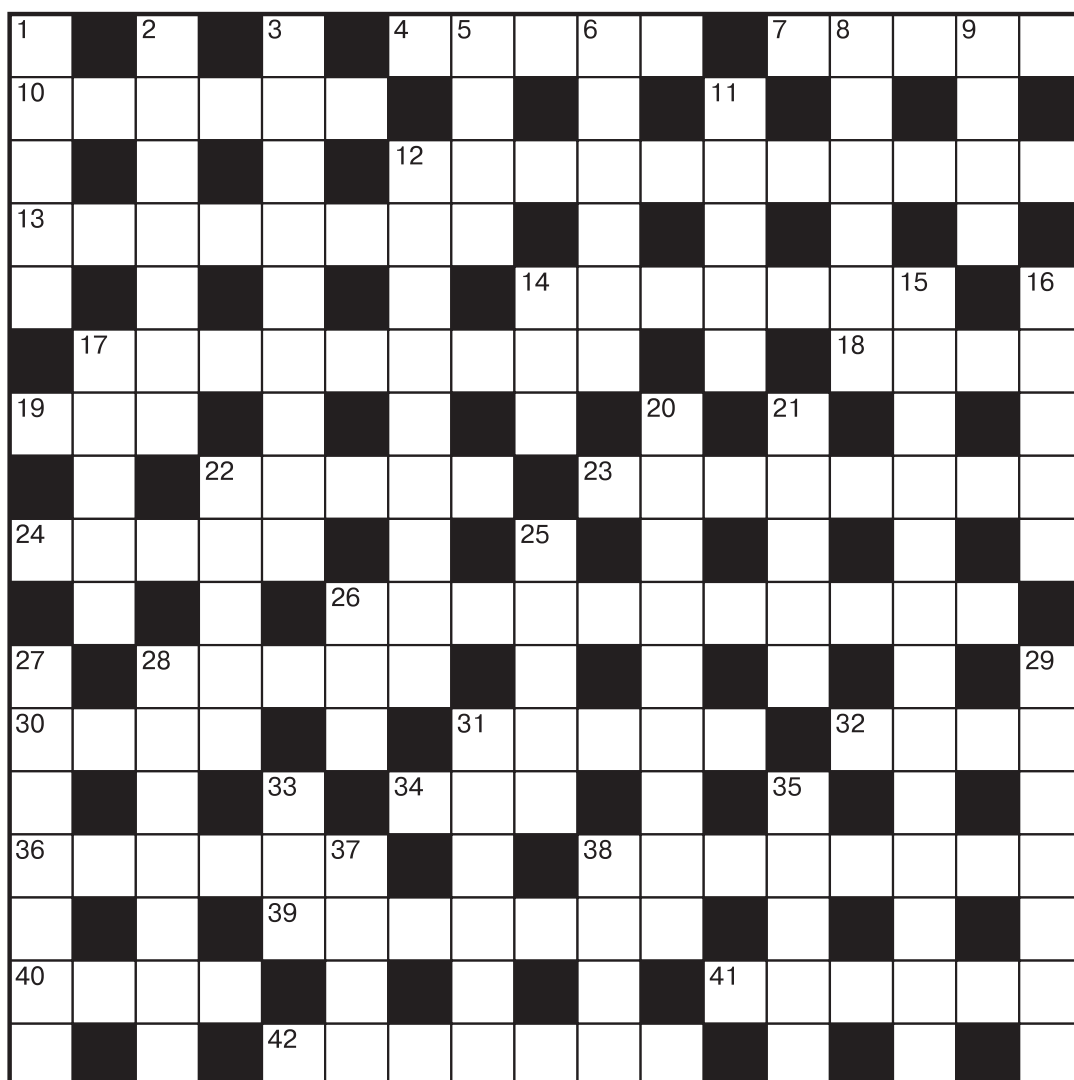
риканских штатов зародился серфинг? **9.** «За мной ...!» **11.** Где деньги меняют своих хозяев? **12.** Какая страна появилась на карте в результате длительной войны между Индией и Пакистаном? **14.** Придворная дискотека. **15.** Перед каким очарованием трудно устоять? **16.** Еда для скарабея. **17.** Искусство «выводить рулады». **20.** Любимый актер Андрея Тарковского. **21.** Какая колли сделала блестящую карьеру в кино? **22.** Поэтический жеребец. **25.** «Актеры не уходят на ... Просто они получают все меньшие и меньшие роли». **26.** Винный буфет. **27.** «Орлиный приют» из кинокомедии «Спортлото-82». **28.** Какая фамилия высечена на могиле вдовы Александра Пушкина? **29.** Какой инструмент «играет первую скрипку» в «Болеро» Мориса Равеля? **31.** Барьер в работе. **33.** «Мышелов». **35.** «Лишь вершину ... под собой не погребли молодые листья». **37.** По ней зимой ездят, а летом ходят. **38.** «Я злой и страшный серый ... Я в поросятах знаю толк».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шутка. **7.** Кляр. **10.** Полиция. **12.** Саботажник. **13.** Потенциал. **15.** Железо. **16.** Гаусс. **18.** Испания. **19.** Кий. **24.** Офтальмолог. **25.** Толчок. **26.** Ангел. **27.** Ворох. **30.** Метр. **34.** Дали. **35.** Теннисистка. **37.** Сени. **39.** Шезлонг. **41.** Дифракция. **42.** Дарий. **43.** Тромб. **44.** Эстонка. **45.** Олень.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Водопад. **2.** Витебск. **3.** Пицца. **5.** Урал. **6.** Кроу. **8.** Линдер. **9.** Рокфор. **11.** Затея. **12.** Саксофонист. **14.** Кабалевский. **15.** Жилье. **17.** Синод. **20.** Поход. **21.** Подол. **22.** Штамп. **23.** Плятт. **28.** Ранец. **29.** Химия. **31.** Реклама. **32.** Ананд. **33.** Актриса. **36.** Зебра. **37.** Сквош. **38.** Нитка. **40.** Галл. **41.** Дион.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. В 1800 году некий Роберт Фултон, живя в Париже, написал панораму города, ставшую пророческой немногим более чем через десяток лет, а называлась она «... Москвы». **7.** Космический телескоп из фильма «Гравитация». **10.** Тростниковая шляпа на японце. **12.** При какой парижской больнице располагалась клиника доктора Жана Шарко? **13.** Лента вместо галстука у матадора. **14.** Полоска бумаги, чтобы трубку раскуривать.

17. Сетчатая лягушка с Цейлона. **18.** «Снежный человек» у тибетцев. **19.** Цвет платья на жене губернского предводителя из рассказа «После бала» Льва Толстого. **22.** На каком греческом острове купил себе виллу Малах из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? **23.** Какой «солнечный камень» мистики рекомендуют надевать на увеселительные мероприятия? **24.** Глашатай из древнерусской жизни. **26.** Какой из математических терминов произо-

шел от «дважды шестого дня» древних римлян? **28.** Шар, который предполагается положить в лузу. **30.** Наставник мусульманских монахов. **31.** Германское племя, чьих воинов разгромил доблестный король Артур из британского эпоса. **32.** Английский классик, чье надгробие украшает рыцарский девиз «Верен как сталь, прям как клинок». **34.** Сын Йоко Оно от Джона Леннона. **36.** В каком штате снимали «Серенаду Солнечной долины»? **38.** Огненная ящерица. **39.** Какой парижский концертный зал построен на месте «Русских горок»? **40.** Французский композитор, носивший сутану. **41.** Напиток бессмертия для индуистских богов. **42.** Кто подарил Александру Пушкину фрак, в котором он сделал предложение руки и сердца Наталье Гончаровой?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая река греческих мифов превратилась в смрадное болото из «Божественной комедии» Данте? **2.** Профессор востоковедения, ставший мужем гениальной Лу фон Саломе. **3.** Глава рус-

ской дипломатической миссии в Тегеране, когда там служил Александр Грибоедов. **5.** Марийский кефир. **6.** «Священная роща» около древней Олимпии. **8.** В каком помещении у древних римлян обычно располагался домашний очаг? **9.** Командир 50 легионов демонов. **11.** Место, где скрывается дичь. **12.** Страх принятия пищи. **14.** Третий сын библейского Хама. **15.** Какой раздел анатомии за соединение костей отвечает? **16.** Ясновидящий, якобы закрутивший роман с Матой Хари и предсказавший ей расстрел. **17.** От какого варяга вел свою родословную знаменитый род Волконских? **20.** «Партия ударных» в эстрадной музыке. **21.** Цветочный символ Полинезии. **22.** Литературный псевдоним Владимира Набокова. **25.** Зять и сподвижник пророка Мухаммеда. **26.** Ставка по депозиту. **27.** Сокол из Южной Америки. **28.** Древняя кольчуга. **29.** Персидская парча. **31.** Символ на монгольском флаге. **33.** Магический город из сказок Макса Фрая. **35.** «Танец винограда» у молдаван. **37.** Мексиканский кофе. **38.** Фруктовый афродизиак.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Янцзы. **7.** Спик. **10.** Фацеция. **12.** Архитевтис. **13.** Финикийцы. **15.** Стэнли. **16.** Страх. **18.** Атакама. **19.** Тэн. **24.** Альпаргатас. **25.** Гречка. **26.** Ромни. **27.** Типун. **30.** Окия. **34.** Саба. **35.** Органиструм. **37.** Тако. **39.** Диоптаз. **41.** Прапрадед. **42.** Сисла. **43.** Юдолл. **44.** Инакопъ. **45.** Крикс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бариста. **2.** Целибат. **3.** Цицит. **5.** Нары. **6.** Зоил. **8.** Петанк. **9.** Косник. **11.** Веста. **12.** Ацетилхолин. **14.** Акупунктура. **15.** Смерч. **17.** Хэнкс. **20.** Мацис. **21.** Падуб. **22.** Углов. **23.** Рерио. **28.** «Парад». **29.** Народ. **31.** Ярополк. **32.** Палас. **33.** Руспоно. **36.** Линде. **37.** Ташка. **38.** Кекпа. **40.** Зикр. **41.** Плюк.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2015 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 01 февраля 2015 года открыта досрочная подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2015 года по Каталогу — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ»

«Спецвыпуск» через любое отделение почтовой связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2015 года.

Примерный образец каталога:

Каталог «Газеты Журналы» Спецвыпуск		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
---	---	--

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам: **71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный)**.

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

«Его произведения и сегодня читаются так, словно были написаны в наше время. Жаль только, что читают их мало, особенно с тех пор, как они изъяты из школьной программы. А ведь его меткие афоризмы актуальны и по сей день. Взять хотя бы этот: «Заговорил о патриотизме. Как видно, украсть что-то хочет». Родился Михаил Евграфович Салтыков почти двести лет назад. Впоследствии он дослужился до титула тверского вице-губернатора, но в историю России вошел как талантливый писатель и один из первых настоящих сатириков, по некоторым оценкам — по сей день непревзойденным.

Светлана **Бестужева-Лада** «Лицеист тринадцатого выпуска»

«Трудно найти в истории женщину, с чьим именем было бы связано столько легенд и вымыслов. Когда называют это имя, сразу возникает ассоциация с чем-то невыразимо-прекрасным, даже божественным. Речь идет о Клеопатре — последней представительнице древнейшего рода Пталомеев, много веков правившего Египтом. Она была возлюбленной двух великих мужчин — Цезаря и Марка Антония. Она потрясала Рим роскошью своего окружения, одежды, драгоценностей. И... она вовсе не была красавицей в общепринятом смысле слова, не продавала свои ночи за жизнь возлюбленного и не пила жемчужин, растворенных в уксусе. У нее были совсем другие заботы...

Майя **Орлова** «Последняя представительница древнейшего рода»

«От героев былых времен не осталось порой имен...» — поется в песне из популярного советского фильма. Но бывало и наоборот: остается только имя, а вокруг него — легенды, становящиеся с годами историческими фактами. А был ли герой на самом деле? Человек с таким именем точно был, только про его жизнь и смерть мало что известно — почти все придумано...

Денис **Логинов** «Банивур — легенда Гражданской войны»

«Беседа Елены **Воробьевой** с актрисой кино и красавицей-женщиной **Ольгой Кабо**

«Окончание романа Анны и Сергея **Литвиновых** «Сердце Бога»